ЧЕЛОВЕК

Иллюстрированный
научно-популярный журнал

Выходит 6 раз в год

Журнал основан в 1990 году
академиком И.Т. Фроловым

№ 1 (январь — февраль)

Учредитель:
Российская академия наук,
Президиум

“Наука”

СОДЕР

Человекознание: история, теория, метод

Гены забытых предков
Е.Я. Тетушкин 5

Эволюция: вектор и траектории. Статья 2. Женское и неженское лицо мифоритуальной системы
А.А. Пелипенко 23

Перспективы гуманизма

Нарождающаяся идеология массового общества, или Степун против Горького в защиту Достоевского
В.К. Кантор 37

Откуда и куда

Исследования девичества. Ретроспективный анализ
Е.И. Булатова 45

Удовлетворение потребностей в стиле “минимализм”
О.О. Савельева 60

Русский путь. “Железнодорожный вопрос” в общественной жизни (1820–1850-е годы)
Н.О. Шашкова 74

Университет человека

Эргономика в СССР
Г.Б. Степанова 94

Личность и власть

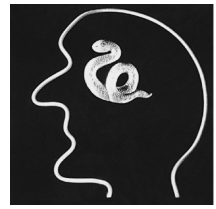
Альберт Эйнштейн, невозвращенец
Е.М. Беркович 104

Всех знаемых и незнаемых
З.В. Островская 119

ЖАНИЕ

Философская антропология

131 **Николай Бердяев и Василий Розанов: два опыта философской автобиографии**
С.М. Климова



Гуманитарная экспертиза

138 **Интимные технологии и кризис социальности**
О.В. Попова

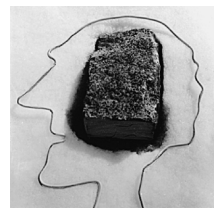
153 **До рождения: на границе человеческого**
Т.О. Новикова

Судьба

163 **П. Чаадаев: социальный критик, философ, резонер?**
Е.В. Мареева

Быть или может быть?

174 **Играющий с болезнью**
Д.А. Изуткин, Н.Е. Смирнова

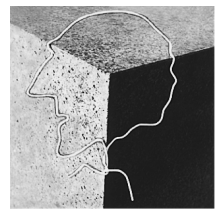


44 Новые книги

184 **Аннотации и ключевые слова публикуемых статей**

190 **Содержание на английском языке**

192 **К сведению авторов**



© Российская академия наук, 2017
© Редколлегия журнала “Человек” (составитель), 2017

Журнал издается под руководством Президиума РАН

Редакционный совет:

академик Велихов Е.П.
академик Иванов В.В.
академик РАО Лиханов А.А.
академик Янин В.Л.

Редакционная коллегия:

член-корреспондент РАН Юдин Б.Г., главный редактор
кандидат психологических наук Авдеева Н.Н.
доктор философских наук Артемьева Т.В.
доктор философских наук Борзенков В.Г.
Воробьев С.Л.
академик Гусейнов А.А.
доктор философских наук Диев В.С.
доктор исторических наук Дробижева Л.М.
доктор психологических наук Знаков В.В.
кандидат философских наук Мануильский М.А., зам. гл. редактора
Островская Г.В., отв. секретарь
академик Петров Р.В.
Резниченко Л.А.
академик РАО Рубцов В.В.
академик Степин В.С.
академик Тишков В.А.
доктор физико-математических наук Тропп Э.А.
академик Челышев Е.П.

Над номером работали:

Буторина В.В.
Малков С.М.
Марабанец С.М.
Махиянова Е.Б.
Мышко Т.Л.
зав. отделом оформления Юрчевская Г.Н.
техническое редактирование и верстка Нефедова Г.О.

ГЕНЫ ЗАБЫТЫХ ПРЕДКОВ (размышления о генеалогии, генетике и личностной идентичности, часть II)

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

© 2017

Е.Я. Тетушкин

Сколько предков у нас было

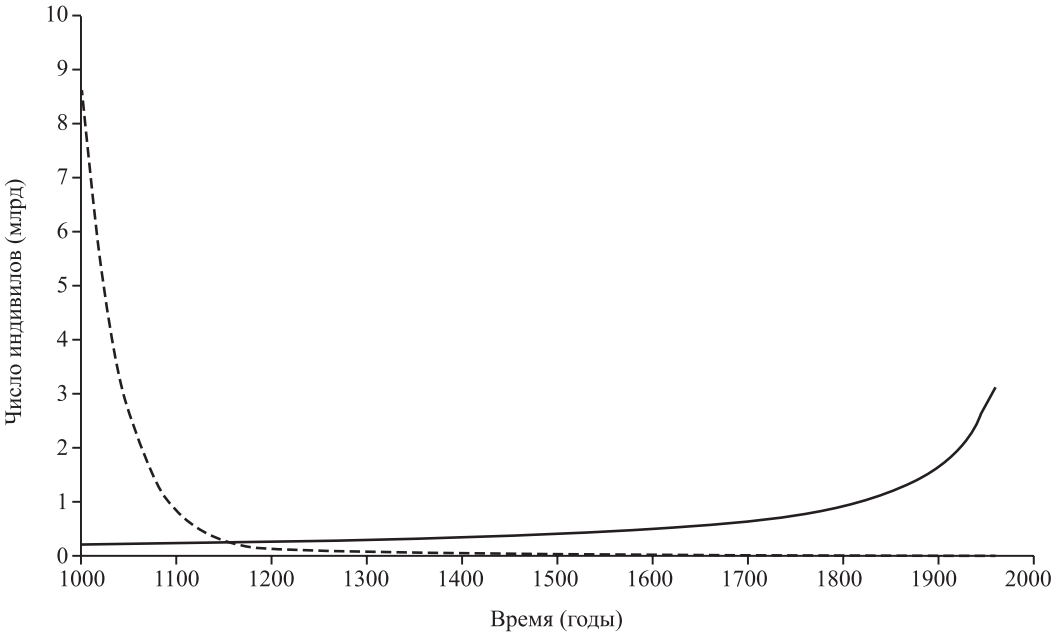
Временная глубина конструируемых генеалогических идентичностей измеряется числом и длиной поколений, о которых имеются сведения. Поколение — естественная единица времени, разделяющего предков и потомков. Согласно давно сформулированному генеалогами “закону трех поколений”, на каждые сто лет приходится три последовательных поколения (см. [12]). Поэтому время, выраженное в поколениях, легко перевести в календарное. Подразделение непрерывного генеалогического, а также исторического времени на дискретные единицы — поколения, “эпохи” и т.п. — имеет, помимо прочего, существенное значение для конструирования идентичностей.

Число предков индивида удваивается в каждом предшествующем поколении. Таким образом, в поколении n (нумерация ведется от поколения родителей) оно равно 2^n. Генеалоги старой выучки называют эту зависимость “законом удвоения предков”. В соответствии с этим законом количество предков одного человека по мере углубления в прошлое увеличивается очень быстро и уже в десятом поколении достигает 1024. Однако у такого роста должен быть предел. Это ясно хотя бы из того, что численность человечества конечна, а в прошлом она была меньше, чем сейчас. Элементарный расчет, с учетом данных палеодемографии, показывает, что в начале прошлого тысячелетия ожидаемое число предков человека, родившегося во второй половине XX века, кратно превышает численность всего населения Земного шара.

Противоречие между ожидаемым и фактическим числом пращуров объясняется тем, что на концах многих ветвей достаточно большого, “старого” восходящего родословного древа любого человека находятся родные братья и сестры. Выдающийся генетик и эволюционист Сузуму Оно, с которым мне

Тетушкин Евгений Яковлевич — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН. В журнале “Человек” опубликовал статью “Существуют ли расы человека?” Человек. 2015. № 1. E-mail: tetushkin_e@mail.ru

Окончание. Начало см. “Человек”. 2016. № 6.



Ожидаемое увеличение числа предков индивида (прерывистая линия), родившегося во второй половине XX веке, и рост численности человечества (сплошная линия), см. [12]

довелось общаться, назвал (см. [12]) этот феномен интерференцией сиблингов (сиблингами или сокращенно сибсами в генетической литературе называют родных братьев и сестер). Как показало математическое моделирование, такой эффект становится заметным только в довольно далеких предковых поколениях — старше 11-го. Чем дальше в прошлое — тем больше расхождение между ожидаемым на основе закона удвоения и вычисленным с учетом интерференции сибсов числом предков. Так, в 20-м поколении (приблизительно шесть веков назад) у каждого из нас должно было бы быть 1 048 576 пращуров, а согласно модельному расчету их 616 315. Моделирование показало, что в 29-м поколении число предков достигает 5 176 006 (вместо 268 435 456 по формуле 2^n) и больше не растет. Более того, с 30-го поколения оно начинает постепенно уменьшаться. Такую динамику замедленного роста числа предков с последующим их убыванием отечественные генеалоги именуют “законом убывания предков”, хотя в современных англоязычных текстах используется, на мой взгляд, более удачный синоним — коллапс родословных.

Особенно наглядные иллюстрации коллапса родословных дают восходящие генеалогии некоторых монархов, предки которых из династических соображений вынуждены были вступать в близкородственные браки. Например, в 10-м поколении родословной испанского короля Альфонсо XII (1857–1885) из дома Бурбонов насчитывается всего 111 предков вместо ожидаемых 1024. Эта родословная “схлопнулась” на 89%, потому что она восходит преимущественно к одной

брачной паре — Людовику XIV и Марии Терезии Австрийской. Нечто подобное наблюдается и в изолятах — изолированных от остального мира группах людей, где все друг другу родственники. Иногда массовый преждевременный коллапс родословных происходит вследствие так называемого эффекта бутылочного горлышка. Такая ситуация имела место во время эпидемии чумы 1237–1240 годов, которая привела к значительному сокращению населения Западной Европы и, в меньшей степени, России. Аналогичные последствия для населения Руси имело монгольское нашествие 1237–1240 годов. Эти события сказались на динамике роста и убывания числа предков многих жителей Евразии и не только Евразии.

Пожалуй, наиболее интригующие результаты, углубляющие представления о генеалогической идентичности наших современников, были получены несколько лет назад в результате компьютерного моделирования процессов, связывающих всех современных людей с их ближайшими общими предками [14]. Из теории известно [13], что *все* представители условно "стандартной" популяции имеют ближайших общих предков 1.77log2N поколений назад, где N — численность популяции. Иными словами, *все* жившие тогда и раньше лица, основавшие какие-либо генеалогические линии, являются предками *всех* своих ныне живущих соплеменников; точнее, 80% из них, поскольку остальные 20% не оставили потомков, их линии пресеклись. Эти математические выводы получили развитие в довольно реалистичных моделях генеалогии человечества [14], в которых учитываются два ключевых в данном случае фактора — география, влияющая на структуру народонаселения, и история, влияющая на его рост. Оказалось, что *ближайшие* общие предки *всего* человечества жили не в каком-то далеком доисторическом прошлом, как обычно считается, а в исторические времена. Поколение, *все* представители которого, оставившие потомков, являются предками *всех* современных людей, было названо точкой одинаковых предков (сокр. IA[1]). Датировки точки IA зависят от задаваемых параметров модели и варьируют от 2158 года до н.э. до 5353 года до н.э. Эти результаты обогащают наши представления о собственной генеалогической (но не генетической!) идентичности. В конце статьи [14], высказывается "замечательная" (по оценке авторов) мысль: "независимо от языков, на которых мы говорим, и цвета нашей кожи, у нас есть общие предки, которые сажали рис на берегах Янцзы, первыми одомашнили лошадей в степях Украины, охотились на гигантских ленивцев в лесах Северной и Южной Америки и строили Великую пирамиду Хеопса". Присутствие в моей родословной столь трудолюбивых и предприимчивых (хотя и разноликих) предков греет душу. Но все-таки нам как-то ближе и понятнее люди, проживавшие в родных палестинах. Именно они внесли определяю-

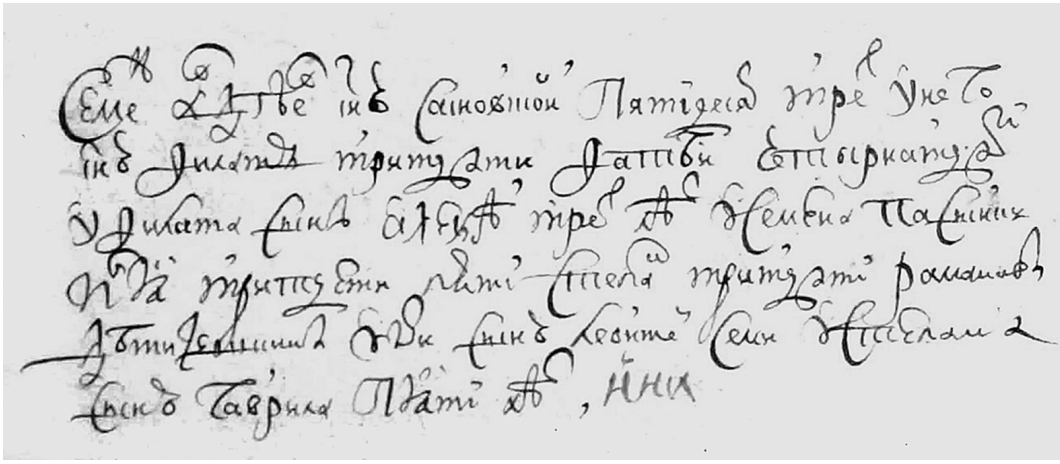
[1] Identity ancestry point — точка одинаковых предков.

щий вклад в нашу генеалогическую и, конечно же, генетическую идентичность.

Как известно, земля наша велика и обильна, в частности разнообразным "человеческим материалом" (как выражался А.А. Зиновьев). В ней господствовали, на протяжении почти всей истории существовавших здесь государственных образований, феодальные порядки, общество было расколото на неравноправные сословия. В течение многих веков в этой части Евразии происходили масштабные перемещения людских масс, подчас сопряженные с демографическими катаклизмами. Все это затрудняет математический анализ генеалогических процессов. Например, вычисление точки IA. Ее легче оценить для населения относительно изолированных территорий. Так, английские авторы уверенно утверждают, что общие предки всего населения Великобритании жили 22 или 23 поколения назад, то есть около 1300 года н.э. (см. [12]). Для российской популяции получить такую оценку пока невозможно, нет необходимых данных.

Некоторый свет на основы нашей генеалогической идентичности может пролить генетика, но ее возможности ограничены, поскольку генеалогическая идентичность отличается от генетической. Остается единственный выход — обратиться к генеалогическим документам. Усилиями энтузиастов была создана компьютерная система "Русская генеалогия", предназначенная для обобщения и систематизации сведений о родословных соотечественников, живших в X–XXI веках (см. [1, 2, 12]). Был осуществлен ввод в базу данных сведений о сотнях тысяч дворян. Это позволило реконструировать для немалого числа лиц относительно широкие и глубокие родословные, а также выявить неожиданные пересечения между ними. Так, было показано, что граф Л.Н. Толстой находится в родстве с представителями династии Романовых, у них был, по крайней мере, один общий предок — боярин Никита Романович Юрьев-Захарьин; Л.Н. Толстой является девятиюродным дедом Николая II [2]. Удалось установить родство А.С. Пушкина, гр. Л.Н. Толстого и С.В. Михалкова, которые, как оказалось, имеют общего предка — дворянина московского Данилу Моисеевича Глебова, бывшего в 1648 году объезжим головой [1]. Были найдены общие потомки Екатерины II и М.В. Ломоносова. Ими оказались отпрыски рода герцогов Мекленбург-Стрелицких, проживающие в Германии, а также князь Сергей Евгеньевич Трубецкой и его сестры, осевшие в США [2]. Подобная информация, безусловно, обогатила представления потомков знатных фамилий о собственной генеалогической идентичности.

Однако подавляющее большинство предков российского человейника (термин А.А. Зиновьева) были крестьянами. А восстанавливать крестьянские родословные сложнее, чем дворянские. Тем не менее, это возможно, по крайней мере,



Фрагмент одной из страниц материалов 1-й ревизии “села Лесного Тамбова, Расказова тож”, проводившейся в 1719 году. Расшифровка почерка: “Семен Авдеев сын Сасновской, 53-х [лет], у него сын[овья] Филат, 30, Фатей, 14, у Филата сын Алексей, 3 лет, у Семена пасынки Илья, 35, Степан, 30, Романовы дети Те[ту]шкины, у Ильи сын Леонтей, 7, у Степана сын Гаврила, 5 лет”. (РГАДА, фонд 350, опись 2, часть 2, дело 3484.) Переписчик ошибся, опустив слог в моей фамилии; в соответствующей записи сказки за 1762 г. (3-я ревизия) она записана верно

до определенных пределов. В семейном архиве есть свидетельство, из которого я когда-то узнал, что мой отец сын крестьянина. Несколько лет назад я попытался реконструировать его родословную. Попытка не удалась, но мне удалось, ознакомившись с архивными материалами и трудами краеведов, сформировать общее представление о генеалогической идентичности предков по отцу. Сжатый экскурс в семейную историю проиллюстрирует процесс эволюции идентичностей под влиянием социально-экономического развития и эпохальных катаклизмов.

Мой отец, поздним отпрыском которого я являюсь, родился в 1893 году в селе Рассказово Тамбовской губернии. Он тоже был поздним, самым младшим ребенком в семье. Его отец умер в 1914 году, а мать в 1917; видимо, они родились в середине XIX века. Из-за большой длины двух предшествующих поколений, люди первой половины XX и второй половины XIX столетий мне субъективно ближе, чем большинству современников. Осмыслению генеалогической идентичности рассказовских предков помогает также то обстоятельство, что все они (или почти все) — потомки первых жителей села, появившегося на окраине необъятного Дикого Поля в 1698 году. Его немногочисленные основатели во главе с моршанским крестьянином Степаном Разсказом пришли из расположенных к северу от этого места селений Куликово и Морша. Однако преобладающая часть первопоселенцев — более двух тысяч — были дворцовыми крестьянами, переселенными в самом начале XVIII века из подмосковных владений царской семьи. Сведе-

Свидѣтельство.

Предъявитель сего Тетушкинъ Яковъ Петровъ, сынъ крѣпа села Разсказова, Тамбовскаго у. родившійся 23 января 1893 г., обучался съ 1902 по 1907 годъ и окончилъ полный курсъ ученія въ Разсказовскомъ двухклассномъ училищѣ.

При отличномъ поведеніи оказалъ успѣхи:

по закону Божію отличные
„ русскому и церковно-славянскому языку отличные
„ ариѳметикѣ и геометріи отличные
„ исторіи отличные
„ географіи и естествовѣдѣнію отличные
„ пѣнію отличные
„ черченію отличные

въ чемъ и выдано ему, Тетушкину, сіе свидѣтельство за печатью училища.

С. Разсказово, Тамб. уѣзда. 25 мая 1907 г.

Почетный Блюститель М. Куприянов

Завѣдывающій училищемъ

Законоучитель, священникъ

Преподаватели:

Свидетельство об окончании двухклассного училища. 1907 год

ния о них приводятся в материалах 1-й ревизии, датированных 1719 годом. Среди прочих там упомянуты “дети Тетушкины” — двое мужчин 30 и 35 лет, один из которых, вероятно, является моим прямым предком по мужской линии. Общее же число предков отца, живших в начале XVIII века, по-видимому, превышало половину сотни.

Ядро идентичностей членов подобных общин формируется под влиянием межличностных отношений, зависящих от социально-экономической ситуации, которая в данном случае на протяжении двух столетий постоянно менялась — земледельче-

Учащиеся Разсказовского двухклассного училища: Борисовъ Андрей, Скучаевъ Ѳеодоръ, Тетушкинъ Яковъ (сидит), Шишковъ Василій. На обороте фотографии надпись: "Дорогому товарищу Якову Тетушкину". 1907 (?) год

ское поселение постепенно превращалось в торгово-промышленное [9]. Со второй половины XVIII века значительная часть рассказовцев, по сути, были фабричными рабочими. Например, мой дед, владевший участком земли (помимо приусадебного огорода), работал, как и его старший сын, на суконной фабрике братьев Асеевых[2]. Таким образом, мой отец унаследовал от ближайших предков двойственную "крестьянско-пролетарскую" идентичность.

Велик ли вклад генеалогической идентичности в общую идентичность индивида? На первый взгляд, кажется, что в данном конкретном случае он незначителен. На рубеже ве-

[2] После революции младший из братьев вынужденно "сменил идентичность", став советником президента США по текстильной промышленности. Эти фабриканты были выходцами из крестьян.

К. С. С. Р.
СИМФЕРОПОЛЬСКИЙ
ГОРОДСКОЙ СОВЕТ
Рабочих и Красноармейских
Депутатов

ق. س. ش. ج.
آق‌مسجد شهری ایشچی کویلی
وقزیل اوردو وکیللهری شوراسی

27 Марта 1924 г.
№ 107.
гор. Симферополь

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
بوتون دونیا ایشچیلهری بیرلشیکز!

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Предъявитель сего, тов. Тетушкин Яков Петрович
есть действительно член
Симферопольского Горсовета
5-го Созыва от 9-го Стрелк. полка.
Собственноручная подпись
Что подписью и приложением печати удостоверяется.
Председатель Горсовета
Председатель Мандатной Комиссии
Секретарь Совета

Права и обязанности члена Городского Совета.

1. Член Симферопольского Совета должен во всей своей деятельности всесторонне выяснять нужды рабочих своего предприятия, равно как и нужды самого предприятия и через соответствующие органы добиваться по возможности наибольшего их удовлетворения.
2. Член Симферопольского Совета пользуется правом свободного входа во все Отделы учреждения, подведомственные Симферопольскому Совету.

   Примечание: Учреждения, где вход производится по особым пропускам, члены Симферопольского Совета входят со своими депутатским билетами, без всяких пропусков.
3. Член Симферопольского Совета имеет право присутствовать на приеме всех ответственных работников Отделов и учреждения, подведомственных Симферопольскому Совету.
4. Члены Симферопольского Совета могут быть отзываемы исключительно предприятиями и учреждениями, избравшими их.
5. Лишение свободы членов Симферопольского Совета может производиться только после уведомления Президиума Симферопольского Совета, а дальнейшее лишение свободы подлежит утверждению Пленума Симферопольского Совета.

Мандат депутата. 1924 год

ков в Российской империи заработали социальные лифты, особенно в городах и урбанизирующихся поселках. Благодаря им мой отец еще до революций 1917 года приобрел новые идентичности, кардинально отличающиеся от семейных. После окончания двухклассного училища и Тамбовского Екатерининского учительского института он стал учителем в школе при сахарном заводе графа Орлова-Давыдова. Через год, когда разразилась Первая мировая война, был призван в армию, в мае 1915 года направлен во 2-ю Московскую школу прапорщиков и в том же году произведен в прапорщики армейской пехоты. Документы о службе в “старой армии” в семейном архиве отсутствуют; видимо, они были уничтожены в период репрессий. Судя по всему, офицерская карьера началась успешно[3], поскольку после Февральской революции, когда была введена выборность командиров, Якова Петровича избрали командиром батальона.

Но подлинно тектонические сдвиги, как в российском социуме, так и в идентичностях его членов, произошли после Великой Октябрьской социалистической революции. Например, деятельность учителя и военного приобрела революционную идеологическую окраску. Так, Яков Петрович, проработавший весь 1918 год учителем в родном селе, вступил в Союз учителей-интернационалистов, а в 1919 году, когда его как “военспеца” призвали в Красную армию, был “вовлечен” в РКП(б). При этом в армии и не только происходила конвергенция идентичностей представителей разных сословий. За примером далеко ходить не надо. Одним из начальников 46 стрелковой дивизии, в которой Яков Петрович командовал батальоном и полком, был бывший дворянин, бывший левый эсер Саб-

[3] 10 июля 1942 года командир 141 стрелковой дивизии полковник Тетушкин в письме секретарю ЦК ВКП(б) Маленкову заметил: “Я воевал в войну 1914–1917 годов, бывал в штабах полков, дивизий”. Этот документ был опубликован в номере журнала “Родина” за 2005 год, посвященном 60-летию Победы (под названием “Умри, а держись”). По духу и стилю он перекликается со знаменитым сталинским приказом № 227 от 28 июля 1942 года, известном как приказ “Ни шагу назад”. Смелое и нелицеприятное письмо Тетушкина было перепечатано год спустя (06.05.2006) газетой “Известия”.

лин[4]. У Ивана Бунина в “Окаянных днях” есть о нем запись: “Юрка Саблин, — командующий войсками! Двадцатилетний мальчишка, специалист по кэкуоку, конфектно-хорошенький...”. Таким образом, и крестьянский и дворянский отпрыски, служившие на командных должностях, обрели сходные идентичности **красных** командиров.

Можно ли разглядеть за подобными наслоениями генеалогическую идентичность “мальчиков невиданной революции”, “посетивших сей мир в его минуты роковые”? Резонно предположить, что наследие длинных верениц крестьянских или дворянских предков, социальной среды, в которой они обретались, не могло бесследно исчезнуть. И потомок крестьян отличается по своему культурному багажу от потомка дворян. Даже если первый преподавал в академии им. Фрунзе, любил оперу и по выходным играл на скрипке (как мой отец). Помимо сословия, важнейшее значение для генеалогической идентичности имеют также этническая и конфессиональная принадлежность предков. В этом плане уроженцы Рассказово представляют особый интерес.

В селе проживали не только православные, но и многочисленные сектанты. Православными были дворцовые (с 1797 года удельные) крестьяне, значительная часть которых в 1795 году была “пожалована” Екатериной II братьям Архаровым[5]. В 1796 году на окраине села поселились выходцы из нижегородских имений графа Шереметьева [4], основавшие крупную молоканскую общину. От нее некогда отпочковались иудействующие (субботники), число которых в 1864 году составляло здесь около 1000 душ ([3], с. 159). В XIX веке появились хлысты. Есть мнение, что русские ереси близки к протестантским ересям Европы (см. [9]); они якобы способствовали приспособлению трудовой этики к нуждам нарождающегося капитализма. Идентичности представителей тамошних религиозных общин были столь различны, что они, по свидетельству краеведов, не смешивались друг с другом даже после отмены крепостного права.

Наиболее резкую реакцию власть предержащих вызывали иудействующие, которые в официальных документах обычно именовались жидовствующими; навязывалось мнение, что русские, соблюдающие “Моисеев закон”, “подлинно суть жиды” [8]. Для адептов этой секты характерны забавные сочетания нарочито еврейских имен (Израиль, Соломон, Моисей и т.п.) с русскими фамилиями. Субботники в данном контексте чрезвычайно интересны, поскольку у них существовали непреодолимые проблемы с самоидентификацией. Это относится и к их потомкам, которые не могут определиться с собственной генеалогической идентичностью [8]. На этой почве возникают курьезные ситуации. Так, на ряде сайтов уроженец Рассказово выдающийся физик и организатор науки академик Моисей Александрович Марков (1908–1994) включен в списки видных

[4] Согласно документу 1936 года, в апреле 1920 года командир 409 стрелкового полка “б. офицер” Тетушкин докладывал Саблину о своем побеге из концлагеря в Джанкое (Крым), где находился в белогвардейском плену. Юрий Саблин и его предшественник Роберт Эйдеман, командовавший дивизией до апреля 1920 года, были расстреляны в 1937 году; сменивший Саблина Иван Федько, дослужившийся впоследствии до заместителя наркома обороны СССР, был расстрелян в 1939 году. Такая же участь могла постичь и Я.П. Тетушкина, причем не только в 1930 годы, но и в начале 1920-го года, когда под Перекопом 137 бригада, в которую входил его полк, была окружена конным корпусом генерала Барбовича. Пулеметчики успели переодеть комполка и он не выделялся из общей массы красноармейцев, передвигавшихся на тачанках. Комиссар же полка Слайковский, чтобы избежать неминуемой расправы, застрелился на глазах у однополчан и белоказаков. Командиров, политработников и евреев белые расстреливали на месте. В лагере военнопленных Я.П. Тетушкин записался под другой фамилией и его никто не выдал. Вскоре после его побега из барака тифозных в концлагерь из тыла красных пришла контрразведка белых и стала разыскивать командира 409-го полка. Осенью 1920 года, после взятия Перекопа, когда ди-

Курсы "Выстрел", Москва. Я.П. Тетушкин стоит на фоне портрета Ленина. Четвертый справа в первом ряду — б. белогвардейский генерал Слащов, послуживший прототипом генерала Хлудова из пьесы М.А. Булгакова "Бег" (в одноименном фильме его играет В.В. Дворжецкий); рядом с ним — б. генерал Медведев. 1925 год

представителей отечественного еврейства. Но в Рассказово не было еврейского населения. Семья дворцовых крестьян Марковых есть в ревизской сказке 1719 года (84-я в перечне). Почему же академика Маркова причисляют к евреям? Хотя эта фамилия встречается в исповедных ведомостях XIX века, не исключено, что кто-то из предков академика перешел из православия в субботничество. Мой отец рассказывал, что их семью некогда, под чьим-то давлением, "записали в евреи". Через непродолжительное время они благоразумно вернулись в православие. Краеведы, с которыми я общался в социальных сетях, уверяли, что местные субботники, равно как и молокане, происходят из крепостных графа Шереметьева. Все их фамилии известны наперечет. Однако из приведенного примера видно, что случаи прозелитизма субботников, вероятно, были. Любопытно, что на товарном знаке торгового дома упомянутых братьев Асеевых название их фабрики переведено на идиш[6]. Причины такого демонстративного филосемитизма неизвестны. Предполагают, что братья, не имевшие ни капли еврейской крови, примкнули к иудействующим. Однако это предположение пока не нашло подтверждения.

При осмыслении идентичности иудействующих возникает вопрос о границах применимости этноконфессиональных ка-

тегорий. А.Л. Львов [8] причислил этот необычный социум к текстуальным сообществам. Согласно определению Б. Стока, такие сообщества объединяют людей "вокруг общего понимания некоего текста" (цит. по [там же]). В рассматриваемом случае это "Моисеев закон", предписывающий, в частности, празднование Субботы. Текстуальные сообщества были обычны в Европе, начиная с XI–XII и вплоть до XVII–XVIII веков. Идентичность субботников определяется в первую очередь не национальностью, на вопрос о которой они отвечали по-разному: одни говорили, что они русские, другие — что евреи, а третьи — вообще не знали, что ответить. И даже не конфессиональной принадлежностью, поскольку разные их общины придерживались разного понимания основ своего вероучения. По мнению А.Л. Львова [там же] ключевыми событиями в истории иудействующих "являются не отказ от христианства и переход в иудаизм, не превращение русских в евреев, а установление новых связей между религиозными практиками и текстами". Субботникам и потомкам субботников, видимо, нелегко постичь эту затейливую мысль, что затрудняет их самоидентификацию.

Генетические и генеалогические предки

У каждого из нас, об этом уже шла речь, громадное число предков. Вместе с тем, у особей *Homo sapiens* в норме всего 46 хромосом; 23 мы получаем от матери и 23 — от отца. Если бы хромосомы передавались целиком, то уже в 6-ом поколении, в котором число предков равно 64-м, у нас было бы, по меньшей мере, 18 предков, не передавших нам никакого генетического материала. Однако в действительности во время мейоза (специфического деления половых клеток) происходит рекомбинация хромосом, т.е. перетасовка сегментов ДНК, расположенных на парных гомологичных (сходных) хромосомах отцовского и материнского происхождения. Геном человека разделен, по-видимому, примерно на 50 или несколько более тысяч блоков (гаплотипов), внутри которых рекомбинации редки. Поэтому вероятности получения генетического материала от любого предка в шестом поколении довольно велики.

Средний вклад предка в геном потомка равен $(1/2)^n$, где n — номер предкового поколения. Но фактический генетический вклад разных предков, начиная с поколения дедов, может быть разным. Чем дальше в прошлом жил пращур, тем меньше вероятность, что он передал потомкам какие-либо участки своего генома. От абсолютного большинства предков мы не получили ни единого нуклеотида. Однако без этих "генетически неэффективных" [12] предков, не было бы и нас. Примечательно, что *все* предки по прямым мужским и женским линиям генетически эффективны; первые передают по эстафете нере-

визия вступила в Севастополь, красноармейцы нашли стопку номеров газеты, издававшейся врангелевцами; в одном из них сообщалось, что взятый в плен комполка 409 расстрелян. Таким образом, во время революций и гражданских войн наличие той или иной идентичности — это вопрос жизни и смерти. Как же можно отрицать (см. часть I) практическое значение идентичности?

[5] Старший из которых, назначенный московским обер-полицмейстером, вошел в историю как "суровый командир еще более суровых архаровцев".

[6] В кириллической транскрипции — "Шубана братьев Асеевых в Разшеказва Тамбошкано".

комбинирующую (за исключением концов) Y-хромосому сыновьям, а вторые — мтДНК (тоже нерекомбинирующую) дочерям.

Все современные люди друг другу родственники, поскольку принадлежат к одному биологическому виду. Для генетика это банальное утверждение имеет нетривиальное смысловое наполнение. Возьмем любых двух человек. Сравнение их ДНК позволяет оценить генетические различия между ними. Чем больше различия, тем меньше родство. Однако если копнуть глубже, то выяснится, что сходство этих двух геномов по разным гаплотипам может быть очень разным. Это объясняется главным образом тем, что общие предки, передавшие современным потомкам разные участки ДНК, жили в разное время.

Такая разновременность существования продемонстрирована, например, для общих предков *всего человечества,* с одной стороны по женским, а с другой — по мужским линиям. В 1980-е годы было показано, что мтДНК всех современных людей происходят от одной предковой молекулы мтДНК и, следовательно, от одной праматери, которую назвали Митохондриальной Евой. Она является ближайшим общим предком (MRCA, **M**ost**R**ecent**C**ommon**A**ncestor), от которого мы все получили свою мтДНК. Вывод о ее существовании основан на анализе разнообразия мтДНК у людей разной этнической принадлежности, проживающих на разных континентах. С помощью математических методов было показано, что последовательности нуклеотидов изученных мтДНК произошли от одной предковой молекулы. Согласно показаниям молекулярных часов [11], отражающих темпы накопления мутаций, эта женщина жила 100–200 тыс. лет назад. Конечно, у нее были тысячи современниц, митохондриальные гаплотипы которых утрачены, поскольку они или какие-то их потомки по женским линиям не оставили дочерей. Однако многие из них передали нам части своего ядерного генома. “Открытие” Митохондриальной Евы побудило ряд исследователей обратиться к проблеме Y-хромосомного Адама — MRCA всех современных людей по мужским линиям. В последние годы преобладает мнение, что он жил гораздо раньше “Евы” — 200–300 тыс. лет назад. И хотя есть другие оценки, можно с уверенностью утверждать, что живших в Африке “Еву” и “Адама” разделяют как минимум тысячи, а скорее всего десятки тысяч лет.

Наши MRCA по многим тысячам других участков ДНК тоже, как правило, жили в разные времена. Это относится как к MRCA человечества, так и к MRCA локальных групп, к которым мы принадлежим. Таких “генетических” общих предков, от которых мы унаследовали какие-либо участки ДНК, следует отличать от “генеалогических” общих предков. Время до MRCA любого конкретного участка ДНК почти всегда превышает время до MRCA сравниваемых лиц, поскольку, как под-

сказывает теория, время до ближайших общих предков индивидов пропорционально log2*N*, где *N* размер популяции, а до их генетически эффективных предков — *N*. Многие генетические MRCA, вероятно, существовали еще до возникновения людей современного типа.

Как видим, истории формирования геномов имеют мало общего с генеалогией их носителей. Наша генетическая родословная отражает лишь небольшую часть нашей генеалогии, хотя и дает о ней некоторое представление. Известный бард и видный геофизик А. Городницкий, прибегнув к поэтической гиперболе, утверждал: “Я не сам по себе — я лишь тень отдаленного предка / Постоянно мне кажется — с ним я один человек”. На самом деле, наши далекие, разноплеменные предки и в генетическом, и в генеалогическом смысле полностью растворились в своих многочисленных потомках, а мы — их потомки разных национальностей — растворяемся в них. Вместе с тем, филогеномика и генеалогия индивидов похожи в том отношении, что для их описания используется один и тот же математический аппарат, основанный на теории графов; результаты их изучения удобно представлять в виде *дерева* и *леса*. Эти объекты используются для описания взаимосвязей любых форм жизни. В настоящее время, как отмечает в своей незаурядной книге Е. Кунин ([7], с 450), “... древо жизни уступило место паутине жизни (или ризоме жизни ...)”. Это в полной мере относится к эволюционной геномике и генеалогии человеческих существ. Поэтому полноценное постижение генеалогических и генетических идентичностей нуждается в ризоматическом видении процессов, способствовавших их формированию.

Чем больше у человека детей, тем выше вероятность, что его ДНК дойдет до далеких потомков. К числу таких плодовитых родителей принадлежат многие представители верхушки феодальных обществ, в том числе русского. “Среди древнерусской знати церковный брак закрепился относительно быстро, но, пользуясь своим привилегированным положением, представители высших социальных слоев довольно часто позволяли себе отходить от христианских норм брачно-семейной этики, в силу чего полигамия и наложничество продолжали существовать на Руси и после принятия христианства” [10]. Можно предположить, что крупные феодальные кланы, например, наши Рюриковичи, внесли непропорционально большой вклад в генофонд народонаселения своих уделов. Это может служить одной из причин формирования локальных генетических идентичностей. Выдающийся генетик Н.К. Кольцов [5, 6] отмечал, что существовавший в России громадный культурный и экономический разрыв между высшими и низшими сословиями не препятствовал перетоку генов от первых ко вторым. В этой связи он писал: “Крепки были цепи, сковывавшие в течение веков русское крестьянство, и высока была стена, отде-

лявшая его в социальном смысле от привилегированных классов. Но в биологическом отношении этой перегородки не существовало...”

Способы фабрикации генеалогических нарративов

Родственные связи, зафиксированные в родословных росписях, отражают биологическую реальность, которая, казалось бы, должна быть положена в основу генеалогических идентичностей. Однако в действительности люди оценивают родство, руководствуясь обычаями, нормами и традициями, бытующими в конкретном социуме. Им чужды математические выкладки генетиков, позволяющие получить вероятностные оценки родственной близости. Ключи к логике конструирования генеалогических нарративов дает когнитивная социология, а точнее социология памяти ([15] и др.).

Есть два основных подхода к “корректировке” родословных, которые социологи называют *генеалогической линеаризацией* (lineation) и *генеалогическим очерчиванием* (delineation). Первый связывает генеалогическую идентичность индивида с мужской и/или женской предковыми линиями. В некоторых обществах (в частности, испаноговорящих) принято отслеживать происхождение по обеим этим линиям. Однако в большинстве случаев традиции предписывают строить однолинейные, либо патрилинейные (как у нас), либо матрилинейные родословные. Это означает, что большинство предков предается забвению, тогда как немногих оставшихся полагается помнить и чтить.

Генеалогическое очерчивание дополнительно упрощает родословные, ограничивая их временную протяженность и определяя тем самым число уровней инклюзивной иерархии генеалогической идентичности. Зачастую это имеет очевидный смысл, поскольку в каждой расширенной семье (у которой нет формальных границ) можно найти “скелеты в шкафу” — “нежелательных” родственников и/или предков (например, “не той” национальности). Очерчивание отсекает неприятных “чужаков”, оставляя “безупречный” фрагмент родословной.

Однако большинство способов “исправления” родословных (см. обзор [16]) часто сводится к откровенным фальсификациям, преследующим определенные цели. Здесь придется ограничиться перечислением этих приемов с очень краткими пояснениями.

Растягивание (stretching). Удревнение родословных правителей и представителей феодальных элит (нередко до римских императоров и мифологических персонажей) с целью повышения статуса и/или обоснования легитимности.

Вырезание и склеивание (cutting and pasting). Вырезание участков родословных применяется для устранения часто встреча-

ющихся в них нестыковок. Чтобы заделать образовавшуюся брешь, вырезание дополняется склеиванием, которое восстанавливает связность генеалогического нарратива.

Отсечение (clipping). Укорочение предковой линии с целью смены идентичности. Практикуется иммигрантами и потомками иммигрантов, стремящимися встроиться в новый социум. Отсекая предков, порой вместе с родителями, они пытаются стереть память о своем этническом прошлом. Той же цели служит переиначивание этнических фамилий на местный лад.

Плетение (braiding) предполагает не однолинейные, как в предыдущих трех случаях, а многолинейные генеалогические нарративы. Здесь принимается во внимание тот очевидный факт, что каждый из нас принадлежит к множеству расширенных семей и имеет множество биогеографических корней. Разные предковые "пряди" заплетаются в некое подобие косы, которая отражает единство и гетерогенность, многоликость генеалогической идентичности. Сконструированные подобным образом идентичности иногда иллюстрируются на примере гольфиста Тайгера Вудса и президента США Барака Обамы. Первый придумал для обозначения собственной идентичности аббревиатуру Cablinasian (*Ca*ucasian, *bl*ack, *In*dian,*Asian*). В числе его ближайших предков были голландцы, индейцы, афроамериканцы, тайцы и китайцы. Обама, в выступлениях перед широкой аудиторией, представлялся как "сын черного мужчины из Кении и белой женщины из Канзаса" (цит. по [16]); нисколько не смущаясь, он называл себя "дворняжкой" ("mutt").

Объединение (lumping). Помимо предков, то есть родственников по прямым линиям, у нас есть еще родственники по боковым линиям (дяди, тети, кузены ...), с которыми мы связаны через своих предков. Предусматриваемое данным методом рассмотрение этих связей, углубляет и расширяет представления о генеалогических идентичностях.

Маргинализация (marginalizing) — еще один способ задвинуть в тень нежелательных родственников. В данном случае они не вычеркиваются и от них не отрекаются. Просто линия, к которой принадлежит заинтересованное лицо, позиционируется в качестве ствола родословного древа, а линия с нежелательной персоной — как его боковая ветвь. Конструируемая на этой основе нарративная генеалогия уделяет преимущественное внимание "главной" линии, а "побочные" игнорирует.

Расщепление (splitting) по своим целям сходно с маргинализацией. Это метод избавления от неудобных родственников посредством "перемещения" общих с ними предков в неопределенное далекое прошлое. Пример из текущей истории: некоторые украинские "революционеры" утверждают, что москали — потомки татаро-монголов (вариант: угро-финнов), а ук-

раїнці — щирие європейці, слов'яни. С их точки зрения, мы не были и, конечно, «никогда ... не будем братьями», поскольку общих предков у русских и украинцев в обозримой ретроспективе не было.

Обрезка (pruning) — третья после маргинализации и расщепления форма генеалогического исключения. В отличие от вырезания и отсечения, укорачивающих родословные, обрезка их сужает. Этот способ "коррекции" генеалогических нарративов в определенном смысле противоположен плетению. Обрезка обычно (но не всегда) используется для удаления неуважаемых предков; например, каторжников, присутствующих в родословных европейских колонистов, заселивших Австралию.

Наверное, по крайней мере, часть перечисленных приемов применялась при работе над нарративными генеалогиями российского дворянства, в особенности родовитого. Корни последнего уходят в допетровскую Русь, а родословные его представителей составлялись в XVI–XVII веках. Русское происхождение считалось тогда не престижным и часто они называли своими родоначальниками знатных иностранцев — императоров, королей, принцев и т.п. Теперь у историков появилась возможность докопаться до истины путем генетической идентификации потомков вельможных персон, а также, при возможности, и останков этих замечательных деятелей отечественной истории и культуры.

* * *

Вглядываюсь в лица людей на старых фотографиях, и всплывают в памяти тютчевские строки[7]:

Как зыбок человек! Имел он очертанья —
Их не заметили. Ушел — забыли их.
Его присутствие — едва заметный штрих.
Его отсутствие — пространство мирозданья.

Увы, "все они умерли ... умерли..."[8]. Но гены, а лучше сказать гаплотипы, которыми обладали эти люди, сохранились в геномах их потомков и родственников. Это наследие далеких забытых предков будет передаваться из поколения в поколение до скончания времен, до гибели самого мироздания, когда оно, говоря словами Г.Р. Державина[9], неизбежно пожрется жерлом вечности.

[7] Пер. с французского М. Кудинова.
[8] И.С. Тургенев. Стихотворения в прозе.
[9] Служившего в 1786–1788 годах правителем Тамбовского наместничества, где жили мои предки.

Литература

1. *Бычкова М.Е., Демидова Н.Ф., Думин С.В. и др.* Русская генеалогия. М.: Богородский печатник, 1999.

2. *Бычкова М.Е., Смирнов М.И.* Генеалогия в России: история и перспективы. М.: Территория, 2004.

3. *Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов: Тамбовский государственный педагогический институт, 1993.

4. *Калашников В.А.* Край родимый... Тамбов: Тамбовская правда, 1959.

5. *Кольцов Н.К.* Родословные наших выдвиженцев // Рус. евгенич. журн. 1926. Т. IV. Вып. 3–4. С. 103–143.

6. *Кольцов Н.К.* О потомстве великих людей // Рус. евгенич. журн. 1928. Т. VI. Вып. 4. С. 164–177.

7. *Кунин Е.* Логика случая. О природе и происхождении биологической эволюции. М.: Центр-полиграф, 2014.

8. *Львов А.Л.* Русские иудействующие как текстуальное сообщество: О границах применимости этноконфессиональных категорий // ЭО. 2009. № 6. С. 73–86.

9. *Морозова Э.А.* Особенности социально-демографического облика населения торгово-промышленного села в первой половине XIX в. (на примере села Рассказово Тамбовской губернии). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2003.

10. *Омельянчук С.В.* Брак и семья в Древней Руси IX–XIII веков: морально-нравственный и правовой аспекты. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Тамбов, Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2009.

11. *Тетушкин Е.Я.* Молекулярные эволюционные часы и теория нейтральности молекулярной эволюции (к 30-летию гипотезы молекулярных часов) // Успехи совр. биологии. 1991. Т. 111. Вып. 6. С. 812–827.

12. *Тетушкин Е.Я.* Генетические аспекты генеалогии // Генетика. 2011. Т. 47. № 11. С. 1451–1472.

13. *Chang J.T.* Recent common ancestors of all present-day individuals Adv. Appl. Prob. 1999. V. 31. P. 1002–1026.

14. *Rohde D.L.T., Olson S., Chang J.T.* Modelling the recent common ancestry of all living humans // Nature. 2004. V. 431. P. 562–566. *Hein J.* Pedigrees for all humanity // Nature. 2004. V. 431. P. 518–519.

15. *Zerubavel E.* Social Mindscapes: An Invitation to Cognitive Sociology. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997.

16. *Zerubavel E.* Ancestors and Relatives: Genealogy, Identity and Community. Oxford: Oxford University Press. 2011.

Андрей Анатольевич Пелипенко

3.11. 1960–1.12.2016

Статья была уже набрана, когда пришла горькая весть о кончине ее автора. Андрей Анатольевич сотрудничал с нами почти столько, сколько существует журнал и сколько он работал в науке: первая статья была опубликована в 1994 году, еще до того, как автор защитил свою первую диссертацию, последняя публикуется сейчас. На протяжении всех этих лет тексты Андрея были для нас чем-то вроде камертона, по которому мы пытались выверять интеллектуальный уровень журнала. И мы гордимся, что больше двадцати лет именно в наших публикациях обкатывались и по возможности адаптировались для аудитории многие элементы смыслогенетической теории культуры — той грандиозной, почти гегелевского масштаба, конструкции, над созданием которой Андрей работал четверть века и так торопился завершить. Не успел.

Может быть, лучше других труды Андрея (и причины, по которым они не нашли пока широкого признания) охарактеризовал , бывший министр культуры РФ, один из создателей и первый руководитель телеканала “Культура”, доктор искусствоведения М. Швыдкой. В своей колонке в “Российской газете” он писал о “… *глобальной концепции, которая безусловно претендует на то, чтобы стать одной из величайших работ в сфере гуманитарного знания за минувшие полвека. Не только в России. Он* [А. Пелипенко] *предлагает такой методологический масштаб размышлений о культуре, истории, естественных науках и одновременно о мифологии, что мое раздражение, связанное с тем, что Пелипенко отметает все те ценности, которые мне дороги, составляют смысл моей жизни и определяют движение гуманистической мысли никак не менее двух с половиной тысяч лет, оказалось поглощенным восторгом перед научной и человеческой смелостью исследователя*.” Лучше, пожалуй, не скажешь. И как не поностальгировать по временам, когда министры культуры умели так подходить к явлениям интеллектуальной жизни и так их оценивать…

К сожалению, публикации А.А. Пелипенко в “Человеке” — а было их почти два десятка — не позволяют в полной мере представить себе ту грандиозную интеллектуальную конструкцию, — по существу, новую область гуманитарной мысли, — которая создавалась Андреем Анатольевичем. Все, что позволял нам объем и формат журнальной статьи, да еще в издании, не специализирующемся на философии и теории культуры, — это выбирать отдельные сюжеты, вырванные из контекста мощной и глубоко внутренне связанной системы. Но мы делали что могли. И с гордостью вспоминаем, что Андрей ценил нашу работу и был нам признателен. Как и мы ему.

Здесь нет возможности говорить о других гранях таланта этого удивительного человека. Художник, чьи картины выставлялись в престижных французских галереях и аукционах и на персональной выставке в Центральном доме художника. Писатель, одновременно с Г.Л. Олди создавший в фантастике жанр увлекательного и интеллектуально насыщенного “философского боевика”. Человек удивительного остроумия (по утверждениям членов Ельцинского клуба, авторов некролога на Snob.ru, Андрею принадлежало немало афоризмов из тех, которыми снискал популярность В.С. Черномырдин). Со всем этим читатель может познакомиться на персональном сайте Андрея pelipenko.ru. Жаль только, что он уже никогда не пополнится и не обновится. Мы же выражаем соболезнование матери Андрея, его друзьям, соратникам и всей отечественной и мировой гуманитарной мысли. 1 декабря она потеряла очень многое. И понять это ей еще предстоит.

ЭВОЛЮЦИЯ: ВЕКТОР И ТРАЕКТОРИИ. СТАТЬЯ 2. ЖЕНСКОЕ И НЕЖЕНСКОЕ ЛИЦО МИФОРИТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В предыдущей статье [3] мы говорили о глобальных векторах эволюции и их преломлении в развитии локальных систем. Там же мы пытались показать, что поиски каких-то абстрактно-универсальных линейных кумуляций при анализе эволюции оказываются крайне неплодотворными. Вместо этого приходится выделять ту или иную эпоху, условно принимаемую за целое, специально реконструировать ее эволюционный контекст с присущими ему и только ему факторами и внутренними противоречиями — непременным условием имманентного развития. Только так можно объяснить эволюционно возникающие культурные формы как *необходимость*, а не как нечто фатально предопределенное априорным и полумистическим в своей трансцендентности принципом прогрессивного развития. Реконструкция эволюционного контекста позволяет ответить на вопрос, почему те или иные формы появились *здесь, теперь и так,* а не потому, что они должны были возникнуть в любом случае.

Попробуем рассмотреть под этим углом историю одной из важнейших эпох в истории человечества — эпоху господства мифоритуальной системы, к которой нам в разных аспектах уже приходилось обращаться, в том числе и на страницах “Человека”. Общую схему системной эволюционной линии МРС в самом общем виде можно представить как *синкрезис, его распад (расслоение) и последующий синтез.* Синкретическому состоянию соответствует эпоха *верхнего палеолита,* где культура подхватывает у “биологии” эстафету вертикального эволюционирования. В синкрезисе верхнего палеолита все культурные оппозиции пребывают в свернутых, локально проявленных формах и в относительном равновесии; ни одна из тенденций не преобладает и не становится общекультурной доминантой. Иначе не могло быть хотя бы в силу локальности, малочисленности и взаимоизолированности верхнепалеолитических общин, каждая из которых обладала своим особенным языком и непроницаемой для соседей мифологией. Реконструируемая

картина верхнепалеолитической культуры являет своеобразную панораму почти беспорядочного разнообразия: любые попытки выявить некие *конкретно-всеобщие* доминанты, тенденции, традиции, формы социального и религиозного опыта и т.п. наталкиваются на непреодолимое сопротивление фактического материала. Почти любое правило здесь неизменно опровергается множеством исключений и поглощается ими. К примеру, в каких-то племенах мифологический образ демиурга или культурного героя женский, а в соседнем племени он может быть мужским. Какие-то племена постоянно кочуют, а другие тяготеют к оседлости. Та же неопределенность и разнообразие в системе табу, брачных отношений и т.д. и т.п. Разумеется, некие общие законы действуют и здесь, но сейчас важно другое.

Толчком к расслоению верхнепалеолитического культурного синкрезиса послужила **гендерная проблема**, вызванная "расколом" первобытного коллектива по половому признаку[1]. Обращение к гендерной теме — дело неблагодарное. Так и видятся ехидные усмешки и ярлыки фрейдизма, феминизма, сексизма и т.п., которые отсылают, главным образом, к постмодернистскому дискурсу, нагородившему вокруг гендерной темы необозримую гору произвольных и вздорных фантазий. У тех же, кто к этому дискурсу относится с презрением, гендерная тема считается периферийной, малосущественной, почти бытовой. Во всяком случае, совершенно незаметной на фоне классового подхода и половозрастного принципа разделения труда.

Перебороть инерцию почти невозможно, но делать нечего: от проблемы не уйти. В основе ее — половой диморфизм, который у поздних сапиенсов выражен сильнее, чем у всех его эволюционных предшественников, по крайней мере, в среднем и верхнем палеолите. Одним из ключевых аспектов этого диморфизма явилась гиперсексуальность поздних сапиенсов вкупе с расслоением исходной биопрограммы репродуктивности на программы продолжения рода и сексуального гедонизма.

Неизвестная животным предкам человека разбалансировка коитальных режимов между полами (биологически обусловленные различия между мужчинами и женщинами в требованиях и условиях сексуального удовлетворения) создала принципиально неразрешимую на физиологическом уровне проблему, неполные и паллиативные решения которой пришлось вырабатывать уже культуре. В этом коренится вечно тлеющая и лишь иногда переходящая в открытую форму война полов. Война, не знающая ни полных побед, ни окончательного мира — лишь временные перемирия. Культура не в силах разрешить проблемы, поставленные природой, она может лишь оформить их в приемлемом виде, и то, что фундаментальная проблема ранней культуры оказалась "родом из природы", отнюдь не случайно. Иначе и быть не могло. Сама культура в силу своего глубокого синкретизма еще не была способна порождать глобальные противоречия из себя самой, она могла лишь

[1] Одним из первых эту проблему отметил еще Вальтер Буркерт в книге Homo Necans (1972), но должного развития его идеи так и не получили.

вырабатывать решения для принципиально неразрешимых "на территории природы" проблем, в нее (в культуру) спроецированных.

Так морфофизиологическая проблема полов превращается в гендерную проблему культуры. Сам же "момент превращения" обусловлен тем, что к верхнему палеолиту бессознательные биосценарии оттеснились соответствующими смысловыми конструктами, и половой акт и все, что с ним связано, наполнилось богатейшим мифосемантическим содержанием. Именно в мифоритуальном ядре культуры и зародился раскол. Внешние его проявления, казалось бы, охватывают лишь практики жизнеобеспечения. Мужские: охотничьи и, позднее, военные занятия. И женские: уход за детьми, собирательство и обустройство быта. Но это — лишь видимая часть айсберга. За различиями в практиках кроется доходящее порой до прямого антагонизма[2] столкновение двух типов мифа и ритуалистики: мужской и женской. Но и это еще не самый глубинный уровень конфликта. Он — в столкновении двух типов *медиационной магии* (гендерный аспект медиации с запредельным миром, кажется, вообще никем не исследовался). Соперничество разворачивается между двумя типами жертвоприношений, между двумя языками общения с миром мертвых[3], двумя типами культурного самоконструирования в диалоге с запредельным.

Глобальное столкновение гендерных психотипов полностью укладывается в логику расслоения синкретической сложности, в ходе которого между автономизующимися образованиями неизбежно возникают конфликты структур. Чем крупнее и синкретичнее каждое из этих образований как самостоятельное целое, тем острее и масштабнее между ними конфликт.

Соперничество полов и стало главной проблемой, без решения которой социальным структурам верхнего палеолита грозила эрозия и распад. И именно гендерная проблема, а не изменения среды обитания или технологий производства и жизнеобеспечения стала главной интригой и движущим фактором культурного развития, так или иначе, отразившись на всех иных аспектах эволюционного контекста. Продолжая рассуждать предельно обобщенно и схематично, можно сказать, что палеолитические общества, где острота названой проблемы была наибольшей, оказались поставлены перед необходимостью глубоких эволюционных трансформаций как системного (вертикального), так и адаптационного (горизонтального) типов. А уже начавшись, эти трансформации были мощно простимулированы масштабными эко-климатическими изменениями мезолита.

Единственным путем решения гендерной проблемы было **изменение мифоритуальных доминант,** ибо вне мифоритуального контекста никакого осмысления мира в архаическом сознании быть не могло. В этом пункте — принципиальное расхождение с исследовательскими методами, рассматривающими древние

[2] Отголоски первобытной "войны полов" довольно широко представлены в ритуалистике и мифологии современных первобытных народов.

[3] У некоторых современных первобытных народов сохранились субкультуры, практикующие эзотерические "субъязыки", разделенные по гендерному принципу.

народы как пассивные объекты, управляемые непостижимыми для них внешними силами, чья природа постигается лишь с позиций современного рационалистического знания, только и способного количественно измерить и математически смоделировать динамику рождаемости, эффективность хозяйства, производительность труда, структуру питания и т.д. и т.п. — все то, что представляется важным с современной утилитаристской точки зрения. Однако не менее существенно понимать, что было (а не только представлялось) жизненно важным для самих людей древности, в каком "дискурсе" они осмысляли и решали свои проблемы. С утилитаристской точки зрения эти вопросы не интересны: мало ли что воображало себе незрелое сознание в своем "фантастическом отражении действительности"! Будучи уверено, что доподлинно знает, чем "на самом деле" определялась эволюционная динамика, позитивистская методология игнорирует специфику коллективной субъектности древних народов, не говоря уже о реконструкции их собственных рефлексий по поводу основ своего существования.

Итак, необходимость решения гендерной проблемы породила фундаментальный тектонический сдвиг в культурогенезе. Выразился он в расслоении верхнепалеолитического культурного синкрезиса и выделении из него *двух альтернативных эволюционных линий*. Первая ориентирована на смещение мифоритуального центра в сторону женского доминирования[4]. Развитие этой линии привело на Переднем Востоке и частично в Средземноморье к формированию оседлых[5] земледельческих обществ неолита между X–VIII–V тысячелетиями до. н.э. Вторая линия, напротив, реализовала принцип кочевого (или полукочевого) образа жизни с преобладанием скотоводческих и со временем все более значимых военных занятий и доминирование мужского патриархального принципа. Развитие этой линии в указанные тысячелетия проследить очень трудно, поскольку археологические данные крайне скудны.

Говоря предельно грубо и обобщенно, можно сказать, что "женский" неолит строится вокруг идеи *фертильности,* а "мужской" — вокруг идеи *экспансии*.

Смысловой комплекс фертильности сформировался в ходе развития и обособления женских практик, группирующихся вокруг темы *воспроизводства* и соответствующей магии и ритуалистики. "Феминная" биопрограмма стабилизации условий жизни, опосредованная половым диморфизмом и гиперсексуальностью, создала мощнейшее силовое поле женской фертильной магии, объемлющее широкий спектр жизнеобеспечивающих практик: от деторождения и воспитания потомства до управления судьбами животных и растений, а не просто "технически" понимаемого собирательства (впоследствии интенсивного). Другая же "половинка" культурного бытия подчинялась мужской магии и базировалась на смысловом комплексе, связанным с идеей активного волевого вмешательства в преду-

[4] Речь, разумеется, не идет о пресловутом матриархате в бахофеновском смысле, которого не было даже там, где имело место правление женских жреческих корпораций.

[5] Вполне правомерно предположить, что сама идея оседлой жизни обусловлена преобладанием женского культурного психотипа. Натуралистические объяснения (условия экосреды и т.п.) здесь следует смело отбросить: можно привести достаточно примеров, когда из живущих в одинаковых условиях племен одни переходят к оседлой жизни, а другие — нет.

становленный природой порядок вещей. Прежде всего — охоты. Позднее — войны и активного преобразующего природопользования. Эти практики, основываясь на широко понимаемой идее экспансии, продуцируют совершенно иной тип ритуалистики (прежде всего жертвенной) и, главное, устанавливают свой специфически мужской канал психосферной медиации — приобщения к запредельному и недифференцированному.

Дивергенция двух типов неолита преобладала (не везде и в разной степени) над тенденциями к смешению и инерцией первобытного синкретизма примерно до середины V тыс. до н.э. Затем, в период максимального распространения земледельческого неолита, начинается экспансивное давление на него со стороны кочевых и полукочевых пастушеских племен. Драматическое столкновение двух типов неолитической культуры достигло апогея, когда вышедшие на историческую сцену протосемиты, а затем протоиндоевропейцы стали волнами накатываться на территории оседлых земледельцев. Точка зрения, согласно которой высокоразвитые "матриархальные" культуры неолита были завоеваны и разрушены дикими и воинственными носителями патриархального принципа, слишком примитивна[6]. Формы столкновения культур были очень разнообразны: от прямого геноцида (например, земледельческой культуры на территории современной Болгарии и некоторых других) до смешения через заключение браков и относительно мирное соседство. Асинхронность процесса в разных регионах и высокая специфичность его прохождения в каждом из них, затрудняет видение общей картины синтеза. Последняя открывается лишь на высоком уровне обобщения движения этносов[7] и культурных форм в долгой исторической ретроспективе. В ней раскрывается грандиозный в общеисторическом масштабе *синтез* антагонистических гендерных принципов, результатом которого стал на рубеже IV–III тыс. до н.э. прорыв к новому эволюционному качеству — *цивилизации* в узко-историческом понимании этого термина. Таким образом, сам феномен цивилизации с присущими ему атрибутами урбанизации, письменности, государственности — это не результат фатально предопределенного абстрактно-прогрессивного развития вообще, а исторический итог продуктивного синтеза двух альтернативных культурогенетических принципов, вобравший в себя квинтэссенцию всех обстоятельств и факторов этого синтеза. Для обозначения этого феномена буду далее использовать выражение *неолитический синтез*.

Мог ли "женский" земледельческий неолит устоять против "мужской" экспансии, или, иными словами, был ли маскулинный поворот в мировой истории неизбежным? По-видимому, да. Социальное доминирование мужской поисковой стратегии над женской стабилизирующей имеет глубокие биологические корни. Исторический опыт "женского" неолита показывает, до какой степени культурное сознание способно отклонять природные императивы.

[6] Такая позиция типична для феминистского взгляда на историю.
[7] Перманентное движение и смешение этносов — основная форма самоорганизации и самонастройки социокультурных общностей — происходило и вне синтеза.

Так, в рамках общей тенденции к усилению левополушарной когнитивности у разных народов в разные эпохи имеют место разной силы возвратные тенденции. Наибольшую мощь и устойчивость они обретают, когда оказываются в мейнстриме горизонтальной (адаптирующей) эволюции, то есть когда правополушарные когнитивные техники, выходя на новый уровень развития, позволяют решать задачи, которые левополушарные техники предшествующего когнитивного уровня решить не могут. Например, простейшая рудиментарная форма левополушарной когнитивности — присоединительная связь смыслов (с нее начинается развитие левополушарных мыслительных техник у детей), утвердившаяся у охотников-собирателей верхнего палеолита, сменяется в неолите доминированием симультанно-гештальной мыслительной формы, вызванным тактической победой феминно-правополушарного когнитивного типа. Благодаря этой победе и стало возможным само занятие земледелием, требующее воспринимать пространство не маршрутно, как у охотников, а площадями. Это, казалось бы, движение вспять, подавляющее и сублимирующее опыт развития левополушарного мышления, тем не менее, в силу своей релевантности задачам эволюционной адаптивной специализации, породило грандиозную по своим масштабам и значимости культуру земледельческого неолита.

Небезынтересна и биопрограммная основа земледельческого неолита. Размышляя над дошедшим до нас материалом по социальной структуре раннего земледельческого неолита, да и даже просто при виде планов “слипшихся” строений Чатал-Хююка и других неолитических поселков, трудно отделаться от аналогии с социальным устройством пчел. Простым наблюдением архаических людей за жизнью пчел этого не объяснить. И богатейший мифологический материал, связывающий образ женщины/жрицы с пчелой, — скорее следствие, чем причина. И даже известное еще с палеолита ритуальное употребление меда — тоже недостаточнее объяснение. Здесь напрашивается “безумная” гипотеза культурных полей: стирание генетически наследуемых поведенческих программ активирует выработку культурно-полевых рецепций [2]. Тогда содержанием названных перцепций могут выступать *поведенческие программы других биологических видов независимо от степени генетического родства*. Кстати, как иначе можно объяснить наличие в человеческих сообществах едва ли не всех видов брачно-половых отношений, наблюдаемых у разных видов обезьян, в том числе и у не имеющих близкого родства с гоминидными предками человека? Речь, разумеется, не идет о прямом воспроизводстве социальной организации пчел в ранненеолитических общинах, но компоненты этой организации могли играть в них важную роль.

Историческая смена доминирования принципов фертильности и экспансии имеет, помимо биологических, и собствен-

но культурные основания. В позднем палеолите культура уже оснастилась достаточно мощными полевыми структурами, которые, однако, на ментально-физическом уровне генерировались энергетически слабыми и неустойчивыми локально-общинными сообществами. Пришло время укрупнять социальные структуры и приводить их к "общим культурным знаменателям" в соответствии с масштабом и медиативным потенциалом культурно-полевых структур[8]. Во исполнении этой задачи культура прежде всего утверждает программный принцип устойчивого самовоспроизводства своих носителей — людей. Демографический рост, с которого начинается неолит, — первый шаг реализации принципа фертильности (мифосемантическое его осмысление современниками оставим пока в стороне). На основе демографического роста и уплотнения жизненной среды стало возможным преодоление взаимоизолированности малочисленных общин, их языкового, мифоритуального и общекультурного партикуляризма и сложение если не всеобщих, то сходных меж собой религиозных традиций — своего рода мифологического лексикона в региональном масштабе. Роль интеграторов сыграли системообразующие смысловые комплексы неолитических мифологий, сфокусированных вокруг образов женского божества неба и мужских божеств земли и их взаимоотношений, сквозь призму которых неолитический человек осмыслял едва ли все феномены окружающего мира. Отношения эти, в свою очередь, группировались вокруг идеи священного брака — ключевой космогенетической формулы неолитического мира[9].

В социогенезе укрупнение социальных структур проявилось в появлении чифдомов — вождеств как в земледельческих, так и в пастушеских обществах, но с перспективой динамичного функционального развития именно в последних.

Однако задачи дальнейшей интеграции локальных общин в более крупные социальные общности к V тыс. до н.э. исчерпали возможности земледельческого неолита с его преобладанием принципа фертильности над принципом экспансии и принципа инерции над принципом динамики.

При женском типе жизнеустройства мир жизненный, по крайней мере, в аксиологическом и экзистенциальном аспектах, превалирует над миром системным. Здесь все "меряется человеком", начиная с его телесности и кончая психо-энергетическими особенностями, что и выступает основными адресатами женской магии: прежде всего магии судьбы и любовной магии. Женский принцип социального доминирования и разрешения конфликтов наиболее эффективен в малых сообществах, все члены которых лично знают друг друга и являются участниками семайно-родовых или общинных ритуалов. Разумеется, в земледельческом неолите из таких мини-ячеек строились и намного более крупные социальные единицы, но архаический принцип организации не позволял им перейти некий

[8] Не случайно к XII–X тыс. до н.э. относят формирование ностратического языка.

[9] Феномен брака как целостного культурного явления, а не просто исполнения конвертированной биопрограммы парного сожительства — ответ на гендерную проблему верхнего палеолита. Именно поэтому главной темой неолитических религий стал священный брак богини неба (верха) и мужского божества земли (низа) в том или ином его образе. Еще в палеолите появляются изображения совокупления женщины с животным, представляющим божество нижнего мира. Что же касается мотивов совокупления антропоморфного бога земли с зооморфными ипостасями женского божества, то таковых не наблюдается ни в палеолите, ни в неолите, ни, тем более, в позднейшие времена. Это указывает на опережающую антропизацию женского божества и вообще женского начала в культуре. Мотив священного брака проецировался на все стороны жизни архаической общины, будучи не только ключом к основам миропонимания, но и определяя собой конкретные ритуально ролевые/социальные роли. Так, во время миграций, определяя новое место для оседлой жизни, община вступала в мистический контакт с духом местности. Если дух был мужского рода, то жрица/колдунья вступала с ним в священный брак, заключая тем

количественный барьер. Вот почему "женский" земледельческий неолит не смог породить ни "настоящих" городов, ни "настоящей" письменности, ни государства.

При том, что "мужской" скотоводческий неолит по многим критериям развитости уступал земледельческому[10], в нем сформировались формы и традиции "удаленных" социальных связей и ментальные техники управления и подчинения отчужденного "человеческого материала" со всеми вытекающими отсюда последствиями. Главное из них то, что дальнейшая вертикальная эволюция системного мира культуры с его институциональностью и надындивидуальной субъектностью автономизующихся подсистемных форм стала развиваться в оболочке "мужского" неолитического уклада, что и предопределило победу маскулинного начала в долгосрочной исторической перспективе (именно его, а не просто неолитических скотоводов над неолитическими земледельцами). Но речь идет, повторю, не о победе в узком смысле, а именно о синтезе, значение которого в общеисторическом масштабе трудно переоценить.

Прежде всего, с ним связан генезис феномена *государства*. Не стану сейчас отвлекаться на критику и анализ многочисленных концепций и теорий происхождения государства, просто сверхкратко изложу свою. Феномен "полноценного" государства имманентно возникает там и только там, где совершается неолитический синтез, в котором, напомню, органически объединяются два принципа социальной организации и всего жизненного уклада вообще: женский — локальный и мужской — глобальный. Каждый из них по отдельности даже при максимальном своем развитии целостного и устойчивого феномена государства не порождал. Показательно, что вышедшие из палеолита народы, у которых неолитического синтеза не произошло (или он был неглубок в силу привнесенности извне), испытывали неизменные трудности с самостоятельным движением к государственности. Так, в Черной Африке (южнее Сахары), где итоги неолитического синтеза не были имманентны, государства были слабы, неустойчивы и постоянно распадались на более архаичные социальные структуры. Постпервобытные народы могли тысячелетиями жить в догосударственных социальных структурах вплоть до суперсложных вождеств, не испытывая при этом никаких неудобств ни с администрированием, ни с задачами военной мобилизации ресурсов[11]. Более того, неудачные варианты синтеза создают феномен расколотых обществ, где принципы макросоциальной государственной организации веками отторгаются "матриархальной" стихией земледельческого неолита. Там же, где неолитический синтез проходил в условиях недостаточно распавшегося синкрезиса (как, например, в культурах доколумбовой Америки) и не располагал всем необходимым набором выделившихся культурных компонентов, там и государство в той или иной мере, носило признаки некой ущербности[12].

самым союз и обеспечивая его покровительство. Если дух, напротив, репрезентировал женские психические начала, то в брак с ним вступал мужчина.

[10] Культурное "отставание" здесь не случайно. На ранних стадиях вертикальных эволюционных прорывов их носители по уровню своего адаптирующего развития, как уже говорилось, сильно уступают "отличникам" горизонтальной эволюции. В данном случае — земледельческому неолиту.

[11] Именно с ней, согласно популярной утилитаристской концепции, связано возникновение государственности.

[12] В доколумбовой Америке прослеживаются верования, аналогичные переднеазиатским. Так, неолитический культ леопарда (Чатал-Хююк и др.) явственно перекликается с культом ягуара, выступающего в роли супруга главного божества ольмеков — "Богини с косами". Разница, однако, в том, что последняя наряду с явно аналогичными переднеазиатским неолитическим богиням функциями подачи небесной влаги/молока, несет в себе черты недораспавшегося синкретизма: она одновременно олицетворяет и небо, и землю, и жизнь и смерть, идея нерасчлененной слитности преобладает над силами дифференциации. Двуипостасность женского божества, запечатленная в двухголовых статуэтках, — универсальная идея неолитических религий. Но в

Вообще, такие феномены, как государство, не могут определяться функционально. Это как определять операционную систему компьютера по назначению какой-либо установленной на нем программы. Государство — не программа и даже не их набор, а своего рода системная оболочка, обеспечивающая возможность их (программ) относительно согласованного функционирования. При этом сами программы могут менять иерархические позиции, набор функций в рамках общесистемной конфигурации, разнообразно мутировать или просто отмирать. Поэтому когда феномен государства определяют, отвечая на вопрос "что оно делает?" (например, обеспечивает военную мобилизацию ресурсов и т.п.), то возражение здесь, прежде всего, методологическое. Государство — это феномен не функциональный, а системный, его структура рождается как продукт вертикальной эволюции, как бы *низачем,* то есть прежде любых своих проявляющихся впоследствии функций. Именно это и делает государство *саморазвивающимся* в общеисторическом масштабе феноменом. В ходе этого саморазвития государство обнаруживает свою необусловленность какими-либо частными функциями и свою к ним несводимость. Гибко видоизменяясь для решения все новых и новых исторических задач, государство сохраняет свой структурный субстрат, содержащий опыт синтеза женского и мужского типов жизнеустройства, которые окончательно самоопределились по отношению друг к другу к позднему неолиту.

Жизнеустройство здесь включает в себя не только набор социально-регулятивных функций: форма правления, администрирования и т.п., но и общие диспозиции смысловых структур: иерархию ценностей, традиции, сценарии и нормы (прежде всего, гендерные) социального поведения — словом, все то, чем культура "привязывает" к себе человека. Синтез двух типов неолита был настолько глубок, что его репрезентативный продукт — государство — стало для вошедших в него (в синтез) народов своего рода modus optrandi бытия в культуре. При этом синтез не был равным: его системное качество явно тяготело к маскулинизации. Так и государство — прежде всего утверждение маскулинных принципов экспансии. Однако без признания прав феминных принципов жизнеустройства на низовом, локальном, рудиментарно-базисном уровне полноценное государство не складывается. Степень асимметричности синтеза широко варьировалась в обществах мифо-ритуальной системы от максимального сохранения "матриархальных" традиций земледельческого неолита (Крит)[13] до "сверхмаскулинных" военизированных деспотий Переднего Востока. Но и в последних феминные традиции (наследование имущества по женской линии и т.п.) не только сохранялись как "пережиток", но и служили неустранимой *системообразующей основой*. Можно сказать, что синтез сформировал поразительно устойчивую в истории матрицу, в которой мужской и женский принципы,

Америке эта двуипостасность была более синкретична и ригидна, что препятствовало развитию самостоятельных смысловых комплексов.

[13] Долгое сохранение на Крите "матриархальных" традиций неудивительно: будучи основана выходцами из неолитической Анатолии, критская цивилизация долго пребывала в островной изоляции.

сосуществуя и противоборствуя в рамках любых целостных социокультурных единиц, не только демонстрировали бесконечную "войну полов", но и порождали разнообразнейшие комбинации рожденных этой войной ментальных типов и форм социокультурной нормативности. За пределами матрицы оказались общества, наследующие традиции "женского" земледельческого неолита, где блокировался культурный потенциал мужского принципа, и общества кочевые и, в особенности, военизированные вождества (также сложные и суперсложные) где, соответственно, жестко ограничивался принцип женский.

Сама же суть матрицы состоит в том, что ни одни из гендерных принципов ни при каких обстоятельствах не подавляется и не маргинализуется сверх некой меры, и без консенсуса между этими принципами по поводу "сфер влияния" общество просто не может существовать. В обществах, обретших государственность, такой "общественный договор" оформляется и закрепляется институционально и в наборе нормативных актов, а не только в обычаях и традициях, как в архаических обществах. Хотя общая культурогенетическая суть этих актов и институтов, разумеется, нигде прямо не формулируется.

Процесс синтеза занял огромный период с середины-конца V тысячелетия до н.э. до рубежа IV–III тысячелетия до н.э., когда и произошел "прорыв к цивилизации". Само вторжение кочевых народов на территории неолитических земледельцев в целом описано историками достаточно ясно. Споры ведутся о датировках, этнодемографических и иных "внешних" культурных последствиях. При этом, однако, речь всегда идет именно о вторжении; образ синтеза ускользает и растворяется в продолжающейся истории отношений оседлых (теперь уже государственных) и кочевых сообществ. Действительно, компоненты синтеза варьируются настолько широко, что общая его схема в локальных культурно-исторических контекстах просматривается с трудом. Она раскрывается лишь в долгой исторической ретроспективе и в широком региональном масштабе. Каждая локальная культура входила в синтез со своим специфическим набором свойств и историческим опытом, и увидеть за этим многообразием некую общую макрокультурную конфигурацию можно только на высоком уровне обобщения.

Основа новой синтетической конфигурации вырастает, прежде всего, не из внешних последствий вторжений, а из изменений мифосемантики и ритуалистики. Здесь глобальный тектонический сдвиг ознаменовался инверсией гендерной атрибуции психических сил верха и низа. К III — II тысячелетию до н.э. солярные функции оказались окончательно узурпированы мужскими божествами. Великая неолитическая богиня неба была изгнана с неба и мифоритуальным и, соответственно, "психосферным" верхом завладел бог-мужчина, в полной мере преодолевший свою экзистенциальную зависимость от Великой Матери. Его образ — результат раздвоения древнего

и по преимуществу зооморфного образа мужского божества низа (Земли), чаще всего воплощенного в виде змея. Новый бог являет себя змееборцем, побеждающий собственную древнюю ипостась. При этом прежние амбивалентные свойства Великой богини сворачиваются и редуцируются до роли доброй матери и подательницы благ.

Помимо инверсии главных мифосемантических топосов верха и низа, синтез привнес и принципиальные изменения в само мифоритуальное мышление. На смену диффузности и амбивалентности неолита пришло более четкое разделение функций и "сфер влияния" запредельных сил, а обращение к ним сознания окрасилось жаждой бо́льшей определенности и ясности.

Самое прямое отношение к неолитическому синтезу имеет и возникновение письменности. Синтез двух неолитических укладов порождал в конкретных этнокультурных сообществах многообразнейшие констелляции и диффузии мифосемантических комплексов, ритуально-магических традиций и символических кодов. Все это лавинообразно увеличивало количество избыточных текстов (дописьменных, разумеется), хаотизуя тем самым все смысловое пространство. Выходом явилась письменность, замыкающая текстовую вариативность в ограниченном диапазоне смысловых интерпретаций. Появление письменности ознаменовало закат золотого века мифа. Она стала важнейшей вехой на пути движения к Логосу в широком его понимании. Письменный когнитивный тип переориентируется от мифа как способа установления связи с *самими вещами* на все более присущую мифу в эпоху Классической древности функцию установления общих нормативных правил и законов существования вещей и самой между ними связи, выраженных нарративно. Этот путь к Логосу и логоцентризму разрушает былую гибкость, эластичность и семантическую валентность мифа, отделяет его от вещей и ставит его над ними. С тех пор, как письменный знак стал между человеком и миром, сознание в своих отношениях с последним стало обращаться не к изменчивой "дорожной карте" дописьменного мифа, а к некоему метафизическому Правилу. Уже одно это предвещало скорый конец мифо-ритуальной системы. Хотя, разумеется, проблема письменности носит более сложный и комплексный характер.

К синтезу двух неолитических укладов имеет отношение и третья составляющая полноценного цивилизационного качества — урбанизация. Протогорода земледельческого неолита в силу доминирования в них женского принципа социокультурной организации "не дотягивали" до рубежа в 10 000 человек, за которым город достигает стадии устойчивого самовоспроизводства. К тому же сакрально-ритуальная "специализация", связанная с правлением/влиянием женских жреческих корпораций, не позволяла развиться достаточно полноценной

и разнообразной городской инфраструктуре. Но сама революционная для архаической культуры форма крупного и относительно обособленного поселения, обладающего набором несвойственных мелким сельским поселениям социокультурных функций, явилась моделью и основой для следующей ступени процесса урбанизации на рубеже IV–III тысячелетий до н.э. Однако более высокий и сложный уровень организации города и его среды был достигнут не просто в результате "ползучего" развития заложенного в земледельческом неолите потенциала, а, опять же, благодаря неолитическому синтезу. К "женским" функциям защиты, убежища, фертильной магии и т.д. присоединились функции "мужские" — более выраженной социальной стратификации, светского администрирования и мобилизации ресурсов, экспансии, патриархального принципа организации жизни и т.д. Именно в раннем городе сформировалась вышеназванная культурогенетическая матрица, основанная на противоречивом сосуществовании мужских и женских культурных психотипов.

Как уже отмечалось, зеркалом синтетических процессов стала, в первую очередь, трансформация мифосемантических комплексов, отображенная в изобразительных символах. Так, одним из значений графемы вписанного в круг креста является город. Здесь соединяются два символа: круг как символ неолитической богини неба и крест — символ мужского божества земли [1]. При том, что каждая из графем, а также их соединение, имела ряд иных не менее древних и распространенных значений, эта их комбинация наиболее удачным образом отразила идею синтеза женского принципа неразделенной центрированной тотальности с мужским принципом контрапункта направлений (стороны света) и прямого угла. Содержание синтеза, разумеется, не исчерпывается смыслами, продуцируемыми самой геометрикой графем; оно намного шире и богаче и даже с трудом передается описанием. Так, вопрос о том, каким образом в рассматриваемой фигуре преломились досолярная семантика круга и креста, остается во многом дискуссионным. Примечательно, однако, что синтез архетипической геометрики круга и креста не остался абстрактной идеей, а послужил основой для градостроительных принципов, воплощаемых в широком диапазоне вариантов.

Вообще результаты неолитического синтеза переполняют все культурно-историческое пространство энеолитической эпохи. По сути, все точки роста последующего цивилизационного уклада, от храмового комплекса до основных форм социального управления, происходят из этого синтеза. Именно он и определил культурно-цивилизационный расцвет Классического Востока. Впрочем, если посмотреть на этот расцвет не сквозь прогрессистские очки, а в свете медиационной парадигмы, то становится очевидно, что бурное развитие социокультурных практик вызвано кризисом архаических форм психо-

сферной медиации и прежде всего мифа в его “классических” (из контекста должно быть ясно, что речь идет не об античности и “мифах Эллады”) формах. Критическое усложнение мифосемантических комплексов и неспособность их служить надежными медиаторами как с миром запредельным, так и с вещами мира эмпирического, вынуждало культурное сознание прибегать к новым и новым специальным средствам, которые и составляют пестрое культурное многообразие ранних цивилизаций Востока.

Кроме того, по итогам неолитического синтеза — первого глобального вертикального ароморфоза, произошедшего внутри самой Культуры как саморазвивающейся системы — можно говорить о смещении с преимущественно вертикальной эволюционной доминанты к горизонтальной. Пестрое культурное разнообразие эпохи Классического Востока — результат, главным образом, адаптирующего и специализирующего развития в границах системных форм, выработанных неолитическим синтезом. Подчеркну особо: именно культурно-смысловые матрицы, порожденные неолитическим синтезом в фарватере вертикальной эволюции, а не какие-то отдельно взятые инновации в области технологий (обработка бронзы и т.п.) или социальных отношений (производства, распределения, торговли и т.п.) определили общие характеристики первого поколения цивилизаций.

Иными словами, в основе резко возросшей социокультурной динамики лежат не какие-либо частные обстоятельства социально-событийного или эко-системного порядка, а прежде всего эндогенный процесс ускоренного распада *синкретической* сложности ранней мифоритуальной системы и перехода ее в сложность *комплексную.* Этот процесс затронул все без исключения стороны социокультурного бытия, породив новые когнитивные схемы смыслообразования и мотивационные поля, без которых никакие технологические и социальные инновации не были бы возможны в принципе. Распад архаической синкретичности и разворачивание адаптирующих специализаций и потенциалов, заложенных в неолитическом синтезе, совершался в III–II тыс. до н.э. с невиданной дотоле быстротой, что, впрочем, неудивительно. Эти два тысячелетия стали финальным отрезком исторической эволюции мифо-ритуальной системы. К рубежу II–I тыс. до н.э. развитие потенциала неолитического синтеза пришло в неразрешимое противоречие с ментальными структурами человека. Это не могло не вызвать *общего системного кризиса,* который в середине I тыс. до н.э. разрешился *Дуалистической революцией,* переходом от *мифоритуальной* к *логоцентрической системе.*

Но рождение новой, логоцентрической системы в ходе дуалистической революции не отменило самого существования мифо-ритуальной системы. Просто она оттеснилась до положения витального фона для новой системы, т.е. того, чем для

нее самой служила природа. С этого момента ни о каком вертикальном развитии МРС говорить не приходится. Все три ее стадиальные формы: две архаические — первобытная (в целом стадиально соответствующая верхнему палеолиту) и неолитическая, и третья — раннецивилизационная — изменяются исключительно в режиме специализирующих адаптаций. Причем изменения эти далеко не всегда можно назвать развитием.

Нужно оговориться, что три названные стадиальные формы имели разные исторические судьбы. Первобытная форма (имеются в виду современные первобытные народы), оказавшись на периферии эволюционного фронта, надолго сохранила свои системные черты, которые, впрочем, дошли до современности в сильно обедненном и деградированном виде. А то, что прогрессистскому сознанию видится как развитие, на деле же не более чем адаптирующие горизонтальные ароморфозы — суть ответы на внешние вызовы среды или инокультурного окружения. С двумя другими формами дело обстоит сложнее. Обе в большей степени, нежели первобытные культуры, подверглись экспансии стадиально последующих форм и в аутентичных формах не сохранились. Но они не исчезли (в культурах вообще редко что исчезает полностью), а были ассимилированы логоцентрической системой и стали ее фундаментом: прежде всего, ментальным. Герменевтика едва ли не любого феномена или смыслового комплекса логоцентрической культуры вплоть до современной уводит в глубины мифо-ритуальной системы. И от того, что современность, как правило, не осознает всей глубины культурной преемственности, значение мифоритуального фундамента не убывает. Впрочем, архаические основы ментальности становятся более чем заметны в ситуациях внутрисистемных кризисов, когда, вопреки аберрациям прогрессистского сознания, огромные массы людей впадают в стремительное “раскультуривание”. Здесь надо говорить не о крахе культуры вообще, как это видится современникам, для которых культура вообще — это всегда именно их собственная культура и никакая иная, а о деструкции ее наиболее поздних (верхних) слоев, из-под которых поднимаются тектонические пласты латентно пребывающих в ментальности слоев, соответствующих разным уровням мифо-ритуальной системы.

Литература

1. *Голан А.* Миф и символ. М., 1994. С. 103–105.

2. *Пелипенко А.А.* Культура как полевое образование // Человек. 2014. № 2.

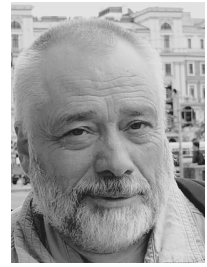
3. *Пелипенко А.А.* Эволюция: вектор и траектории // Человек. 2016. № 6. С. 5–17.

НАРОЖДАЮЩАЯСЯ ИДЕОЛОГИЯ МАССОВОГО ОБЩЕСТВА, ИЛИ СТЕПУН ПРОТИВ ГОРЬКОГО В ЗАЩИТУ ДОСТОЕВСКОГО

© 2017

В.К. Кантор

ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИЗМА



Кантор Владимир Карлович — доктор философских наук, ординарный профессор Школы философии Научного исследовательского университета — Высшая школа экономики (НИУ–ВШЭ), член редколлегии журнала "Вопросы философии". Постоянный автор журнала. E-mail: vlkantor@mail.ru

Когда говорят об оценке Степуном творчества Достоевского, то обращаются прежде всего к двум его последним статьям («"Бесы" и большевистская революция», 1957; "Миросозерцание Достоевского", 1962), либо к рассуждениям в его мемуарах. Между тем первый текст Степуна о Достоевском («О "Бесах" Достоевского и письмах Максима Горького», 1913) вышел в удивительное, я бы сказал, *ключевое время* (накануне войны, когда Достоевский был прочитан заново, на фоне надвигавшейся мировой катастрофы), когда вдруг стало понятно, что именно этот русский писатель, более чем любой другой, связан с сущностью и судьбой России. Когда вдруг осознали специфику его таланта, его творчество было выведено из контекста реалистического бытового романа и поставлено в ряд древнегреческих трагедий, трагедий шекспировской эпохи.

Трагедия — это сложность бытия, где отсутствуют простые решения. Такое понимание Достоевского, как стоящего в ряду мировых трагиков, показал спектакль по "Бесам" в МХТ ("Николай Ставрогин", инсценировка В.И. Немировича-Данченко). По следам постановки было написано несколько выдающихся текстов русских мыслителей — от статьи Бердяева "Николай Ставрогин" до статьи С. Булгакова "Русская трагедия" (1914), в которой последний не только дал анализ трагического принципа творчества великого писателя, но и поставил его в ряд великих христианских пророков, пришедших рассказать своему народу о его бедах и преступлениях[1].

Но эту трагическую сложность увидел еще раньше Вяч. Иванов, до того как он проанализировал спектакль: "Он жив среди нас, потому что от него или через него все, чем мы живем, — и наш свет, и наше подполье. Он великий зачинатель и предо-

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 15-03-00581).

[1] См. об этом также [5].

пределитель нашей культурной сложности. До него все в русской жизни, в русской мысли было просто. Он сделал сложными нашу душу, нашу веру, наше искусство. <...> До него личность у нас чувствовала себя в укладе жизни и в ее быте или в противоречии с этим укладом и бытом, будь то единичный спор и поединок, как у Алеко и Печориных, или бунт скопом и выступление целой фаланги, как у наших поборников общественной правды и гражданской свободы" [3].

Именно с точки зрения натуральной, бытовой школы подошел к Достоевскому Горький, заметив, что с гнусностью российской жизни надо было бороться. Но борьба была для него проста: на одной стороне добро, на другой — зло. У Достоевского все оказалось слишком запутанно. "Неоспоримо и несомненно: Достоевский — гений, но это злой гений наш. Он изумительно глубоко почувствовал, понял и с наслаждением изобразил две болезни, воспитанные в русском человеке его уродливой историей, тяжкой и обидной жизнью: садическую жестокость во всем разочарованного нигилиста и — противоположность ее — мазохизм существа забитого, запуганного, способного наслаждаться своим страданием, не без злорадства, однако, рисуясь им пред всеми и пред самим собою. <...> Это — несомненно русская душа, бесформенная и пестрая, одновременно трусливая и дерзкая, а прежде всего — болезненно злая: душа Ивана Грозного, Салтычихи, помещика, который травил детей собаками, мужика, избивающего насмерть беременную жену, душа того мещанина, который изнасиловал свою невесту и тут же отдал ее насиловать толпе хулиганов.

Очень искаженная душа, и любоваться в ней — нечем" [2].

Он видит и читает трагедию как рассказ об укладе жизни, не замечая, не чувствуя, что перед ним метафизика, а не быт.

Степун выступил против Горького не только как философ, но и как социолог, прошедший школу Зиммеля: «На всех лекциях и прениях "большая публика" была вполне определенно на стороне заступников Горького и резко протестовала против попыток защиты Достоевского.

Это принципиальное расхождение русской публицистики, почти единодушно осудившей Горького, и сочувствия Горькому со стороны "большой публики" представляет собою, на мой взгляд, явление крайне характерное.

Оно определенно свидетельствует о том, что тесная связь публициста и его публики, которая господствовала во времена Писарева, Чернышевского, Добролюбова и Михайловского, придавая языку этих писателей ритм и напряженность, их темпераменту подчас блеск и повелительность, — ныне порвана» [9, с. 837].

Степун фиксирует весьма важный момент — наступающую победу рождающегося массового общества. Горький оказался

выразителем господствующего мнения, точнее, мнения, которое готово стать господствующим, мнения той части общества, где формировался тип массового сознания, не желавшего видеть катастрофы и изъяны бытия. Очень небольшая часть культурного слоя отнеслась со всей серьезностью к пророческому предупреждению Достоевского, увидев в написанной им трагедии возможность поворота мира в сторону катастрофы. Большинство же сочли это надругательством над русским человеком (почему трагедии Софокла или Эврипида не счесть клеветой на античный мир?). В России произошло важное открытие. Обыватель не всегда за существующий режим, но он всегда за господствующее мнение. А это мнение может быть радикальным — большевистским или национал-социалистическим. Именно обыватель — поддержка врагов режима. Масса, толпа дает силу радикальным движениям, ибо трагическое восприятие жизни ей не свойственно. Оно всегда против и всегда за победу.

Мнение обывателя-радикала включает в себя как непременное условие неприятие существующего режима. Во главе этих радикальных обывателей находится тот слой интеллигенции, который продолжает еще жить в групповом сознании (инварианте стадного сознания). Далее это мнение вынужденно поддерживает строй пришедших к власти тиранов, как произошло с Горьким. Это серьезная проблема, ибо групповое мышление, групповой модус поведения (еще не стадный, но уже в его пределах) сочетается с нравственным подвижничеством. Такими ли были христиане? Думаю, что нет. Поскольку они не должны были мечтать о власти в мире сем, как и учил их Христос. Ибо Его царство было не от мира сего.

Собственно об этом писал в те годы Евг. Трубецкой: «С этой особенностью связана и наша сила и слабость, все то, что есть в нашем национальном характере благородного и отвратительного. Здесь — залог высокого подъема духа, великих подвигов и творчества; но здесь же таится возможность крайнего падения. Извращение лучшего из человеческих качеств становится источником худшего из зол. Сбившееся с пути религиозное искание обращается на недостойные предметы и создает себе идолов. А идолы обыкновенно бывают ревнивы, завистливы, бесчеловечны и кровожадны.

Русская действительность полна печальными тому доказательствами. Русский интеллигент жить не может без идолов и делает их изо всего на свете: из народа, из партии, из формулы, из учения, в котором он видит “последнее слово науки”. И все человеческое забывается и утрачивается в этом идолослужении. Это — то самое, что создает преступную атмосферу. Становясь предметом исключительного почитания, идол вместе с тем становится единственным критерием нравственных обязанностей. От всяких других он освобождает своих поклонников: одни считают все дозволительным в интересах народа,

другие — в интересах единой спасающей партии, третьи — ради торжества единственно непогрешимого догмата. Этот догматизм — смерть духовной жизни, ибо он усыпляет разум и освобождает от труда искания. Кто мнит себя в обладании безусловной правдой, тот уже не ищет, не подвергает критике своих догматов, а навязывает их другим, насилуя и принуждая к молчанию несогласных. С верою в собственную непогрешимость связывается крайнее самодовольство, самомнение и деспотизм, опьянение и бред величия, свойственный "монополистам" истины» [10].

Самое печальное было то (началось это в России), что лидерами нового массового общества оказались интеллектуалы, точнее, русская интеллигенция, которая разошлась с русской философской мыслью. Если раньше Чернышевский, Соловьев, Достоевский, Кавелин и др. отнюдь не радикальные мыслители казались интеллигенции учителями жизни, то теперь (и это фиксирует Степун) духовный уровень массы настолько понизился, что она стала искать истины не в серьезных текстах, а в массовых брошюрах, где часть истины выдавалась за истину целую (этой тенденции боялся Вл. Соловьев). Но это было неизбежно, когда на арену истории выступил духовно неподготовленный слой людей, строго говоря, даже не прошедший и не усвоивший по-настоящему христианского учения. Философов подменили газетчики. Степун писал: «Горькому мало дела до того, что ряд литераторов и публицистов не согласен с ним. Ему, несомненно, важнее, что широкая масса русской интеллигенции скорее за него, чем за Художественный Театр. А что она за него, в этом сомневаться едва ли приходится. Ибо, если она (эта широкая масса) уже в Москве, усиленно посещающая Художественный Театр в дни представления "Бесов" и потому прекрасно знающая, что, инсценируя роман Достоевского, театр изъял из него решительно все политически-шокирующее и неприемлемое (если о таковом вообще можно говорить), вполне определенно поддерживала на всех лекциях и диспутах сторонников Горького и противников постановки, то можно с уверенностью сказать, что в провинции положение защитников Достоевского оказалось бы еще много труднее» [9].

Философская метафизика, как некогда христианское учение, стала достоянием немногих избранных. Уже в середине XX века много думавший над судьбой Достоевского француз Альбер Камю отмечал: "Великие романисты — это романисты-философы, то есть противоположность сочинителям тенденциозных повествований, иллюстрирующих какую-нибудь идею. Таковы среди многих других Бальзак, Сад, Мелвилл, Стендаль, Достоевский, Пруст, Мальро, Кафка. <...> Все они рассматривают произведение одновременно и как конец, и как начало. Оно является завершением зачастую не высказанной прямо философии, ее зримым подтверждением и увенчанием.

Но оно состоялось лишь благодаря этой подразумеваемой философии” [4]. Горький как раз был из типа писателей, *иллюстрирующих какую-то идею*, чужую идею, которую он усвоил, а не выработал.

Это заметили современники Горького, даже не из самых сильных писателей. Автор популярного тогда романа “Санин” М.П. Арцыбашев поставил точный диагноз: «Когда началось то, что называют “концом Горького”, когда большой и свободный художник подчинил свое творчество служению партийным целям, многие думали, что это временное, и надеялись на скорое возрождение писателя. Я не верил этому, я знал, что искусство — это любовница, которая никогда не прощает и мстит за себя... Искусство, которому он изменил, ушло от него, между ними порвалась живая связь, и как следствие этого разрыва явилась какая-то странная духовная слепота некогда яркого и большого художника. <...> Надев шоры известных политических убеждений, он не видит и не хочет видеть ничего вне той прямой линии, которую начертала для него программа и тактика его партии. Все, что не входит в узкие рамки этих предназначений, ему представляется не только ненужным, но и просто вредным. Как все узкопартийные люди, он признает лозунг: кто не с нами, тот против нас. А так как не с нами и, следовательно, против нас оказывается слишком многое и это многое слишком разнообразно, то, чтобы быть логичным до конца, ему не остается ничего другого, как все оказавшееся за чертой свалить в одну кучу. Поэтому-то он смешивает великого богоборца Достоевского с бульварным садистом Мирбо, гениальных “Бесов” с желтым пасквилем забытого Клюшникова, вопросы патологии с вопросами психологии. Иначе нельзя: ему нужно доказать, что все, что не с ним, — вредно, что все, в чем нет “маленькой пользы” служения политическому моменту — равно ненужно и равно безнравственно. <...> А если так, то не протест против постановки — призыв к уничтожению книги, вот логический конец для человека последовательной и смелой мысли» [1].

Горького поддержал Ленин, новый идеолог наступавшей на Россию бесовщины и создатель первой в Европе тоталитарной системы: «Вчера прочитал <...> Ваш ответ на “вой” за Достоевского и готов был радоваться» [6]. А большевистский публицист М. Ольминский в том же году писал: “На вопросе о Достоевском столкнулись два мира. Пролетарский мир, в лице М. Горького, выступил против соглашения с реакцией, против антисемитизма, против неблагородства человеческой души. А против него — другой мир, готовый обниматься и с реакцией и с антисемитизмом, готовый продать свое благородство души первому, кто пожелает выступить покупателем. На этом примере рабочие должны учиться понимать те неблагородные вожделения, которые обычно кроются под пышными фразами о святости искусства и чистом искусстве” [8].

Русские религиозные мыслители горьковской инвективы против Достоевского не приняли, противопоставив его публицистическому прочтению философское понимание романа. Заслуга Степуна в том, что он попытался не просто отказаться, отмахнуться от пролетарского невежды, но захотел увидеть и понять, какие тенденции выражает Максим (характерное имя-псевдоним — *Максим* — то есть величайший) Горький (характерна и подлинная фамилия — *Пешков*, то есть мельчайшая фигура в шахматах). Он усиленно делал себя первым, Ферзем, Королем. Но для этого надо быть выразителем какой-то силы. Силу эту он нашел в большевизме. Степун ясно увидел, что Горький не сам по себе: «Ни минуты не желая говорить “гаденьких слов” о творимой им “цензуре”, все же приходится определенно заявить, что в его сознании понятия религии и реакции являются столь же тесно сращенными друг с другом, как и в сознании любого черносотенца. Понятия же прогресса и атеистического отрицания для него так же интимно связаны, как они были связаны в наивном мышлении 60-х годов.

Вся психологическая, и прежде всего социально-психологическая, значительность письма Максима Горького только тем и объясняется, только в том и заключается, что высказанное им суждение, с одной стороны, питается глубоким историческим заблуждением, с другой, само питает его.

С этой точки зрения, малосильный по существу, протест Горького заслуживает большого внимания и серьезного опровержения» [9, с. 836].

Горький назвал Достоевского злым гением, погубителем России. При этом за Горьким плебс, отказавшийся от религии, а это уже сила. Опровержение Степуна в контексте позиции атеиста Горького казалось тогда несколько наивным: “Злой гений — он всюду и всегда проповедник безбожья, ступающий по праху и сеющий смерть. <...> Злой гений прежде всего проповедник безбожья; Достоевский же всю свою деятельность, весь свой огромный талант отдал проповеди религиозной жизни и живого Бога. Сила его религиозной веры была так велика, что понятия *безбожной* жизни, жизни вне Бога он бы решительно не принял и не понял. Вне Бога для Достоевского вообще немыслима никакая жизнь и никакое бытие” [там же, с. 839].

История показала, что позиция Горького и Ленина вела к каннибализму, ибо видели они жизнь очень упрощенно, без высших смыслов, без творчества, которое насквозь метафизично в высших своих проявлениях. Степун же остается верен идее трагизма человеческой жизни, видя в “Бесах” именно трагедию, отвергая горьковскую бытовую оценку творчества великого писателя: “То, что большинство типов Достоевского психологически не совсем нормально, что они определенно наделены нервными недугами: истерией, эпи-

лепсией, летаргическим сном и т.д., — верно. Но *клиническая* нормальность и ненормальность решительно не имеют никакого отношения к художественной нормативности творчества" [там же, с. 847].

Как показал Мережковский, вопрос о человеке, о человечестве связан для Достоевского с вопросом о Богочеловеке, о Богочеловечестве: "Горький эту связь разрывает, и самый вопрос падает, становится бессмысленным. Человек — Бог или зверь, — говорит Достоевский. Горький не слышит первого, и остается второе: человек — зверь" [7].

Зверь не знает трагедии, человеческой трагедии, где, по слову Достоевского, дьявол с Богом борется, а поле битвы сердца людей. И герои Достоевского не только не звери, а люди, думающие о высших проблемах бытия, живущие ими. Так что вывод Степуна не случаен: "Трагиком Достоевский является прежде всего потому, что все его творчество насквозь метафизично. Катастрофичность его романов никогда не порождается эмпирическими столкновениями психологических мотивов и желаний, но всегда метафизической антиномией человеческих судеб и воль" [9, с. 847].

При этом поразительно, как одномерному уму пролетарского писателя кажется, что постановка романа Достоевского в одном отдельно взятом театре может изменить течение общественной жизни. И он пишет письма, стараясь убедить в этом публику. Подобные письма мы в журнале "Вопросы философии" получали в советское время, где психически больные советские люди, в сущности последователи Горького, в какой-нибудь публикации видели удар по системе социализма и требовали разобраться с автором. Действительно, увидеть в одной постановке одного театра — угрозу всей русской культуре, более того — России, — это очевидное безумие, которое охватывает восставшие массы, вдруг одержимо кидающиеся на кого-то одного, непохожего на каждого из них.

* * *

Степун не раз возвращался к Достоевскому, но специально написанные им две последние статьи о творчестве писателя вновь посвящены "Бесам". Надо было пережить две революции, два тоталитарных режима, прожить несколько десятилетий в Дрездене, "Флоренции на Эльбе" (Гердер), чтобы окончательно убедиться в правоте русского Данте, написавшего в этом городе свою самую трагическую книгу, изобразившего русский ад, который был лишь входом в ад общеевропейский. Надо было через все это пройти, чтобы сказать окончательно, ясно и точно: трагедия точнее прочего раскрывает сущность мира, а толпа лишь служит средством для утверждения демонического на Земле. Впрочем, это соотношение толпы, живу-

щей повседневностью, а также подчиненного партийному порядку писателя, и гения, одиноко и трагически переживающего суть мира, еще не столь отчетливо, Степун увидел уже в первой своей статье о “Бесах”.

Литература

1. *Арцыбашев М.П.* Максим Горький // Рампа и жизнь. 1913. № 39. 29 сентября. С. 10–11.

2. *Горький М.* О “карамазовщине” (URL: http://dugward.ru/library/dostoevskiy/gorkiy_o_karamazovchine.html)

3. *Иванов Вяч.* Достоевский и роман-трагедия // *Иванов Вяч.* Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 283.

4. *Камю А.* Миф о Сизифе. Абсурдное творчество // *Камю А.* Посторонний. Миф о Сизифе. Недоразумение. М.: АСТ, 2007. С. 215–216.

5. *Кантор В.К.* Карнавал и бесовщина // Вопр. философии. 1997. № 5. С. 44–57.

6. *Ленин В.И.* П.С.С. Изд. 5-е. Т. 48. С. 226.

7. *Мережковский Д.С.* Горький и Достоевский // *Мережковский Д.С.* Акрополь: Избр. лит.-критич. статьи. М.: Книжная палата, 1991. С. 38.

8. *Ольминский М.* По литературным вопросам. М.; Л., 1932. С. 25–26.

9. *Степун. Ф.А.* О “Бесах” Достоевского и письмах Максима Горького // *Степун Ф.А.* Соч. М.: РОССПЭН, 2000. С. 837.

10. *Трубецкой Евг.* Два зверя // *Трубецкой Евг.* Смысл жизни. М.: Республика, 1994. С. 318.

НОВЫЕ КНИГИ

Айссель С. **Современная психоантропология. Основы учения** / Пер. с фр. М.: Свет, 2015. 160 с.

Антоновский А.Ю. **Коммуникативная философия знания: От теории коммуникативных медиа к социальной философии науки.** М.: Ин-т философии РАН, 2015. 168 с.

Бабаи А.А., Кийа Г.А., Рухани Р.М. **Методология толкования Корана** / Пер. с араб. М.: Сандра, 2016. 700 с.

Бертон Р. **Разум VS Мозг. Разговор на разных языках** / Пер. с англ. М.: Эксмо, 2016. 304 с.

Бичев Г.Н. **Сборник статей “Рациональная система мировоззрения — основа современных идеологий”.** М.: ИМ Лапченко А.Б., 2015. 104 с.

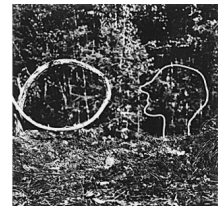
Булюбаш И.Д., Пугач Н.В. **Руководство по обучению гештальт-терапевтов.** Самара: Бахрах-М, 2016. 416 с.

☞ с. 59

Веряскина В.П. **Трансформация человека в обществе модерна.** М.: Ин-т философии РАН, 2015. 223 с.

Ветошкин А.П., Некрасов С.И., Некрасова Н.А. **Философия: Учебник для студентов вузов.** М.: Проспект, 2016. 560 с.

ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕВИЧЕСТВА. РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ



© 2017

Е.И. Булатова

Исследования молодежных культур и субкультур имеют более чем полувековую историю. У их истоков стоял Бирмингемский центр современных культурных исследований[1]. Благодаря активной и во многом новаторской деятельности сотрудников этого центра субкультурные исследования стали одним из наиболее значимых направлений в современной социологии молодежи и сегодня представлены многочисленными традициями и школами. Несмотря на разнообразие методологических подходов, используемых в рамках субкультурной и постсубкультурной теорий их объектом на протяжении долгого времени были преимущественно мужские молодежные сообщества. Социологи, антропологи, этнографы и культурологи изучали музыкальные пристрастия, стилевые особенности, практики потребления и коммуникации, досуговые и телесные практики, которые были свойственны мальчикам, юношам и молодым мужчинам, в то время как девочки и девушки и их участие в молодежных сообществах практически оставались вне фокуса исследователей. Сходная ситуация может быть обнаружена и в отечественной науке. Российские ученые также относительно недавно обратились к исследованию девичества. В одном из первых диссертационных исследований на тему его автор С.Б. Борисов подчеркивает: «Понятие “девичья субкультура” не вошло до настоящего времени в арсенал отечественной социологической и культурологической мысли: до настоящего времени не появилось исследований, более или менее целостно описывающих механизмы гендерной инкультурации и социализации российских девочек» [1, с. 2].

Формирование нового исследовательского поля и новой дисциплины, которая получила название “Girlhood Studies” (“исследования девичества”) или “Girl Culture Studies” (“исследования девичьей культуры”), произошло в 1970-х годах благодаря теперь уже классическим работам Анжелы МакРобби и Дженни Гарбер. По мнению А. МакРобби, девочки были

Булатова Елена Игоревна — кандидат философских наук, сотрудник Санкт-Петербургского государственного экономического университета. В журнале “Человек” публикуется впервые. E-mail: selenna@inbox.ru

Статья подготовлена при поддержке РГНФ. Грант № 15-33-01018.

[1] Birmingham Center for Contemporary Cultural Studies, CCCS.

либо полностью исключены из молодежных исследований, либо представлены в них не с лучшей стороны: «Кажется, очень мало написано о роли девочек в молодежных сообществах. Они отсутствуют в классических этнографических описаниях субкультур, поп-историях, журналистских полевых исследованиях. А если они и появляются, то в таком облике, который лишь некритически усиливает стереотипное представление о девочках... Например, Файвел в своей работе, посвященной teddy boys, описывает девочек как “бессловесных и пассивных подростков”» [13, p. 209].

Анжела МакРобби сформулировала ряд предположений, которые, по ее мнению, могли бы стимулировать дальнейшие исследования девичьих молодежных сообществ: во-первых, девочки на самом деле присутствуют в субкультурах, но это присутствие “невидимо” из-за доминирования мужчин-исследователей в области социологии молодежи; во-вторых, возможно, девочки не обладают таким же набором субкультурных выборов и перспектив, как мальчики, и тогда они, вероятно, используют другие способы организации своей социокультурной жизни [ibid., p. 210]. Попытки МакРобби, Гарбер и их коллег проанализировать эти предположения привели к формированию концепции “bedroom culture” (“культура спальни”), в рамках которой объектом изучения стали девочки и их культурные практики. Впоследствии концепция “культуры спальни” была подвергнута критике и переосмыслена некоторыми авторами, но именно она представляет собой фундаментальную основу для многих современных подходов к исследованиям девичества, включая феминистское и постфеминистское прочтения женственности и концепции “девичьего бунта” и “девичьей власти”.

Концепция “bedroom culture” или “культуры спальни”

А. МакРобби — автор многочисленных работ, посвященных изучению женской молодежной культуры, гендерного порядка и гендерных режимов, — заостряет внимание на том, что в исследованиях молодежных субкультур, проводимых специалистами Бирмингемского центра, внимание сфокусировано на мужчинах, в то время как девушки отсутствуют совсем или появляются на заднем плане в качестве подружек или спутниц, сопровождающих парней, в роли второстепенных персонажей, о которых почти ничего не известно. МакРобби предполагает, что такой образ девочек не в последнюю очередь определяется гендерным составом исследовательских групп: мужчины-исследователи интервьюировали мужчин — участников субкультур и не задавали последним вопросов об их спутницах, или же просто пропускали информацию о девушках, сочтя ее неважной для социологического анализа. Если же мужчина-исследо-

ватель изредка и обращался за комментариями к самим девушкам, они чаще всего уходили от ответа, выражали нежелание беседовать, предпочитая оставаться в тени. МакРобби приходит к выводу, что девушки во время опросов не чувствовали себя комфортно и уверенно, поскольку "давно привыкли ощущать себя на втором плане в мире, где доминируют мужчины, а атмосфера интервью, проводимого мужчиной-исследователем, не располагала к доверию" [ibid., p. 213]. На самом деле субкультурные группы никогда не были исключительно мужскими по своему составу, факт присутствия девочек в субкультурах тедди, модов и хиппи не подлежал сомнению, однако восприятие этого присутствия было затруднено из-за применяемых методов исследования.

Вместе с тем, по мнению МакРобби, важен не столько вопрос о том, присутствуют ли девочки в субкультурах, где традиционно доминируют парни, сколько о том, используют ли девочки *другие* способы организации своей социокультурной жизни и создают ли *иные* формы солидарности, отличные от присутствия в "мальчиковых" субкультурах, создают ли они свою, особую культуру? Для ответа на этот вопрос МакРобби и Гарбер обращаются к послевоенному времени и анализируют досуговые практики девочек, принадлежавших к рабочему классу, утверждая, что эти девочки были "больше сфокусированы на доме, маме и браке, чем их братья и сверстники мужского пола. Бóльшую часть времени они проводили дома" [ibid.]. Одним из основных занятий девочек было потребление недорогой культурной продукции, например, женских журналов и музыкальных записей. Последующие поколения девочек вписались в субкультуру teeny boppers — девочек-подростков, — сложившуюся в 1970-х годах.

Девочки, принадлежавшие к субкультуре teeny boppers, увлекались поп-музыкой, посещали концерты поп-певцов и читали подростковые музыкальные журналы о своих любимых исполнителях. Девичья субкультура teeny bopper значительно отличалась от "мальчиковых" прежде всего тем, что участие в ней было абсолютно безопасно. Мальчики, примкнувшие к другим субкультурам, проводили много времени на улицах, во дворах и клубах, что всегда было сопряжено с возможностью драк, употребления алкоголя, а потому представляло опасность и для них самих, и для их сверстниц. Более того, проводя слишком много времени на улицах, девочки могли подвергнуться сексуальным домогательствам или слишком рано вступить в сексуальные отношения, что, естественно, не приветствовалось их родителями: "Родители осуществляли надзор над девочками, запрещая им гулять каждый вечер, ограничивая их в том, куда они могут пойти, с кем и как долго они могут оставаться вне дома, — надзор, который не распространялся на мальчиков в такой же степени, что приводило к тому, что девочки оказывались более интегрированы в се-

мейную жизнь" [6, p. 64]. Понятие "нормального" досуга было неодинаковым для девочек и мальчиков: от девочек ожидали "домашнего" времяпрепровождения, в то время как мальчикам дозволялось "тусоваться" на улицах. Осуществление субкультурной деятельности в teeny bopper не требовало ничего, кроме наличия своей комнаты (спальни) и проигрывателя, чтобы слушать музыку, а также разрешения родителей пригласить к себе подруг [13, p. 220]. В то время как «мальчики оккупировали внешний мир своими досуговыми и субкультурными практиками, прибежищем девочек стала частная сфера, "святилище" спальни, где они читали teeny bopper журналы, предавались фантазиям о рок-звездах и знаменитостях с плакатов и постеров» [ibid., p. 215]. Субкультура teeny bopper, по мнению МакРобби, давала девочкам больше возможностей для исследования и конструирования своей идентичности, развития дружеских отношений с другими девочками и взаимодействия с культурными продуктами (журналы, постеры, кассеты, наклейки и прочая коммерческая продукция, связанная с поп-сценой), чем субкультуры, в которых доминировали мальчики. Впоследствии коллега МакРобби С. Фрис, занимавшийся социологией музыки, назвал этот феномен девичьих досуговых практик "культурой спальни": "Девичья культура становится культурой спальни, местом, где девочки встречаются, слушают музыку и обмениваются навыками использования косметики, учатся танцевать, сравнивают свои знания о сексуальной сфере, критикуют одежду друг друга и сплетничают" [6, p. 66].

МакРобби отмечает, что субкультура teeny bopper отличалась от "мальчиковых" субкультур не только тем, что была безопасна, но и тем, что имела выраженный коммерческий характер. Действительно, индустрия поп-музыки поставляла нескончаемый поток поп-певцов, фанатками которых становились девочки, индустрия женских журналов увеличивала тиражи своих изданий, наполняя их постерами с фотографиями исполнителей, которых девочки обожали, звукозаписывающие компании производили тысячи записей, которые девочки коллекционировали. Субкультура teeny bopper, таким образом, по мнению МакРобби, не предлагала много возможностей для девичьего творчества, девочкам было достаточно потреблять производимую в массовом масштабе продукцию, чтобы примкнуть к этому сообществу и ощутить радость сопричастности. Еще одним, скорее негативным, аспектом, на который обращала внимание сама исследовательница, служило то, что субкультура teeny bopper воспроизводила традиционную гендерную иерархию — мужчина-герой (поп-музыкант) на пьедестале (сцене) и девочки-фанатки, пассивно, но восторженно смотрящие на него из зрительного зала. В более поздних работах МакРобби и Гарбер [12] пытаются пересмотреть свои взгляды на девичью культуру teeny bopper

и предлагают новое прочтение девичьих досуговых практик "культуры спальни" как некой формы протеста, утверждая, что девочки — участницы субкультуры только кажутся пассивными, но на самом деле они весьма активны: "Эти девочки заявляют о себе как потребители музыки. Если следующая запись окажется плохой или скучной, будущее поп-звезды находится в опасности. Если звезды выказывают неуважение к фанаткам, они потеряют свои места в музыкальных чатах и утратят популярность" [цит. по: 8, p. 23].

Вместе с тем МакРобби и Гарбер в своих трудах не уделили достаточного внимания некоторым довольно важным аспектам. Во-первых, они рассматривали культуру девочек, принадлежавших к рабочему классу, но не обсуждали интересы и свободное время девочек из других социальных групп. Во-вторых, исследовательницами не был затронут вопрос расовой и этнической принадлежности девочек и поп/рок-звезд, фанатками которых они являлись. В-третьих, неизвестно, как девочки teeny boppers относились к популярным исполнительницам и какова была роль поп/рок-певиц в формировании "культуры спальни". Принимая во внимание эти факты, некоторые исследователи отмечают, что концепция "культуры спальни" в своем оригинальном варианте не может быть использована в современном культурном контексте без существенных дополнений. Самой острой критике подвергается идея о нетворческом характере девичьей культуры. Несмотря на ряд оговорок, сделанных МакРобби и Гарбер в поздних работах, девушки рассматриваются ими как пассивные потребители продукции, создаваемой для них подростковыми медиа. Ряд исследователей опровергает это утверждение, настаивая на том, что девичьи занятия всегда включали в себя производство культурных продуктов, а девичья комната является "творческим пространством" [ibid.].

Критика концепции "культуры спальни": девочки — создатели продуктов культуры

Одна из наиболее последовательных критиков концепции "культуры спальни" Мери Керни, замечает, что МакРобби и ее коллеги уделяли слишком много внимания анализу журналов, созданных медиа-индустрией для девочек-подростков и молодых девушек [9, p. 286]. Керни полагает, что это методологически неверный подход, приводящий к ложному выводу о том, что девочки могут только потреблять, но совершенно не способны создавать, оказывать сколько-нибудь значимое влияние на подростковую культуру. В женских и девичьих журналах девушки представлены как лишенные собственного голоса и мнения субъекты, пассивно воспринимающие информацию. Девушкам рассказывают о популярных музыкальных группах, но не объясняют, как основать свою собственную группу или

как научиться играть на музыкальном инструменте. Женские журналы воспроизводят традиционную гендерную идеологию производства и потребления, в которой потребление модных тенденций и продукции, производимой индустрией красоты, оказывается “естественным” для девочек и женщин. Керни анализирует женские журналы, начиная с 1940-х годов вплоть до середины 1990-х, и отмечает, что после войны авторы в основном писали о красоте как главной цели женщины, о бесчисленных способах ее достижения, и довольно редко обращались к вопросам образования, экономики и мировой политики. С тех пор прошло полвека, а ситуация мало изменилась, современные женские журналы тематически не сильно отличаются от послевоенных образцов. В современных медиа девушки продолжают представать в качестве потребителей, а не производителей культуры, исключение, как отмечает Керни, составляют лишь знаменитости, актрисы или певицы, которыми девушки-читательницы призваны восхищаться, не имея никакого шанса стать хоть немного на них похожими. Но и знаменитости всегда предстают перед читательницами в блеске, роскоши и богатстве; другая сторона их жизни — работа над своим телом, имиджем, упорный и изнуряющий труд в студиях звукозаписи и на съемочных площадках, который помог им стать знаменитыми, — как правило, остается за кадром. Керни отмечает, что журналы, издававшиеся до середины 90-х, не имели колонок для обратной связи и не стимулировали творческие способности девушек: последние не могли ни комментировать статьи, ни писать рецензии на публикуемые музыкальные обзоры, ни каким-либо еще способом выражать свое мнение [ibid., p. 290].

Таким образом, исследователи, изучавшие содержание женских журналов, фактически не получали достоверной информации о реальных девочках-читательницах. Специалисты должны анализировать не только тексты, которые производятся массовой культурой для девочек, но и те культурные артефакты, которые производятся самими девочками. Результатом любой дискуссии о репрезентации девушек в мейнстримовых изданиях должно стать предметное обсуждение вопроса о том, как девушки воспринимают эти конструкции и как сами себя позиционируют. Керни полагает, что девочки могут успешно противостоять доминирующей идеологии гендерной и поколенческой субъективности, рассказывая свои собственные истории [ibid., p. 298].

Такой способ противостояния стереотипным представлениям о девичестве и женских интересах формировался благодаря зинам (zines) — журналам, которые были популярны в начале 1990-х и при этом выходили не для продажи. Культура подобных изданий берет истоки в журналах фанатов панка (зины или фэнзины[2]), которые выпускались в качестве альтернативы мейнстримовой музыкальной прессе. Они предла-

[2] Фэнзин — фанатский журнал, любительское малотиражное периодическое издание.

гали отличные от существующих в мейнстримовой культуре способы репрезентации гендера, сексуальности, класса, расы и возраста. Эти журналы обращали внимание на табуированные в обычных женских журналах темы домашнего насилия, самозащиты, контрацепции, абортов. Женские зины не были похожи на мейнстримовую продукцию, в них не было содержания, глянцевых фотографий, нумерации страниц, платных рекламных объявлений, зато они включали рубрики обратной связи — письма издателям, обзоры и рецензии, секции DIY[3], в которых читательницы рассказывали о сделанных ими вещах, написанных стихах, песнях. Начиная с 1990-х девочки пытались открыто говорить о своих проблемах собственными голосами, а не языком редакторов модных молодежных журналов. Именно эти тексты, по мнению Керни, должны были стать объектами изучения исследователей молодежной женской культуры.

Возвращаясь к классической работе МакРобби о девичьей культуре teeny boppers, Керни отмечает, что выводы о пассивности девочек и нетворческом характере "культуры спальни" были сделаны МакРобби из-за недостаточного внимания к творческим практикам девочек, таким, как скрапбукинг, рисование, фотографирование, создание фотоколлажей, сочинение песен и стихов. Необходимо отметить, что невнимание к важной части досуга девочек характерно не только для ранних работ МакРобби, но и для не так давно вышедших работ авторов, использующих ее теорию и методологию. Так, Шиан Линкольн, опираясь на свои наблюдения, сделанные в комнатах четырех девочек-подростков, демонстрирует процесс разделения девочками своей комнаты на разные зоны с помощью реконфигурации мебели, различных технологий, специфического размещения книг, постеров и одежды, экспериментов с освещением. В этих зонах, по мнению Линкольн, девочки "свободны осуществлять разные виды деятельности <...> их выбор может зависеть от того, собираются ли они провести вечер дома, и тогда основными занятиями может быть выполнение школьных заданий, разговоры по телефону, чтение журналов или просмотр телепрограмм, или же они могут выбрать вечер вне дома, и тогда они готовятся к выходу, слушают музыку, пьют алкоголь, экспериментируют с одеждой, косметикой, и делают телефонные звонки, договариваясь о встречах" [11, p. 100]. Как видим, основной акцент вновь сделан на потребительских практиках девочек, главным образом, на потреблении ими медиа-продукции.

Именно поэтому нам представляются важными исследования М. Керни, которая обращает внимание на необходимость преодоления одностороннего взгляда на "культуру спальни" и демонстрирует важность полноценного описания всего спектра культурных практик, присущих современным девочкам-подросткам. Основная идея Керни заключается в том, что де-

[3] Do It Yourself (рус. "сделай это сам"). С 1950-х годов — самостоятельная работа по дому: ремонт электрооборудования, бытовой техники, изготовление мебели и т.д. Начиная с 1980-х DIY стало девизом неформальной культуры, так называемого "культа самоучки", — в музыке (панк-рок, инди-рок, альтернативная музыка и т.п.), самиздате (фэнзины) и пр.

вочки *всегда* были создателями культурных продуктов (рукоделие, вышивка, шитье, рисование, вязание), однако этот факт либо ускользал от внимания исследователей, либо ему не придавалось много значения. Если рукоделие практиковалось девочками из низших классов, то их продукция в основном носила утилитарный характер, вследствие чего не рассматривалась как творческая, требующая рефлексии и интеллектуальных усилий [8, p. 25]. В том случае, если рукоделие практиковалось девушками из высших классов, результаты этих трудов также не воспринимались серьезно, они, по мнению Керни, замалчивались, игнорировались, а сама продукция была изъята из рыночных отношений: "начиная с доиндустриальных времен вплоть до начала XX столетия большая часть культурной продукции, создаваемой женщинами, носила домашний характер, в основном благодаря гегемонии патриархальных идеологий и социальных структур, которые основывались на исключении женщин из публичной сферы" [ibid., p. 24].

Ситуация несколько изменилась в первой половине XX века, но уже в послевоенное время ручной и ремесленный труд, а также вещи, производимые в домашних условиях, в том числе и женщинами, снова потеряли свою значимость. Послевоенные годы были ознаменованы производственным бумом, и рекламодатели стремились представить продукцию, произведенную фабричным способом как более ценную и качественную, чем та, что произведена ремесленным способом или своими руками. Это тенденция пронизывала все сферы, включая индустрию, чьей целевой аудиторией была молодежь. Рынок был перенасыщен массовой продукцией, и этот переизбыток сделал практически невидимым культурный слой артефактов, создаваемых подростками дома. Эта ситуация и позволила МакРобби рассматривать девичью культуру спальни как центрированную вокруг потребления медиа-продукции [10, p. 134]. В своих работах Керни оспаривает эту трактовку, а также предостерегает исследователей от некритического использования концепции "культуры спальни" для описания современной девичьей культуры.

Огромную роль в трансформации "культуры спальни" сыграло развитие технологий. Современные технологии не только позволили сделать творчество девочек видимым, но превратили спальни и комнаты подростков из рекреационных помещений в особые пространства для активного создания и распространения медиа-продуктов, в мини-офисы для молодежного предпринимательства. Этот процесс трансформации девичьих "спален" начался в 1980-х благодаря развитию видеотехнологий и распространению записывающих видеокамер, позволивших подросткам создавать любительские ролики и фильмы. Сегодня девушки имеют доступ к компьютерным технологиям и Интернету, что позволяет им активно участвовать в создании фэнзинов, фильмов, производить музыку, заниматься веб-ди-

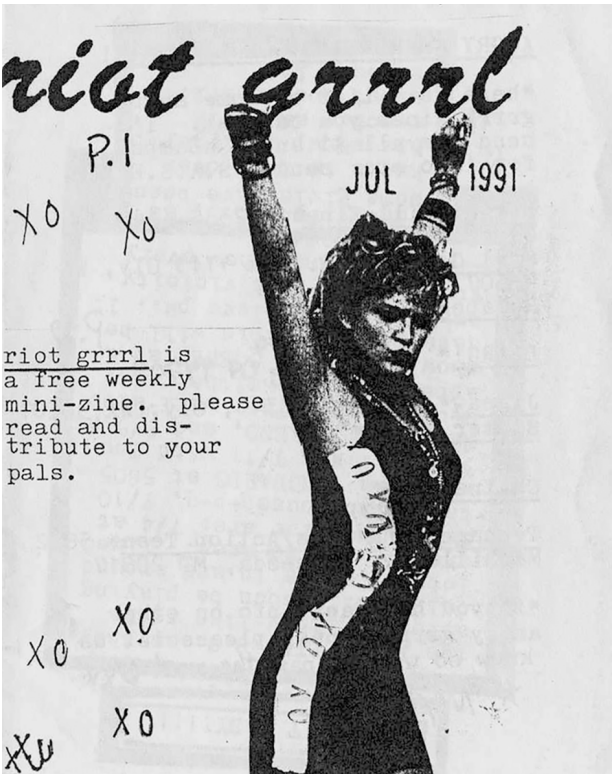
зайном, вести блоги, создавать авторские украшения, одежду, выпечку, рекламировать и продавать свою продукцию, вести мастер-классы, публиковать свои литературные произведения. Сегодня девичья спальня уже не является закрытым пространством, куда могут получить доступ только лучшие подруги и бойфренды. Видеоблоги, ставшие необычайно популярным видом медиа среди молодежи, позволяют девочкам вести трансляцию прямо из дома и собственной комнаты. Девочки делятся информацией о косметике, одежде, стратегиях шопинга, о музыке, которую они слушают, и видео, которое они смотрят, с тысячами подписчиков и подписчиц своих страниц на Youtube.

Безусловно, далеко не все девочки в равной степени обеспечены материальными ресурсами и не все имеют постоянный и качественный доступ к Интернету. Не всех девочек поддерживают родители, родительский контроль и ограничения по-прежнему создают препятствия для самовыражения в Сети, которая нередко воспринимается учителями и родителями как зона риска. Тем не менее, очевидно, что пассивное потребление медиа-продукции никогда не служило структурирующим элементом девичьей культуры, а в наши дни, благодаря технологическому прогрессу, девичья культура обладает еще большим потенциалом самовыражения и более эффективными инструментами противостояния гегемонии массовой культуры. Это противостояние получило мощную поддержку в рамках феминистского и постфеминистского дискурсов и нашло выражение в концепциях “девичьего бунта” и “девичьей власти”.

Постфеминистский проект: от девичьего бунта (“Riot Grrrl”) к девичьей власти (“Girl Power”)

Словосочетание “girl power” впервые было использовано в конце 1980-х в фэнзине американской женской музыкальной панк-группы “Bikini Kill”, которая совместно с другими женскими панк-коллективами, (“Bratmobile”, “Skinned Teen” и др), стала основоположницей субкультуры “Riot Grrrl” (“Девичий бунт”) — феминистского музыкального панк-движения. Девичий “бунт” изначально был направлен против сексизма, которым была пронизана американская субкультурная панк-сцена, заполненная коллективами, преимущественно состоявшими из белых мужчин. Однако вскоре стало ясно, что движение “Riot Grrrl” намеревалось не только изменить музыкальный ландшафт конца 1980-х — начала 1990-х, но ставило перед собой более масштабные цели, которые были озвучены участницами движения в “Манифесте” [16]. Бунтующие девушки видели свою задачу в искоренении сексизма не только в музыкальной сфере, но и обществе в целом, в борьбе с эйджизмом[4], расизмом, антисемитизмом, дискриминацией, связанной с ве-

[4] Дискриминация по возрасту — эйджизм (англ. *Ageism*). Проявляется в готовности воспринимать адекватно и сотрудничать лишь с теми людьми, кто соответствует некоему заранее установленному критерию возраста.



сом и особенностями внешности [ibid.].

Выпуск фэнзина, в котором был опубликован "Манифест", содержал также статьи, посвященные проблемам домашнего и партнерского насилия, суицида, нарушения питания и другим темам, которые волновали девушек и были табуированы в обычных женских журналах и тем более не обсуждались в официальных музыкальных изданиях. В "Манифесте" участницы движения писали о том, что девушки и женщины должны поддерживать друг друга, выстраивая сеть женских сообществ музыкантов и художниц, о потребности открыто говорить о женских нуждах, чувствах и проблемах, о солидарности, основанной на взаимопонимании, о необходимости изменения образа "слабой и бессловесной" женщины, господствующего в культуре. В женском движении бунтующие девушки видели огромный потенциал для трансформации культурных стереотипов и господствующей идеологии: "Я всем сердцем и душой верю, что девочки обладают революционной силой, которая может изменить мир и которая по-настоящему изменит его" [ibid.].

Однако у движения "Riot Grrrl" были значительные трудности в распространении своих идей, поскольку оно использовало неформальные медиа в качестве основной площадки для высказываний. Мейнстримовые медиа зачастую с осторожностью относились к публикации интервью, фото и видеоматериалов с концертов "Riot Grrrl", поскольку девушки вели себя провокационно и намеренно избегали конформистских режимов диалога. В середине 1990-х движение "Riot Grrrl" переживало упадок и постепенно сошло на нет, однако феминистские идеи укрепления "девичьей силы" и наращивания "девичьей власти" уже не могли быть вытеснены за пределы дискуссий о господствующем культурном порядке и вскоре перешагнули границу между музыкальным андеграундом и мейнстримом.

Концепция "девичьей власти" получила широкое распространение в массовой культуре в середине 1990-х благодаря

популярному британскому женскому музыкальному поп-коллективу “Spice Girls”. Участницы группы использовали словосочетание “girl power” в качестве слогана в интервью, постерах и другой коммерческой продукции. В своих песнях они затрагивали темы женской солидарности, женской дружбы без конкуренции и соревновательности, независимости и свободного проявления женской сексуальности. Первый видеоклип группы на песню “Wannabe” (“Хочу быть”) стал одним из самых популярных музыкальных видео, а довольно простой текст песни, обладавший, тем не менее, элементами феминистской риторики (например, строки о том, что женская дружба важнее романа с бойфрендом — “если ты хочешь стать моим парнем, подружись сначала с моими подругами”), и припевом, который мог бы стать слоганом для феминистского движения (“я скажу тебе, чего я хочу, чего я действительно, действительно хочу!”), стал предметом обсуждений не только среди музыкальных критиков, но и в научной среде [18]. В дальнейшем понятие “girl power” стало активно использоваться в постфеминистских академических дискуссиях и исследованиях. Сущностной основой концепции “girl power” становится переосмысление понятия “женственность”, которая в постфеминистском дискурсе рассматривается как эффективный инструмент усиления женского влияния (empowerment) и способность женщины быть активным агентом изменений в своей жизни (agency).

Концепция “girl power” предполагает отрицание многих принципов, которых придерживались сторонники феминистской теории второй волны. Они трактовали женственность как искусственный конструкт, инструмент, созданный мужчинами в целях объективации женщины, ее подавления и подчинения, что было характерно для патриархального общества, где доминируют мужчины и преобладает мужской взгляд (“male gaze”) на женское тело. Для представителей феминизма второй волны женственность и сексуальность служили маркером женского бессилия, слабости и подчиненности мужскому миру, женственный образ рассматривался как нечто навязываемое женщине, а не выбираемое ею. Представители феминистских теорий второй волны утверждали, что “женственность” — опасная ловушка, из которой нет выхода: с одной стороны, женщина “должна” быть женственной и сексуально привлекательной, иначе она останется невидимой в мужском мире и, как следствие, одинокой, с другой стороны, способы достижения женственного образа — употребление косметики, следование моде, чтение модных журналов — рассматриваются мужчинами как несерьезные занятия, лишенные всякой значимости.

Сторонники постфеминистской теории и ее ключевой установки “girl power” утверждают, что концепция “женственности” может быть доступна для разных прочтений и альтернатив-

ных трактовок; ее представители попытались произвести демонтаж тех смысловых пластов и коннотаций, которыми это понятие было нагружено в эпоху феминизма второй волны. Согласно адептам “girl power”, феминистские убеждения не обязательно предполагают выбор неженственного образа, а за женственностью не всегда скрывается сексизм и идеология подчинения. Женщина не должна отказываться от женственности и собственной сексуальности, чтобы достичь равенства, девочки и женщины, стремясь выглядеть женственно, вовсе не попадают в “ловушку женственности”, установленную для них патриархальным обществом. Любовь к косметике и парфюмерии, следование модным тенденциям — все это отнюдь не стремление оказаться в фокусе мужского взгляда. Девочки и женщины могут продуктивно присвоить конвенциональные механизмы и практики конструирования женственного образа для своих собственных целей [7]. Этими целями являются игра с собственной идентичностью, удовлетворение желания быть разной, украшение себя и своего тела, совершенствование своего тела и получение удовольствия от этих действий. Таким образом, центральная идея “girl power” заключается в том, что женственность — не признак слабости, подчинения, ранимости, напротив, женственность — властна, она обеспечивает девушек возможностью преодолевать и самим формировать рамки их гендерной роли [ibid., p. 78].

Концепция “girl power” получила неоднозначную оценку среди теоретиков и критиков третьей волны феминизма, исследователей девичества и молодежных движений и субкультур. Роль музыкального коллектива “Spice Girls” в популяризации и глобализации призыва “Girl power!” также стала предметом множества дискуссий. Нельзя не понимать, что коллектив “Spice Girls” — коммерческий продукт, созданный, чтобы извлекать прибыль. Это значит, что упомянутый проект может продавать не только музыку и сопутствующие товары, но и сам феминизм в яркой блестящей упаковке, тем самым обесценивая содержание риторики постфеминизма и girl power. “Spice Girls” своим творчеством подняли много неудобных вопросов, например, может ли что-то, имеющее отношение к феминизму, стать популярным, может ли феминизм стать массовым про-

дуктом, можно ли в принципе “купить или продать революцию”, является ли вовлечение чего-либо в поле массовой культуры формой конформизма? [5]

Невозможно удержаться от желания сравнить британский женский квинтет с их американскими панк-предшественницами. Многие музыкальные критики и социологи музыки утверждают, что “Spice Girls” представляют гораздо меньшую ценность и с музыкальной, и с идеологической точки зрения в сравнении с “Riot Grrrls”. Сходные взгляды высказывают феминистские теоретики и активисты, подчеркивая, что существует огромная разница между girls, девочками, для которых поют “Spice Girls”, и grrrls, для которых пели и издавали фэнзины “Riot Grrrls”. Первые следуют призыву girl power, потому что это модно, их устремления деполитизированы, вторые же были настоящими активистками с мощным политическим запросом к обществу [14, p. 170].

Несмотря на критику, представляется, что риторика girl power имеет гораздо больше сильных, нежели слабых сторон. Концепция “girl power” в том виде, в котором ее представили “Spice Girls” демонстрирует, что феминизм третьей волны (или постфеминизм) — это не обязательно ожесточенная борьба, что следование постфеминистским идеям может быть “веселым” и “несложным” занятием, постфеминизм может стать частью жизни любой девушки, далекой от “серьезных” академических феминистских исследований. Тот факт, что призыв girl power приобрел массовый характер и стал частью мейнстрима и глобальной массовой культуры не означает, что рынок захватил и эксплуатирует феминизм, напротив, популярный и модный слоган привносит феминистские идеи в жизнь молодых женщин через фильмы, музыку и телевидение, вдохновляет их на диалог о феминизме, на обсуждение серьезных вопросов о взаимоотношении между феминизмом, женственностью, девочками, формирует и обновляет символический порядок женской культуры [15]. Без британского коллектива

“Spice Girls” не было бы возможным появление на глобальной музыкальной сцене таких фигур, как Бейонсе (Beyonce) и Рианна (Rihanna), активно пропагандирующих в своем творчестве постфеминистские взгляды. Ярким примером феминистского глобального диалога является видео 2016 года, опубликованное ООН в рамках социального проекта “Global goals” (“Глобальные цели”). Видео представляет собой кавер-версию знаменитой “Wannabe”, в которой девочки, девушки и женщины по всему миру рассказывают о том, “чего они на самом деле хотят”: прекратить насилие, обеспечить доступ девочек к образованию, искоренить практику раннего замужества и обеспечить равную заработную плату за равный труд [17].

Заключение

Возникнув в последней четверти двадцатого столетия, девичьи исследования стремительно преодолели свой изначально маргинальный статус и стали одним из наиболее актуальных направлений в европейской и американской социологии, теории культуры, антропологии и этнографии. За сравнительно недолгое время развития девичьих исследований сформировались ключевые концепции и теории и специфический категориальный аппарат (“bedroom culture”, “girl power”, “riot girl”), стало возможным одновременное существование нескольких прочтений “женственности”. Неразрывно соединенные с феминистской и постфеминистской теориями, девичьи исследования сегодня затрагивают злободневные вопросы, связанные с гендерным порядком и гендерными режимами, и вызывают острые дискуссии далеко за пределами академической среды. Гендерные исследования и исследования молодежной культуры развиваются и в отечественной социологии и культурологии [2, 3, 4], а это означает, что в ближайшее время мы можем ожидать появления работ, посвященных российским девичьим культурам и субкультурам, а в перспективе появления компаративистских девичьих исследований.

Литература

1. *Борисов С.Б.* Субкультура девичества: российская провинция 70–90-х гг. XX в. Автореф. дис. ... д-ра культурологии. 2002.

2. *Здравомыслова Е.А., Темкина А.А.* Патриархат и “женская власть” // Российский гендерный порядок. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007.

3. *Здравомыслова О.М.* Выйти из тени: переосмысление женственности в исследованиях девичества // Неприкосновенный запас. 2011. № 2 (76).

4. *Омельченко Е.Л.* От секса к гендеру? Анализ дискурсов сексуальности в российских молодежных журналах // Женщина не существует: современные исследования полового различия / Под ред. И. Аристарховой. Сыктывкар. Изд-во Сыктывкарского университета, 1999.

5. *Driscoll C.* Girl Culture, Revenge and Global Capitalism: Cybergirls, Riot Grrrls. Spice Girls // Australian Feminist Studies. 1999. Vol. 14. N 29.
6. *Frith S.* The Sociology of Rock. L.: Constable, 1978.
7. *Genz S., Brabon B.* Postfeminism: Cultural Texts and Theories. Edinburgh: Univ. Press, 2009.
8. *Kearney M.C.* Girls Make Media. N.Y.: Routledge, 2006.
9. *Kearney M.C.* Producing Girls: Rethinking the Study of Female Youth Culture // Delinquents and Debutantes: Twentieth-Century American Girls' Cultures/ Ed. by S.A. Inness. N.Y.: Univ. Press., 1998.
10. *Kearney M.C.* Productive Spaces: Girls' Bedrooms as Sites of Cultural Production // Journal of Children and Media. 2014. Vol. 1. N 2.
11. *Lincoln S.* Teenage Girls' "Bedroom Culture": Codes versus Zones // After Subculture: Critical Studies in Contemporary Youth Culture / Ed. by A. Bennet, K. Kahn-Harris. N.Y.: Palgrave, 2004.
12. *McRobbie A., Garber J.* Girls and Subcultures // Feminism and Youth Culture: From "Jackie" to "Just Seventeen" / Ed. by A. McRobbie. Boston: Unwin Hyman, 1991.
13. *McRobbie A., Garber J.* Girls and Subcultures // Resistance through Rituals: Youth Subcultures in Post-war Britain / Ed. by S. Hall & T. Jefferson. L.: Hutchinson, 1976.
14. *Munford R.* "Wake Up and Smell the Lipgloss": Gender, Generation and the (A)politics of Girl Power // Third Wave Feminism: A Critical Exploration/ Ed. by S. Gillis, G. Howie and R. Munford. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004.
15. *Sinikka A., Gonick M., Harris A.* Young Femininity: Girlhood, Power and Social Change. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.
16. URL: http://onewarart.org/riot_grrrl_manifesto_print.htm — манифест Riot Grrrl (дата обращения к ресурсу: 22.09.2016).
17. URL: http://www.globalgoals.org/#the-goals — кавер-версия видеоклипа Spice Girls, созданная в рамках проекта Global Goals (дата обращения к ресурсу: 22.09.2016).
18. URL: https://www.youtube.com/watch?v=gJLIiF15wjQ — видеоклип поп-группы Spice Girls на песню Wannabe (дата обращения к ресурсу: 22.09.2016).

НОВЫЕ КНИГИ

Владимиров А., протоиерей. **Равный апостолам: Святой князь Владимир.** М.: Моск. Патриархия Рус. Правосл. Церкви, 2015. 36 с.

Генератор случайных предсказаний / Сост. Я. Сурженко. М.: АСТ, 2016. 416 с.

Гиренок Ф.И. **Клиповое сознание.** М.: Проспект, 2016. 256 с.

Грилльс Б. **Истинное мужество. Реальные истории о героизме и мастерстве выживания, сформировавшие мою личность** / Пер. с англ. М.: Центрополиграф, 2016. 285 с.

Дьяков С.И. **Субъективность педагога. Психосемантические модели и технологии исследования:** Учеб. пособие для студентов вузов. 2-е изд. перераб., доп. М.: Флинта; Наука, 2015. 528 с.

☞ с. 93

УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ В СТИЛЕ “МИНИМАЛИЗМ”

© 2017

О.О. Савельева

Савельева Ольга Олеговна — доктор социологических наук, профессор Департамента интегрированных коммуникаций НИУ Высшая школа экономики (Москва). Постоянный автор журнала. E-mail: osaosa@yandex.ru

“Потребление” — несколько сомнительное слово русского языка. Открываем толковый словарь великого и могучего. Потреблять — использовать для удовлетворения потребностей, расходовать. Потребитель — лицо или организация, потребляющие продукты чьего-то производства. И тут же значения с пометкой (неодобр.): потребитель — человек, который стремится жить, больше получая от других, чем отдавая им; потребительский — узкопрактический. И уж совсем нехорошее слово — “потребительство” (в словаре его, правда, нет, но в жизни оно используется). Есть уже и просто неприличные неологизмы от слова “потреблять”. Создается впечатление, что, с одной стороны, потребление процесс для человека естественный и необходимый, как, скажем, сон. С другой, есть в потреблении некая опасность, ведущая к превращению человека в потребителя (неодобр.), живущего потребительскими (неодобр.) интересами. С советской идеологией такие люди и такие интересы сочетались плохо. Так называемое “общество потребления” никогда не было доминирующим типом советского социального жизнеустройства, никогда не заявлялось как цель социалистического и любого иного строительства. Впрочем, это не совсем так.

Напомним, что термин “общество потребления” (consumersociety) был введен в научный дискурс в 1920-х годах выдающимся социологом Эрихом Фроммом. Но пик научной рефлексии данного социокультурного явления приходится на 70-е годы XX века. “Человек потребляющий”, как особый социальный тип, в 1976 году был описан тем же Э. Фроммом в получившей широкую известность работе “Иметь или быть”. Но наиболее концептуализированный портрет “общества потребления” середины XX века дан в работе французского философа Ж. Бодрийяра, которая так и называется — “Общество потребления” (1970). Но еще до этих научных работ к идее “общества потребления” в своей политической риторике

и практике неоднократно обращались американские президенты 1950-60-х годов: Д. Эйзенхауэр, Дж. Кеннеди, Л. Джонсон. И это не случайно, ведь именно в послевоенных США такой тип взаимодействия человека и общества стал доминирующим. "Общество потребления" появляется тогда, когда стадия воспроизводственного цикла под названием "потребление" (а не "производство", не "обмен", не "распределение") определяет конфигурацию общественной системы, направленность социальных, социально-антропологических, социально-культурных, технологических процессов, социальную дифференциацию. При этом, по совершенно справедливому замечанию С.А.Ильиных, "общество потребления" выводит потребление из чисто экономической сферы, перестает видеть в нем лишь утилитарный, прагматический процесс удовлетворения потребности, а начинает считать его основной, системообразующей социокультурной практикой, которая в наибольшей степени порождает ценности общества [2]. Все возрастающий уровень жизни, все более изощренное наполнение потребительской корзины — вот modus vivendi "общества потребления" — "удовлетворенный человек" его цель. Но поскольку, по выражению о. Павла Флоренского, "нельзя бесконечное удовлетворить конечным", то погоня за удовлетворением земными благами обречена быть вечной. Ориентация на потребление формирует массовый спрос на товары, массовый спрос стимулирует развитие массового производства, которое, в свою очередь, снижает стоимость единицы товара и тем самым увеличивает спрос... Беличье колесо потребления не может не то что остановиться, но даже слегка притормозить, ведь в этом случае начинает рушиться вся система, чему мы были свидетелями в 2007 году.

Итак, все более полное и разнообразное удовлетворение потребительских желаний — форма функционирования общества потребления. Казалось бы, нет ничего более далекого от этого императива, чем коммунистическая идеология и плановая социалистическая экономика, обернувшаяся на практике экономикой дефицита [4][1]. Но это, как мы упомянули в самом начале, не вполне соответствует истине. Мало кто, кроме историков, помнит сегодня, что в 1961 году на XXII съезде КПСС была принята новая (третья) Программа КПСС, провозгласившая в качестве социального идеала "распределение по потребностям": "Обеспечить непрерывный прогресс общества, предоставить каждому члену общества материальные и культурные блага по его растущим потребностям, индивидуальным запросам и вкусам — такова цель коммунистического производства ...Все население получит возможность удовлетворять в достатке свои потребности в высококачественном и разнообразном питании. В ближайшее время в народном потреблении значительно возрастет доля продуктов животноводства, фруктов и высокосортных овощей. В достатке будут удовлетворяться

[1] Термин "экономика дефицита" впервые концептуализировал венгерский экономист Я.Корнаи в 1980 году, в одноименной книге [4].

потребности всех слоев населения в высококачественных товарах широкого потребления: добротной и красивой одежде, обуви, вещах, улучшающих и украшающих быт советских людей...”[7]. Фактически, создателями этой декларации коммунистический общественный идеал, связанный, прежде всего, с социальной структурой общества, характером общественных отношений, новым характером труда (“когда люди работают из сознания необходимости работать на общую пользу”[6]) был трансформирован в близкий и понятный массам идеал общества потребления.

Но отнюдь не в Программе КПСС варианта 1961 года впервые на уровне государственной политики предлагалось “удовлетворять потребности”. НЭП был первым случаем легитимации потребительских идеалов в условиях государственной коммунистической идеологии. Само собой, что такое параллельное существование потребительской и коммунистической интенций было противоречиво, недолговременно, чревато конфликтами на уровне индивидуального и общественного сознания. “За што я боролся? Я за хорошую жизнь боролся. Вон она у меня под руками: и жена, и дом, и настоящее обхождение. Я свой долг, на случай надобности, всегда исполнить сумею. Кто воевал, имеет право у тихой речки отдохнуть. Во! Может, я весь свой класс своим благоустройством возвышаю”,— так объясняет свою потребительскую интенцию “бывший рабочий, бывший партиец, ныне жених” Пьер Скрипкин из пьесы Маяковского “Клоп” (1928). НЭП, как известно, был вскоре “свернут”, но понимание необходимости “удовлетворения потребностей трудящихся” у власти не исчезло. В тот период возможностей ориентировать экономику на потребительский императив, по сути, не было. Но, кстати, примечательно, что первое издание знаменитой “Книги о вкусной и здоровой пище” вышло в свет в 1939 году. Власть посчитала формирование модели потребления продуктов питания столь важным делом, что курировал издание лично народный комиссар пищевой промышленности СССР А.И. Микоян. В других странах или в другие времена выпуск подобных книг был уделом домохозяек, известных поваров, гурманов или литераторов[2].

Но системные изменения в отношении к потребительской активности “широких масс трудящихся” начались лишь в конце 1950-х годов, именно тогда слово “потребление” перестало сопровождаться пометкой (*неодобр.)*. Для этого имелись материальные предпосылки: предпринятые экономические и социальные меры (их вряд ли можно назвать реформами) давали постепенно свой результат. Трудности обеспечения повседневного существования советского человека не исчезли, но перестали носить черты голода, скорее, можно было говорить о дефиците.

Последний крупномасштабный продовольственный кризис, имевший тяжкие последствия, был в СССР в 1946–1947 годах.

[2] Наиболее популярный в России сборник рецептов середины XIX века “Ручная книга русской опытной хозяйки” (1842) был составлен литератором Е.А. Авдеевой (любопытно, что именно она впервые опубликовала записи сказок для малышей “Колобок”, “Кот, лиса и петух” и др., сделав их частью национального культурного кода). Автор книги “Подарок молодым хозяйкам или средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве” Е.И.Молоховец сама вела большой дом с десятью детьми. И.М. Битон — автор самой популярной в викторианской Англии кулинарной книги “Mrs Beeton’s Book of House hold Management” (1861) была матерью семейства и женой издателя популярных журналов.

Эта картинка должна была демонстрировать читателям книги по прикладному искусству безвкусную, «мещанскую» обстановку. Худ. Ю. Киселев и Б. Кыштымов. 1967

От голода погибло, по подсчетам, 1,5 млн человек, особенно силен он был на Украине и в Молдавии, где отмечались даже случаи каннибализма. Неплохой урожай 1947 года, проведенная денежная реформа, централизованный пересмотр цен на многие товары позволили отменить в декабре 1947 года карточки, введенные в начале войны. Прямое распределение перестало, постепенно, быть основой потребления. Такой основой стала государственная открытая торговля, дополненная свободным “колхозным” рынком. Прямое распределение сохранилось в социальной сфере (предоставление жилья и других благ из общественных фондов потребления).

Процесс насыщения рынка товарами, установления баланса между товарной массой и платежеспособным спросом шел медленно, порой откатываясь назад. Многие из старшего поколения помнят хлебный кризис 1962 года, когда даже в Москве муку выдавали “по подъездам”, за макаронами выстраивались очереди на несколько часов. Кульминацией стали широко известные ныне “события в Новочеркасске” (1962), унесшие жизни 33 человек. Но если в послевоенном 1946 году решили, что население потерпит, то в 1962 власть предпочла не искушать судьбу, а начала крупномасштабные закупки зерна за рубежом. Одновременно с конца 1950-х — начала 60-х годов внешнеторговые организации стали в больших масштабах импортировать из “стран народной демократии” промышленные товары широкого потребления, прежде всего одежду и обувь. “Импорт” нужно было “ловить” или “доставать”, но все же потребление стало более разнообразным, появился некоторый потребительский выбор. Отечественные производители также стали с конца 1950-х предлагать для открытой торговли экзоти-

ческие ранее товары: бытовую технику, сборные дачные домики и даже автомобили (по предварительной записи). На этом фоне слова Программы КПСС про “материальные и культурные блага по растущим потребностям” не выглядели совсем уж несуразными.

Итак, в конце1950-х годов потребление получает в глазах власти и общества своего рода алиби: “разумные” потребительские практики, не покушающиеся на идеологию, приветствуются, слова “культура потребления” становятся не только легитимными, но и модными. Именно об этом — новом стандарте потребления и новом потребителе на фоне эпохи — снят популярный фильм Э.Рязанова “Дайте жалобную книгу” (1965). Но легитимация потребления не проходила беспроблемно, слишком сильна была разница с теми ценностями, что декларировались ранее. О конфликте потребительского императива и традиционных для советского человека представлений, рассказывает пьеса В.Розова “В поисках радости” (1958), в которой отрицательная героиня была, в сущности, виновата лишь в том, что в ожидании новой квартиры стояла в очередях за дефицитной мебелью. Именно на шкаф из гарнитура, как на идеологического врага, бросился с красноармейской шашкой юный герой Олега Табакова.

В потребительской революции рубежа 1950-х и 1960-х годов был один аспект, на который не так часто обращают внимание: доминирующий стиль создаваемой в этот период вещной среды. Именно он кажется нам не только интересным, но и важным для понимания человека того времени.

Сначала о стиле. Словом “stylos” древние греки называли деревянную, костяную или металлическую палочку, заостренную на конце и предназначенную для процарапывания букв на восковой дощечке. От ее характеристик (материала, остроты и т.д.) зависели общие особенности надписи или рисунка (толщина линий, возможность изображения сложных фигур и т.д.). Сфера употребления термина “стиль” чрезвычайно широка. В общем плане “стиль” — это единство выразительных средств, образов, принципов, приемов, характерных для данного произведения, автора, страны, эпохи, области деятельности. Термин “стиль” используют применительно к тексту, изображению, театральной постановке, музыкальному произведению, одежде, поведению, системе взаимоотношений и т.д. Итак, стиль — что-то “особенное и специфическое в способе изложения, языке и композиции отдельного произведения, творчества писателя, литературной группы или направления или же в поведении, образе жизни и способе самовыражения человека, социальной группы, социального слоя или даже целого народа” [3].

Господствующим архитектурным, дизайнерским[3] стилем в первой половине 1950-х годов был, безусловно, “сталинский ампир”. Имперская величественность, монументальность, пусть и в ущерб комфорту, основательность в материалах и от-

[3] Согласно исследованиям Э.М. Глитерник, термин “дизайн” в России впервые встречается в конце XVIII века. В советский период он стал использоваться в начале1960-х годов, да и то крайне осторожно, предпочитали словосочетание “техническая эстетика”.

делке ... Стиль визуально заявлял господствующий эйдос[4] — жизнь советского человека должна стать изобильной, незыблемой, достойной зависти всех иных народов и государств, имперской в возвышенном смысле этого слова[5].

Впрочем, в послевоенный период стиль несколько "размяк", недаром парадную архитектуру первой половины 1950-х годов иногда называют "тортовой" из-за обилия украшательства, немыслимого в архитектуре и интерьере 1930-х годов. Но эти здания-торты вполне сочетались с внутренней начинкой, отвергаемой в довоенный период как очевидное мещанство: шелковые абажуры с кистями, бархатные скатерти, фарфоровые фигурки, тяжеловесная мебель, пианино с замысловатой резьбой. Интерьер квартир "сталинского" дома походил более всего на интерьер викторианской Англии. Впрочем, эта тема — поздний сталинский период как советское викторианство, — еще ждет своего исследователя. Здесь же скажем только, что легитимация интенции на обустройство частного быта, на "излишества" явно свидетельствовала о существовании в тот период значимых (и социально признаваемых) общественных настроений, отражающих желание людей выйти за пределы норм простого выживания, характерным для военного и послевоенного времени. В США такие настроения привели, в конечном счете, к формированию "общества потребления", в СССР — к серии решений власти по "все более полному удовлетворению населения материальными и культурными благами"[6].

Решения эти касались самых разнообразных сторон повседневного быта. Так, в 1954 году появились первые магазины самообслуживания ("магазины без продавца", позже "магазины-автоматы"). В середине 1950-х начала развиваться практически с нуля сеть городских столовых, кафе, кафетериев, закусочных (ранее в городах функционировали, в основном, рестораны, а столовые были ведомственными, зайти с улицы в них было нельзя) . В 1955 году вышло знаковое постановление ЦК КПСС и СМ СССР "Об устранении излишеств в проектировании и строительстве", положившее начало замене индивидуального проектирования жилых зданий типовым. Это не улучшило облик городов (именно это постановление дало старт массовой пятиэтажной застройке), но позволило хоть как-то решать проблему жилья. Всю вторую половину 1950-х годов активно проводились различные всесоюзные и республиканские отраслевые совещания: производителей мебели, модельеров одежды, работников питания и т.д. и т.п.

Ситуация с "обеспечением благами" улучшалась, но медленно. А главное — уровень жизни людей оставался низким. Один из основных показателей, характеризующих этот уровень — доля затрат на продукты питания в потребительском бюджете. Так вот: в 1959 году в СССР эта доля составляла 60%[1]. И это при том, что цены на продтовары старались поддерживать на низком уровне, справедливо считая это залогом

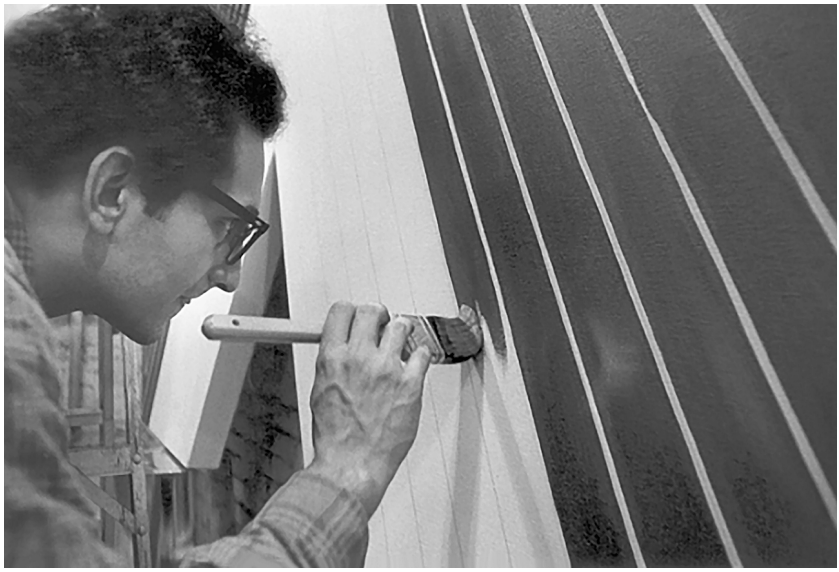
[4] Эйдос — трансцендентная умопостигаемая форма, существующая отдельно от единичных вещей в качестве их определяющего начала.
[5] Подробно "сталинский ампир" и соответствующий ему эйдос рассмотрены в: [9].
[6] Один из документов звучал, например, так: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР "О дальнейшем развитии и улучшении общественного питания" (1959). Другой — "О мерах по улучшению эксплуатации и сохранению жилого фонда" (1959).

социальной стабильности. Еще 20% семейного бюджета тратилось на одежду и обувь, 12% — на предметы длительного пользования. Для сравнения: современные нормы расходов на питание в экономически развитых странах — 20–25% бюджета, в самых процветающих (Северная Европа, Люксембург, Швейцария) — около 10%. Российские семьи тратят сегодня на питание примерно 38% бюджета[11].

Итак, потребности удовлетворялись "все более полно", но уровень удовлетворения был невысоким. Но тут на помощь советским и партийным органам пришло изменение доминирующего "стиля эпохи": им стал минимализм. Это стилевое направление провозглашало в качестве императива: "избавление от всего ненужного в целях сосредоточения на важном"[5]. На практике это выглядело как использование самых лаконичных приемов выразительности, простых композиций, элементарных геометрических форм, избавление от нарочитого украшательства, усложнений, вплоть до аскетизма. Охватывало оно многие сферы жизнедеятельности: архитектуру, литературу, моду, музыку, живопись и т.д. Демонстрация сути предмета, снятие с него вторичного образа, иначе говоря, упрощение — вот принцип подхода не только к дизайну, но и ко всем жизненным проявлениям в рамках стиля "минимализм". Итак, наиболее полное удовлетворение потребностей с помощью минимальных средств и лаконичных форм стало не только призывом, обусловленным скудостью ресурсов, но и модным трендом.

Термин "минимализм" был впервые использован английским философом Ричардом Уолхеймом в середине 1960-х [12], который понимал под ним стремление художника произвести впечатление на зрителя минимумом средств, строгостью и простотой. Но оформился стиль раньше — в самом конце 1950-х. Первым классиком минимализма считается американец Фрэнк Стелла, который в 1959–60 годах представил серию живописных работ "Черные картины" (упорядоченные прямые линии, разделенные узкими белыми просветами). У минимализма много отцов: конструктивизм, стиль Баухауз, абстракционизм, поп-арт. Его философские основания находили в дзен-буддизме, весьма популярном среди американских интеллектуалов и деятелей искусства в конце 1950-х годов. Именно восточные философские и эзотерические учения предоставили мятущемуся западному уму возможность найти равновесие с миром за счет концентрации на внутреннем содержании, абстрагирования от окружающего, умеренного аскетизма, снижения градуса эмоциональности по отношению к себе и другим, формализации социальных связей и действий.

При анализе этого стилевого направления у специалистов постоянно возникает следующий мотив: минимализм явился ответом на усложнение социальной жизни и вещной среды в начале 1960-х годов, а также на начало информационной эпохи, связанной с увеличением объема и скорости информа-



Американский художник Фрэнк Стелла (р. 1936) — один из отцов минимализма. Фотография начала 1960-х

ционного потока, обрушивающегося на человека ежедневно и ежечасно. Редукция многомерной и быстро меняющейся реальности к простой форме, символу, метафоре, понятной ассоциации помогала сознанию справиться с неопределенностью, хаотичностью среды.

Еще один важнейший фактор, объясняющий популярность минималистических тенденций в разных областях социальной практики, — экономика. Послевоенный экономический рост в США дал первую серьезную трещину в конце 1957 года: наступила так называемая "рецессия Эйзенхауэра". Этот экономический термин (от лат. recessus — отступление) обозначает относительно умеренный спад производства или замедление темпов роста. Но эта "умеренность" для некоторых отраслей стала критически значимой, а для отдельных фирм и проектов — экономической катастрофой. В частности, в США сильно сократились продажи новых автомобилей (за 1958 год на треть), в особенности упали продажи американского "автомобильного барокко": огромных эффектных автомобилей с "плавниками", которые по сей день можно встретить на улицах Гаваны.Они были не только дороги сами по себе, но и требовали значительных затрат на топливо и эксплуатацию; на таком "аэроплане"не на каждой улице можно было развернуться, все труднее становилось найти парковку. Именно к 1958 году относится маркетинговая неудача всех времен и народов — провал новой модели фирмы Форд под названием "Эдсел". Будучи ничем не хуже своих конкурентов, новинка не отвечала, по мнению публики, духу времени: автомобиль был большим, неэкономичным, с неактуальным дизайном [8]. И наоборот, в 1959 году начался бурный рост продаж на американском рынке импортной модели "Фольксваген Жук". Его

продажи начались в США еще в 1949 году, но символом своего времени этот автомобиль стал только через десять лет. Немалую роль в успехе сыграл американский рекламист Билл Бернбах, который построил всю рекламную кампанию именно на том, что этот автомобиль маленький и, соответственно, легче припарковаться, дешевле страховка, требуется меньше масла и бензина. В историю мировой рекламы вошел слоган этой кампании: “Think Small”, что можно перевести как “Думай о малом”, “Думай скромнее”, “Немного подумай”...Если с 1949 по 1958 год в США было продано 120 тыс. “Жуков”, то за 1959 год — 500 тыс. В глазах покупателей и вещь, и реклама соответствовали “духу времени” [9].

“Духу времени” отвечали и вошедшие в этот период в моду мини-юбки. Молодой лондонский модельер Мэри Куант (Mary Quant) увидела их на девушках, развлекающихся в лондонском Сохо, в конце1950-х. Вскоре она вывесила их у себя в скромном магазинчике, дав родовое название мини. Воспринятые как символ свободы, независимости, эпатажа, юбки пошли “на ура”. В 1962 году Куант впервые представила коллекцию на престижном показе, а в 1966 году королева Елизавета вручила одетому в мини-юбку модельеру орден Британской империи за развитие экспорта и легкой промышленности. Впрочем, родительские права на мини-юбки оспаривают еще два или три модельера, что доказывает, насколько эта модная новация полностью соответствовала “духу времени” [10].

В СССР вещная среда и информационные потоки на рубеже 1950-х — 1960-х годов еще не слишком “давили” на человека. Но социально значимым было другое — ожидание перемен, новизны, “осовременивания” социального и частного бытия и быта. Минимализм как внешняя форма реализации этих устремлений, по крайней мере на уровне быта, подходил как нельзя лучше. Промышленность (не без давления сверху) откликнулась на призыв “нужны новые формы”, и довольно быстро из мебельных магазинов исчезли фундаментальные обеденные столы и появились журнальные столики на трех ножках.

Внедрение новых эстетических канонов стало рассматриваться как дело государственной важности. Стали издаваться книги о том, что такое хороший вкус[7] [8]. При этом прямо говорилось, что удовлетворить потребности большого количества людей на основе прежних подходов невозможно, нужны “новые формы” и другие технологии. Вот цитата из книги того времени: “Отсюда простота вещей, отказ от дорогостоящих украшений, излишних деталей. Чтобы все могли покупать красивые вещи, они должны быть дешевы, а для этого процесс их производства не должен быть слишком сложным. Прежде предметы декоративно-прикладного искусства создавались вручную. Ручной труд очень дорог... Чтобы сделать вещи быстрее и дешевле, потребовались машины и такие образцы, которые хорошо сохраняли бы свои художественные качества при

[7] Одной из самых популярных была книга О.Б. Русановой “Раздумья о красоте и вкусе”, изданная тиражом 115 тыс. экземпляров [8].

Образцовый интерьер советской квартиры. Середина 1960-х

их воспроизведении. Вот и отпал сложный рисунок, вычурность форм, излишество деталей..." [10]. Массовый человек требовал эстетизации своей вещной среды, массовое производство диктовало свои законы дизайнеру. Минимализм — та точка, в которой требования эстетики и производства сошлись.

Минимализм можно назвать "большим стилем" этого периода. Ведь принцип — добиться результата минимальными средствами проходил через разные виды искусства и социальные практики: архитектуру, живопись, кино, литературу... Все было взаимосвязано, особенно на уровне эстетизации повседневности: отдельные квартиры в тех условиях не могли быть большими, значит, мебель должна была быть "легкой", трансформирующейся (диван-кровать), тарелки предпочтительны небольшие (куда их ставить на маленьком кухонном столе) и т.д.

Логично, что в конце 1950-х — начале 1960-х годов стали возрождаться идеи художественного конструирования среды, не востребованные со времен советского конструктивизма 1920-х годов. В 1962 году было принято Постановление Совета Министров СССР "Об улучшении качества продуктов машиностроения и товаров культурно-бытового назначения путем внедрения методов художественного конструирования", давшее "права гражданства" дизайну (под названием "техническая эстетика"). Был создан ВНИИ технической эстетики с десятью филиалами в союзных республиках, многочисленные отраслевые художественно-конструкторские бюро. Стали уделять внимание упаковке товаров, ярлыкам, фирменным бланкам, торговым вкладышам, рекламным календарям. Особое постановление в 1962 года было принято о товарных знаках, что объяснялось, прежде всего, необходимостью юридического обес-

печения внешнеторговых операций. Лаконичные торговые знаки внесли свой вклад в распространение визуального минимализма в самой широкой покупательской аудитории. С 1964 года стал издаваться специальный журнал «Техническая эстетика».

Минималистические вещи, изображения интуитивно воспринимались в СССР как признак свободы. Одними — как свободы ментальной, свободы самовыражения, другими — как возможности разрыва с тем самым "советским викторианством", о котором мы упоминали, третьими — как социально одобренным поводом для обновления мебели и гардероба. Но под "журнальный столик" подводилась и официальная идеологическая база. Приведем цитату из старой книги о прикладном и оформительском искусстве, предназначенной для детей (!): "Много новых красивых вещей приходит в дома и на улицы. Приходят, и вытесняют дорогие, не всегда хорошего вкуса предметы, а вместе с ними и культ вещи, когда человек был рабом приобретенных им вещей и не они служили ему, а он подчинялся и приспосабливался к ним. Рабская привязанность к вещам — один из пороков мещанства. Значит, проникновение искусства в быт не только способствует формированию высоких художественных вкусов, но наносит удар мещанской морали, обывательскому отношению к жизни" [там же, с. 65]. Обывателем не хотел быть никто, поэтому дома наполнялись "легкой" мебелью из ДСП и машинного производства керамикой с абстрактным рисунком [11].

Первой системной и масштабной акцией, легитимизировавшей в СССР новую эстетику, кардинально отличную от неоакадемизма, стал VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве (1957). Государственный заказ на оформление праздника превратился в условиях "оттепели" в катализатор новой образности, новой системы символов, нового формотворчества, нового представления о коммуникативных возможностях визуальных материалов. Если же брать более широко — именно фестиваль дал массе населения представление не только о новой визуальной среде, но и о новом стиле жизни.

Оформительское искусство первой половины 1950-х целиком повторяло принципы "сталинского ампира". Оно было тяжеловесным, скупым по цветовой гамме, обязательной была "реалистичность" изображений [12]. Фестивальное оформление стало принципиально иным: легким, ярким, веселым, метафоричным[8] [13]. Эмблемой фестиваля стала разноцветная ромашка, слишком формалистичная для прежних времен. Ее автор — московский художник Константин Михайлович Кузгинов стал победителем Всесоюзного конкурса на создание эмблемы фестиваля, в котором мог принять участие любой желающий. Всего было представлено порядка 300 эскизов. Но работа Кузгинова — цветок с пятью лепестками (по числу континентов) и сердцевиной — земным шаром — лучше всего пере-

[8] В основном такие визуальные решения были намеренными, но порой бывало случайное стечение обстоятельств. Так, идея провезти гостей фестиваля через всю Москву на открытых грузовиках появилась после того, как стало ясно, что нужного количества автобусов изготовить не удастся. Но не везти же делегации на машинах защитного цвета. Было принято гениальное решение — раскрасить грузовики в яркие праздничные цвета.

давала смысл мероприятия, а с эстетической точки зрения была остро современной. Символом фестиваля стал и силуэт “голубя мира”, нарисованная П. Пикассо в 1949 году эмблема I Всемирного конгресса сторонников мира. Белую вырезку “голубка” наклеили в дни фестиваля, наверное, на каждое московское окно. Кстати, “ромашка” может служить примером того, насколько творческие люди сумели уловить “дух времени” [14, 15]. Ведь Константин Михайлович был уже отнюдь не молод (он родился в 1913 году) и писал ранее добротные (но не более) плакаты в эстетике неоакадемизма. Но новая ситуация буквально диктовала художнику новые изобразительные решения, созвучные общему курсу на устранение “украшательства”. На смену подражанию реальности пришла изобразительная метафора, заявленная минималистическими изобразительными средствами. Особенно это было заметно в различных видах графики, в том числе в рекламной.

Реклама на улицах Москвы. 1965

Реклама тесно связана с “удовлетворением потребностей”, поэтому на особенностях советской рекламы рассматриваемого периода мы остановимся более подробно. Но сначала напомним, что метафора — особая система построения образа (вербального, визуального), которая рассчитана на небуквальное восприятие. Само слово происходит от греческого корня, означающего “перенесение”. В основе метафоры — символический ряд, перенос значений.Понимание метафоры требует умственного усилия и образованности от зрителя, читателя, слушателя. Метафоры бывают двух типов. В первом из них неназванный или непоказанный предмет может быть достаточно легко выявлен [16]. “Улыбкой ясною природа сквозь сон встречает утро года” — всем понятно, что речь идет о весне, хотя это слово не употреблено. Метафоры второго типа допускают неоднозначное толкование. Трудно, а то и невозможно уверенно сказать, каково конкретное значение пушкинского “угль, пылающий огнем, во грудь отверстую водвинул” [17].

В советской рекламе 1960-х годов чаще использовались метафоры первого рода, как коммерческое сообщение для целе-

вой аудитории. Это естественно, поскольку реклама — не художественный ребус. Встречались, особенно у прибалтийских дизайнеров, и произведения с изобразительными метафорами второго типа. Во всех случаях приветствоваться стали интеллектуализм, декоративность, острая выразительность рекламных материалов. Особенно удачно использовались изобразительные метафоры при разработке товарных знаков, чему в 1960-егоды уделялось большое внимание.

Художники прикладной графики стали пытаться находить контакт с аудиторией по двум линиям — эмоциональной и интеллектуальной, "иллюстративный" подход стал уходить в прошлое. Если в первой половине 1950-х реклама более напоминала добросовестно сделанные реалистические картины или композиции "цветы и фрукты", то в начале 1960-х на рекламных плакатах появились "легкие" герои, чем-то похожие на всем знакомого Шурика в исполнении Александра Демьяненко. Но новая эстетика принесла и некоторые издержки. По рекламным плакатам 1930-х — 1950-х годов, сделанных, по большей части, как реалистическая иллюстрация, вообще можно изучать прически, одежду и даже типичное выражение лица людей того времени. Плакаты 1960-х не столь любопытны с этой точки зрения, вместо "портрета потребителя" появляется "схема потребителя". Все чаще образ потребителя вообще исчезает, оставляя на рекламном плакате только метафору. Это совершенно другой принцип построения рекламного обращения, требующий для своего восприятия культуры декодирования смыслов, или, по крайней мере, привычки к восприятию таких текстов.

Впрочем, в отличие от художников-живописцев, скульпторов, прямых обвинений в формализме, в пренебрежении к "простому человеку" в адрес рекламных художников не выдвигались. Причина, думается, в том, что общий объем рекламных материалов в стране был незначителен. Реклама всегда обслуживает потребительский выбор, а выбор у советского потребителя, несмотря на многочисленные постановления, был ограниченным, если не сказать минимальным. По многим же группам товаров, включая товары первой необходимости, был дефицит. Но тем более интересно посмотреть, что же рекламировалось на советском рынке в эти годы?

Прежде всего, это были новые, непривычные для потребителя товары: консервированная кукуруза, рыбные полуфабрикаты (в ролике снимался "веселый повар" Олег Попов), неизвестные сорта океанической рыбы, бульонные кубики, "гардинно-сетчатое полотно" (тюль), плавленый сырок, соусы в баночках. Миксер, капроновые чулки, туристические путевки — все эти вещи были объектами рекламных сообщений в конце 1950-х и в 1960-е годы. Рекламировались товары, по которым спрос был меньше предложения: "Пейте томатный сок!", "Повидло и джем полезны всем!", "Полезные и вкусные

хлопья кукурузные!", "Селедка — хорошая закуска". Недефицитными были и некоторые виды услуг, особенно услуги сберегательных касс, страхования, Союзпечати. Также рекламировались товары востребованные, но дорогие, раскупавшиеся медленно: часы, стиральные машины, пылесосы и полотеры, ювелирные изделия. Рекламировались новые формы торговли: посылторг, елочные и школьные базары. Нельзя не упомянуть зрелищную афишу того периода (кино, спектакли) — там были выдающиеся произведения графического искусства. Наконец, самые интересные образцы рекламы были созданы в тот период для внешнеторговых организаций. Реклама Аэрофлота, Внешпосылторга, Союзпушнины, советских выставок за рубежом и сегодня смотрится как прекрасное воплощение принципа стиля "минимализм" — оказать сильное влияние на аудиторию за счет минимальных средств.

Не сразу и не все, но рекламируемые товары в 1960-е появлялись в наших домах. И стиральные машины, и холодильники, и телевизоры. Окна наряжались в "гардинно-сетчатое полотно", на полы стелились вожделенные "паласы". Каждой покупке люди бурно радовались. Позже покупок стало больше, но радость постепенно куда-то уходила. В 1980-м стало понятно, что удовлетворить людей "по потребностям" у партии и государства не получается и, судя по всему, не получится. Далее события пошли так, как пошли.

Литература

1. *Анчишкин И.А.* Экономические условия роста благосостояния советского народа. М.: Наука, 1977. С. 73.

2. *Ильиных С.А.* Ключевые понятия общества потребления: исследование с позиции социологии// Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XIV. №5 (58). 2011. С. 30.

3. *Ионин Л.Г.* Социология культуры. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004.С. 215.

4. *Корнаи Я.* Дефицит. М.: Наука, 1990.

5. *Мильберн Д.Ф., Никодемус Р.* Минимализм. Важнейшее эссе. М.: Астрель, 2011.

6. *Ленин В.И.* Речь на I съезде земледельческих коммун. 1919 г. М.: Политиздат. ПСС. Т. 39. С. 380.

7. Программа КПСС. М.: Политиздат, 1968. С. 63, 93.

8. *Русанова О.Б.* Раздумья о красоте и вкусе. М.: Знание, 1962.

9. *Савельева О.О.* Светлое будущее как реальность или "Большой стиль" в рекламе // Человек . 2009. № 6.

10. *Эренгросс Б.* Искусство вокруг нас. М.: Детская литература, 1968. С. 68.

11. *Ярашева А.В.*Динамика изменений в уровне потребительских расходов домашних хозяйств на продукты питания. URL: http://www.isesp-ras.ru/vox-peritus/3/; Новости глобальной экономики. Февраль, 2016. URL: http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/analytics/2016/NGE_22-28fev.pdf

12. *Wollheim R.* Minimal Art // Arts Magazine, N.Y. 1965. Jan.

РУССКИЙ ПУТЬ. “ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ВОПРОС” В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ (1820–1850-е годы)

© 2017

Н.О. Шашкова

Шашкова Наталья Олеговна — старший научный сотрудник-хранитель, ГБУК “Государственный музей А.С. Пушкина”. В журнале “Человек” публикуется впервые. E-mail: shashkova-no@mail.ru

Он писал теперь новую главу о причинах невыгодного положения земледелия в России. Он доказывал, что бедность России происходит не только от неправильного распределения поземельной собственности и ложного направления, но что этому содействовали в последнее время ненормально привитая России внешняя цивилизация, в особенности пути сообщения, железные дороги, повлекшие за собою централизацию в городах, развитие роскоши и вследствие того, в ущерб земледелию, развитие фабричной промышленности, кредита и его спутника; биржевой игры. Ему казалось, что при нормальном развитии богатства в государстве все эти явления наступают, только когда на земледелие положен уже значительный труд, когда оно стало в правильные, по крайней мере, в определенные условия; что богатство страны должно расти равномерно и в особенности так, чтобы другие отрасли богатства не опережали земледелия; что сообразно с известным состоянием земледелия должны быть соответствующие ему и пути сообщения, и что при нашем неправильном пользовании землей железные дороги, вызванные не экономическою, но политическою необходимостью, были преждевременны и, вместо содействия земледелию, которого ожидали от них, опередив земледелие и вызвав развитие промышленности и кредита, остановили его, и что потому, так же как одностороннее и преждевременное развитие органа в животном помешало бы его общему развитию, так для общего развития богатства в России кредит, пути сообщения, усиление фабричной деятельности, несомненно необходимые в Европе, где они своевременны, у нас только сделали вред, отстранив главный очередной вопрос устройства земледелия.

Л.Н. Толстой. Анна Каренина

Ни одна новация эпохи модерна не являлась в XIX веке столь зримым воплощением прогресса и его общественной пользы как железная дорога. Несущийся с немыслимой по тем време-

нам скоростью паровоз, к которому прицеплены вагоны с пассажирами, олицетворяли перспективу достижения новой благополучной жизни, условием которой призвано стать широчайшее распространение машин и механизмов, многократно умножающих силы и могущество человека. По давно сложившейся традиции Россия в каждом крупномасштабном многообещающем проекте искала свой путь, о дискуссиях вокруг которого и пойдет речь.

История становления и развития железнодорожного транспорта России в настоящее время активно изучается, вызывает большой интерес исследователей и отклик специалистов-железнодорожников. Значительное число новых научных работ посвящено периоду, когда велось активное строительство железных дорог — с 1860-х годов и далее. Хорошо описано сооружение первых российских линий общего пользования — Царскосельской (1836–1837) и Санкт-Петербург-Московской (впоследствии Николаевской, 1842–1851). В то же время, значительный пласт истории рельсового транспорта остается за пределами внимания современных ученых, а именно: длительная и напряженная профессиональная и общественная дискуссия о возможности и необходимости внедрения железных дорог в нашей стране, которая длилась несколько десятилетий: с 1820-х годов и до начала эксплуатации первой отечественной магистрали между двумя столицами в 1850-х годах. Едва ли не единственной работой, посвященной этому этапу железнодорожной истории, до настоящего времени остается исследование В.С. Виргинского “Возникновение железных дорог в России” (1949). Этот труд имеет настолько выраженную прокоммунистическую идеологическую основу, что в отдельных случаях допускает даже искажение фактов, но значение его и актуальность определяются широчайшим кругом выявленных автором источников по теме.

Необходимо подчеркнуть, что внедрение железных дорог не было узкоспециальной проблемой: в диалог были включены как инженеры ведомства путей сообщения, так и представители практически всех образованных слоев общества — от императора до творческих деятелей, весьма далеких, казалось бы, от проблем техники и экономики. Именно на этом этапе были поставлены многие вопросы, ответы на которые определяли железнодорожную политику России от эпохи Николая I до наших дней.

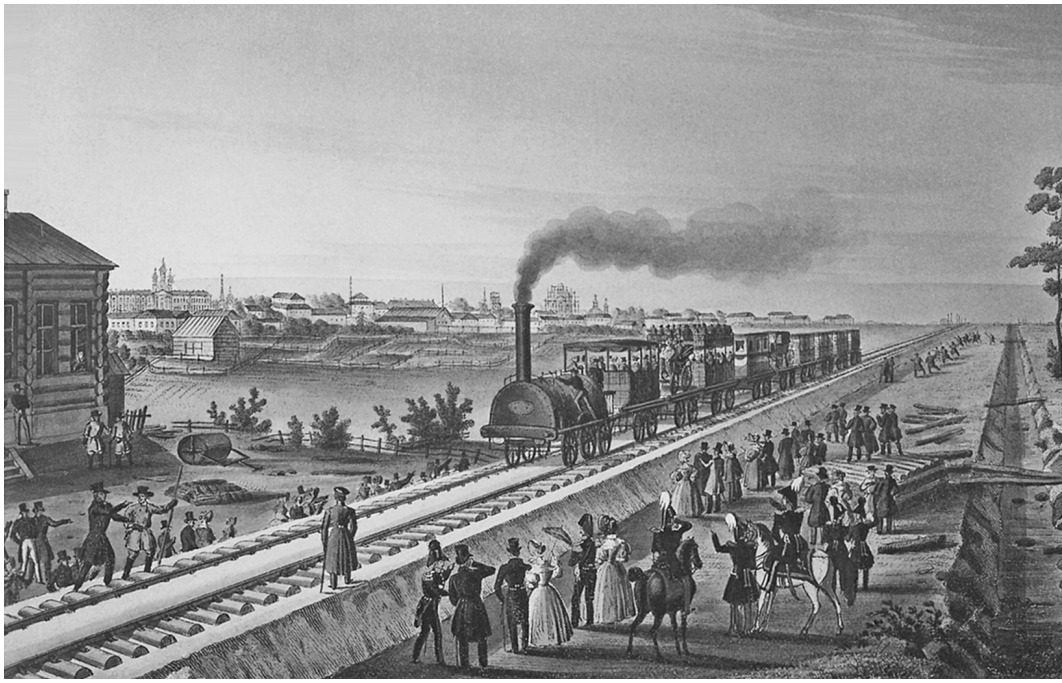
Также важно помнить, что, в отличие от второй половины XIX века, когда развитие сети рельсовых путей по-прежнему оставалось в центре общественного внимания, но сосредоточено оно было, в первую очередь, на экономических и эксплуатационных проблемах, в первой половине столетия данная тема имела множество дополнительных аспектов. Железные дороги являются одним из важнейших достижений цивилизации, без преувеличения, революционного значения. Впервые в ис-

тории человечества было достигнуто увеличение скорости передвижения и передачи информации в несколько раз (линии телеграфа, кстати, активно развивались именно вдоль рельсовых путей, и телеграфная служба работала в тесной взаимосвязи с железнодорожной). Фактически, внедрение железных дорог можно считать первым шагом к всемирной глобализации. Устройство железных дорог не только требовало максимального напряжения инженерно-технических и экономических усилий, причем в масштабах государства, но было сопряжено в глазах современников с радикальными переменами практически во всех сферах жизни общества: в государственном управлении и военном деле, в промышленности, торговле и на рынке рабочей силы, в распространении образования и культуры, в бытовом укладе и взаимодействии человека с окружающей средой. Именно поэтому мы можем утверждать, что в России первой половины XIX века "железнодорожная дискуссия" была значимой частью общественной жизни, и в силу этого представляет интерес не только для специалистов по истории транспорта, но и для широкого круга ученых, занимающихся социальными науками. Можно отметить, что эта живейшая общественная — и, между прочим, вполне демократическая — дискуссия является ярким историческим примером подлинно инновационного подхода. Сегодня инновационное развитие страны страдает от недопонимания важности подобного рода дискуссий. Результатом такого недопонимания часто оказывается либо глухое, но упорное сопротивление общества научно-технологическим новшествам, либо принятие таких инновационных решений, негативные последствия которых перевешивают ожидаемый полезный эффект.

Как мы увидим, проектирование и создание в России первых железных дорог, в свою очередь, оказало глубокое воздействие на самые разные сферы жизни общества, например, стимулировало появление новых форм экономической и финансовой активности.

Сложная картина обсуждения "железнодорожного вопроса" формируется на основе анализа множества разнородных источников, среди которых наряду с научными трудами и выступлениями в печати, как специальной, так и массовой, важное место занимают различные предложения об устройстве отдельных железных дорог, записки и мнения по "железнодорожному вопросу" предпринимателей и общественных деятелей, поданные на имя императора и правительства, официальные документы, фиксирующие обсуждение этих предложений соответствующими государственными органами, а также многочисленные частные суждения встречающиеся в переписке, воспоминаниях и публикациях, не связанных напрямую с железными дорогами.

История железнодорожного транспорта начинается на горно-металлургических предприятиях, где с XVII века применя-



Открытие первой железной дороги между Павловском и Царским Селом. Литография. 1837

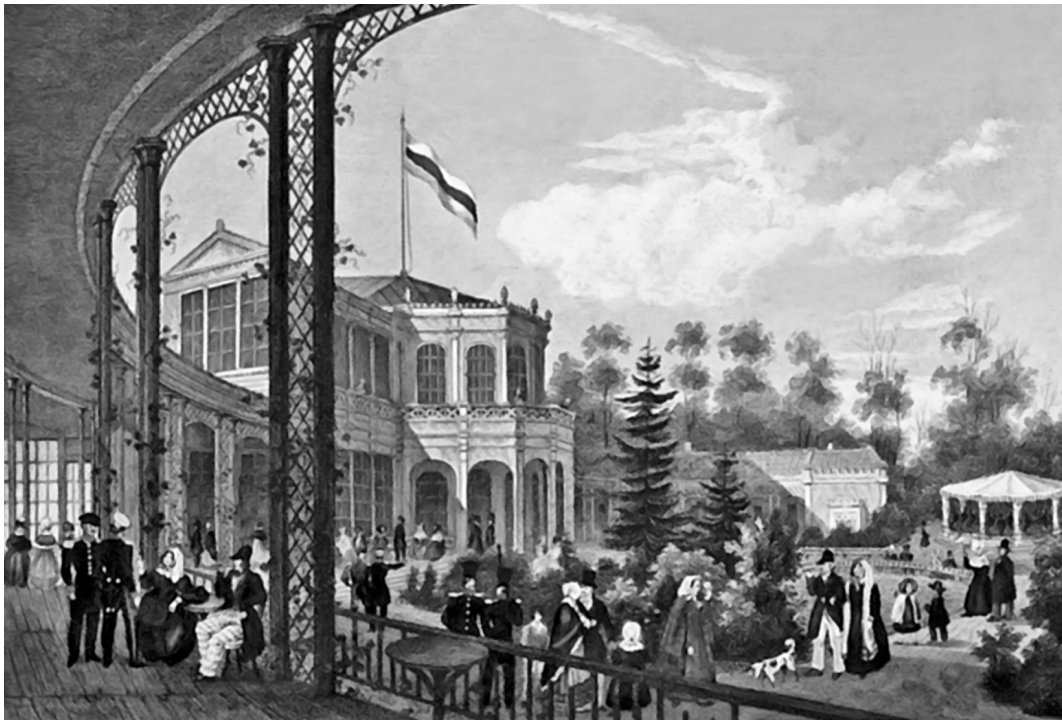
лись рельсовые дороги с повозками, приводимыми в движение вручную или лошадьми. Еще столетием позже в Англии появились дороги общего пользования с чугунными рельсами и конной тягой, одной из которых посвящена первая отечественная публикация о рельсовом транспорте 1805 году: “Описание чугунной дороги, учрежденной в графстве Суррей в Англии, для удобнейшего и легчайшего перевоза разных грузов и тяжестей лошадьми” инженера Л.С. Вакселя. В ней был описан опыт применения рельсовой дороги и сделаны выводы об относительной ее выгодности по сравнению с водными путями сообщения “в некоторых случаях”. В первой четверти XIX столетия вышло несколько статей о наиболее значительной российской заводской дороге. В 1806–1809 годах по проекту П.К. Фролова был построен рельсовый путь на Колывано-Воскресенских заводах протяженностью 1867 м со множеством искусственных сооружений, включая мост через реку Корбалиху длиной 292 м на 20 каменных опорах высотой до 11 м [7, с. 25]. Опыт П.К. Фролова был изложен в “Сибирском вестнике” за 1819 год и в № 7 “Азиатского вестника” за 1826 год, в “Отечественных записках” за 1821 год опубликовано описание построенной им дороги без упоминания имени создателя [2, с. 43]. Перечисленные публикации, безусловно, интересные с точки зрения истории техники, не имели большого резонанса даже в профессиональных кругах.

Широкое общественное звучание “железнодорожный вопрос” приобрел после открытия в 1825 года в Англии первой

линии общего пользования Стоктон-Дарлингтон с паровой тягой. В ответ на это событие в 1826 году появлялись статьи в “Московском телеграфе” и “Журнале мануфактур и торговли” с изложением зарубежных работ о железных дорогах. В этих публикациях новый вид транспорта рассматривался как прогрессивный и впервые ставился вопрос о строительстве в России железных дорог общего пользования по английскому образцу.

Одним из первых в России обратил внимание на перспективы развития рельсовых путей видный государственный деятель, экономист, председатель Вольного экономического общества Н.С. Мордвинов. На протяжении 1820–1830-х годов он несколько раз подавал правительству свои “мнения” по развитию путей сообщения. Сторонник либеральных взглядов на государственное управление (правда, при сохранении крепостного права!) и учения Адама Смита, Н.С. Мордвинов видел в сооружении железных дорог одно из основных условий экономического процветания России. Писал он также об их военно-стратегическом значении. Н.С. Мордвинов не предлагал четкого плана развития сети рельсовых дорог, но косвенно в его записках упоминается о необходимости проложить линии между Петербургом и Екатеринбургом, Одессой, Астраханью, а также на Кавказе. Согласно первоначальным воззрениям Н.С. Мордвинова, сооружение и эксплуатация железных дорог должны были осуществляться силами частных акционерных обществ. Со временем эта позиция была им пересмотрена и в записках, относящихся к 1840 году, предлагается строить железные дороги на средства казны за счет сокращения военных расходов: экономии можно достичь, уменьшив личный состав армии, а компенсировать это сокращение должна скорость перемещения войск новым видом транспорта. Суждения его о железнодорожном транспорте точны и достоверны не только в экономических расчетах, но и в технических деталях. Хотя предложениям Н.С. Мордвинова и не было дано хода, они имели определенное влияние на формирование общественного мнения, так как “...подаваемые им по различным делам в государственный совет, в десятках и сотнях копий расходились по рукам в Петербурге и даже в провинции...” [11, с. 840].

В 1830 году профессор Петербургского университета, секретарь Вольного экономического общества Н.П. Щеглов в издаваемом им журнале “Северный муравей” опубликовал статью “О железных дорогах и преимуществах их над обыкновенными дорогами и каналами”. В этой работе автор предпринял попытку сопоставить, с привлечением статистических данных, железнодорожный транспорт и традиционные пути сообщения с точки зрения их экономической эффективности. Опирался он как на зарубежные источники, так и на опыт строительства и эксплуатации заводской конно-железной до-



К. Шульц по оригиналу И. Мейера. Вокзал в Павловске. Литография. 1845

роги П.К. Фролова. Н.П Щеглов подчеркивал, что страна располагает собственными природными ресурсами, необходимыми для прокладки рельсовых путей. Приоритетным направлением он считал линию Санкт-Петербург — Тверь через Новгород, которая соединила бы столицу и порт на Балтийском море с волжскими пристанями. Выводы Н.П. Щеглова были не вполне точными, так как в своих расчетах он исходил из заниженной поверстной стоимости железных дорог, но в целом его доводы в пользу развития рельсового транспорта звучали весьма убедительно. Именно эта публикация дала начало дискуссии о необходимости и возможности устройства железных дорог в России.

На этом этапе наиболее консервативную позицию по вопросу развития транспорта в России занимало руководство Главного управления путями сообщения и общественными зданиями. Так, в ответ на статью Н.П. Щеглова руководитель Комиссии проектов и смет ведомства путей сообщения, профессор Института Корпуса инженеров путей сообщения М.Г. Дестрем опубликовал в “Журнале путей сообщения” работу “Общие суждения об относительных выгодах каналов и дорог с колеями и приложение выводов к определению удобнейшего для России способа перевозки тяжестей”. М.Г. Дестрем признает, что вопрос о железных дорогах вызывает “живейший интерес общества”, поэтому он берет на себя труд его всесторонне осветить. Опытный и авторитетный ин-

женер из числа специалистов, прибывших в Россию из Франции после заключения Тильзитского договора с Наполеоном, он имел большое влияние в профессиональной среде и в значительной степени формировал мнение по инженерным вопросам главноуправляющего путями сообщения К.Ф. Толя. Рассмотрев техническую и экономическую стороны дела, М.Г. Дестрем пришел к выводу, что суровый климат России, вполне благоприятный, по его мнению, для пользования водными путями (!), для железных дорог представляет непреодолимое препятствие: “Наш климат не дозволяет иметь железные дороги: земля, попеременно то мокрая, то мерзлая, то сухая... делает укладку рельсов ежели не совершенно невозможной, то, по крайней мере, чрезвычайно затруднительной и дорогостоящей; зимою снега, весною разливы рек временами могут и вовсе прекращать движение по нашим железным дорогам... Если же принять еще в соображение, что внешняя торговля наша, а тем более внутренняя, не требует поспешной доставки товаров, то делается очевидным, что для России железные дороги бесполезны” [1, с. 72].

Полемика о преимуществах и недостатках железнодорожного транспорта началась не только в прессе, но и в стенах Института корпуса инженеров путей сообщения. В 1831 году состоялось чтение публичных лекций на эту тему. Профессор Г. Ламе подготовил две лекции “Построение железных дорог в Англии”, в основу которых легли сведения, полученные им в ходе поездки на открытие железной дороги Манчестер — Ливерпуль в 1830 году. Г. Ламе выступал в защиту нового вида транспорта. Противоположную точку зрения отстаивал М.Г. Дестрем в лекциях “Причины невозможности устройства железных дорог в России”, которые по содержанию совпадали с упомянутой выше статьей.

Несмотря на предубеждение руководителей ведомства против железных дорог, в некоторые курсы, читавшиеся в Институте корпуса инженеров путей сообщения, были введены разделы, посвященные рельсовому транспорту. В.С. Виргинский на основании изучения программ публичных испытаний воспитанников института установил, что соответствующие темы в 1831/1832 учебном году были включены в курс строительной механики, который читал профессор М.С. Волков [2, с. 61]. Профессор П.П. Мельников, в будущем первый российский министр путей сообщения, с 1833 года ввел в курс прикладной механики раздел о железных дорогах, освещавший основные проблемы железнодорожного дела: верхнее строение пути, элементы тяги поездов, подвижной состав [7, с.20]. В 1835 году П.П. Мельников опубликовал работу “О железных дорогах”, которая использовалась в качестве первого отечественного учебника по этому предмету. В ней он воздержался от анализа “относительных выгод” железных дорог по сравнению с другими видами сообщений, ссылаясь на упомянутую выше публи-

Вокзал в Павловске. Открытка начала XX века

кацию М.Г. Дестрема и демонстрируя формально полное уважение к позиции старшего по возрасту и званию коллеги, а в 1871 году, уже выйдя в отставку с поста министра путей сообщения, комментировал его статью следующим образом: “Впоследствии Дестрем отступился от этих опрометчивых заключений по столь серьезному вопросу и, вероятно, пожалел, что поспешил с напечатанием своей статьи, в которой ни одно положение не оправдалось последующими опытами; тем не менее авторитет имени придавал незаслуженное значение этой статье...” [10, с. 3; 13, с. 141].

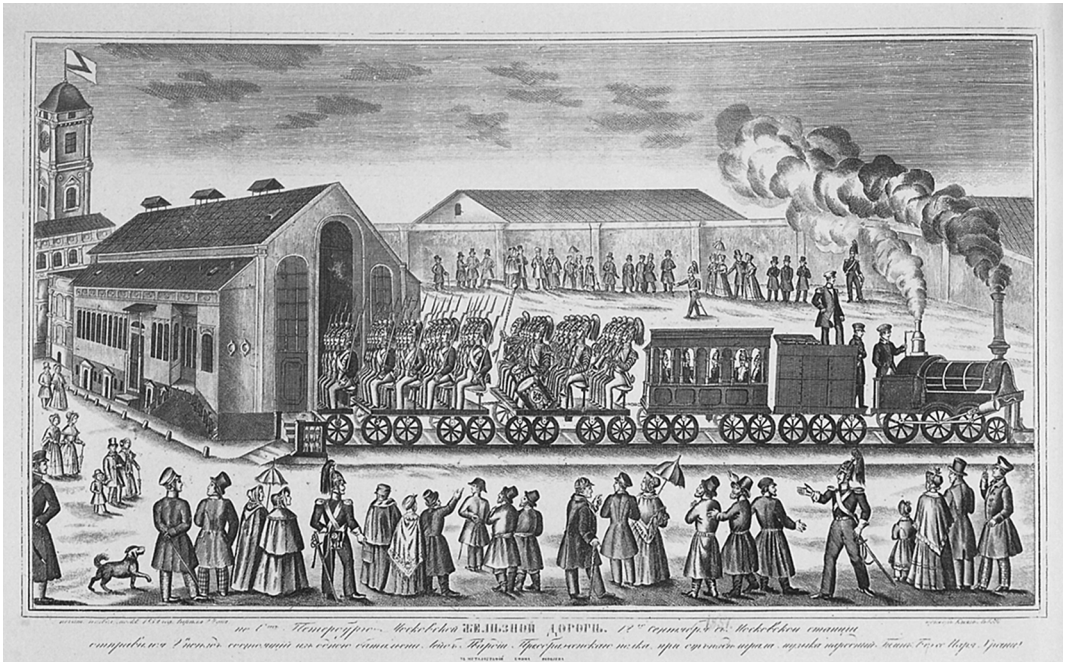
О том, что идея железнодорожного строительства постепенно отвоевывала место в общественном сознании, свидетельствует появление практических предложений о сооружении небольших железных дорог в качестве дополнения к существующим водным путям в тех случаях, когда ранее надежды возлагались только на устройство гидротехнических сооружений. Так, в 1834 году А. Бестужев представил в Главное управление путей сообщения записку об устройстве железнодорожной линии между Волгой и Доном за счет объединенных средств казны и заинтересованных частных предпринимателей. В 1835 году тамбовский гражданский губернатор Н.М. Гамалея предложил проект постройки железной дороги между Тамбовом и Моршанском в обход несудоходной части реки Цны силами частного акционерного общества. Важно отметить, что эти проекты не были умозрительными, они содержали расчет стоимости строительства, данные о предполагаемых

источниках рабочей силы, необходимых материалах и путях их доставки, будущей доходности, но были отклонены правительством без подробного рассмотрения.

Переход от полемики к практике совершился благодаря деятельности австрийского инженера, профессора Венского политехнического университета Ф.А. Герстнера, проектировавшего первую в материковой Европе конно-железную дорогу между реками Молдова и Дунай. Он прибыл в Россию в 1834 году по приглашению горного ведомства и на протяжении трех с лишним месяцев путешествовал по европейской части страны, посетил все наиболее значимые в экономическом отношении регионы и собрал статистические данные о них. Главный вывод, который Ф.А. Герстнер сделал после этого путешествия, — Россия остро нуждается в целой сети железных дорог: "... построение железной дороги из Петербурга в Москву и оттуда до Волги в Нижний Новгород необходимо для благосостояния большей части Российской Империи. Я вместе с тем убежден, что другая железная дорога из Москвы в Одессу или Таганрог неминуемо должна последовать для пользы того края" [3, с. 21]. Вернувшись в столицу, Ф.А. Герстнер подал императору Николаю I подробную записку, в которой выражал готовность взять на себя устройство железных дорог в России, в первую очередь между Санкт-Петербургом и Москвой, при условии предоставления ему весьма значительных привилегий. Помимо преимуществ, ожидаемых для развития промышленности и торговли, он подчеркивал значение нового вида транспорта для совершенствования государственного управления: "Благодеяния, изливаемые его императорским величеством на своих подданных, принесут всю желаемую его величеством пользу в такой неизмеримой стране, как Россия, тогда только, когда повеления государя императора посредством железных дорог будут достигать в три дня из Петербурга в Казань или Одессу" [15, с. 92]. Зная об особом внимании Николая I к военному делу, Ф.А. Герстнер подробно описал в своей записке также и военно-стратегическое значение железных дорог.

Предложение Ф.А. Герстнера подверглось подробному рассмотрению сначала специально учрежденной комиссией из числа инженеров ведомства путей сообщения, затем Особым комитетом во главе с председателем Государственного совета Н.Н. Новосильцевым, на заседании которого присутствовал сам император. Работа Особого комитета представляет интерес по той причине, что в ходе ее были впервые высказаны мнения по "железнодорожному вопросу" имеющих к нему отношение членов правительства, а также взгляды Николая I.

Среди членов Особого комитета министр финансов Е.Ф. Канкрин занял наиболее жесткую отрицательную позицию в отношении железных дорог вообще. Он полагал, что "недостаточность торгового движения в России" оставит же-



Е. Яковлев. Отправление поезда с Московского вокзала в Санкт-Петербурге 12 сентября 1851 года. Гравюра на металле. 1852

лезные дороги в полном бездействии, и что устройство их лишит занятий и заработка крестьян, промышляющих извозом. Паровую тягу признавал неприемлемой из-за угрозы уничтожения лесов (хотя в это время Кузнецкий, Донецкий и, отчасти, Подмосковный угольные бассейны были уже разведаны). В военном отношении железные дороги также не признавал эффективными, так как для такого рода перевозок потребуется большое количество вагонов, которые в мирное время не будут востребованы. Помимо перечисленных соображений, Е.Ф. Канкрин высказывал мнение о непродуктивности, и даже опасности для государственной экономики форсированного и очень дорогостоящего совершенствования путей сообщения в ущерб развитию “коренных” производств. “Предположение покрыть Россию сетью железных дорог, — утверждал он, — есть мысль, не только превышающая всякую возможность, но одно сооружение таковой дороги, например, до Казани должно считать на несколько веков преждевременным” [13, с. 145]. Главноуправляющий путями сообщения Ф.К. Толь был убежденным сторонником совершенствования водных артерий, о чем свидетельствуют все его верноподданнейшие доклады по “железнодорожному вопросу”. Другие члены комитета и Николай I предубеждений Е.Ф. Канкрина и К.Ф. Толя не разделяли, поэтому вопрос о необходимости железных дорог был разрешен в целом положительно. Резолюции императора на документах комитета явственно выражают его позицию: “Читал с большим вниманием и убежден, как и прежде был, в пользе сего дела, но не убежден в том, чтобы Герстнер нашел довольно капита-

Петцольт А.В. Санкт-Петербургская пассажирская станция. Лист из альбома "Виды Санкт-Петербурго-Московской железной дороги". Бумага, акварель. 1851

лов, чтобы начать столь огромное предприятие..." [13, с. 147]. С этого момента и в дальнейшем Николай I укреплялся в положительном отношении к железным дорогам, о чем свидетельствуют его активное личное участие в рассмотрении железнодорожных инициатив и осторожные, но последовательные решения, направленные на их реализацию. Весьма показательно, что в комитет по дальнейшему рассмотрению предложений Ф.А. Герстнера Николай I не включил министра финансов, хотя именно финансовая их составляющая вызывала наибольшие сомнения.

Решающую роль в обсуждении проекта Ф.А. Герстнера сыграл М.М. Сперанский. Он считал необходимым для укрепления предпринимательского духа в России оказывать правительственную поддержку предприятиям "обдуманным и солидным", так как примеры "неудач и упадка" могут подорвать доверие публики и восстановить его будет трудно. Замысел же Ф.А. Герстнера, в силу своей масштабности и потребности в чрезвычайно больших вложениях, выглядел весьма рискованным. В итоге, после длительных переговоров Ф.А. Герстнер по-

лучил разрешение на постройку в качестве эксперимента дороги от Санкт-Петербурга до Царского Села и Павловска силами созданного для этого частного акционерного общества.

Здесь стоит привести мнение П.А. Вяземского, высказанное в письме к А.И Тургеневу от 19 января 1836 года. Оно выражает точку зрения, альтернативную суждениям Е.Ф. Канкрина, которые определяли государственную экономическую политику и были, конечно, хорошо известны: “Составилась компания для устроения железной дороги из Петербурга в Царское Село и Павловское ... Между тем очень помышляют о железной дороге до Москвы, но есть оппозиция. Я и сам полагаю, что в России еще много можно сделать материального добра до железных дорог. Но ведь мы и так уже с легкой руки и с здорового кулака Петра пошли; росли не годами, а днями, то есть не мерным шагом, а скачками, что видно так на роду написано. Лучше же скакать, чем прирасти... к лежанке” [14, с. 288].

С целью привлечения акционеров и ознакомления российской публики с железнодорожным делом в 1836 году Ф.А. Герстнер издал небольшое сочинение “О выгодах построения железной дороги из Санкт-Петербурга в Царское Село и Павловск, Высочайше привилегированною его Императорским Величеством компанией” и распространял его бесплатно. В нем он изложил зарубежный опыт, а также представил описание предполагавшейся к постройке дороги, подробностей ее эксплуатации и расчеты ожидаемых прибылей.

Царскосельская железная дорога была открыта для движения 30 октября 1837 года. В мае 1838 года поезда стали ходить до Павловска, где Ф.А. Герстнер для привлечения пассажиров устроил “воксал” — развлекательное учреждение, совмещенное со станционными помещениями. Со временем это слово закрепилось в русском языке для обозначения пассажирских зданий на всех дорогах. “Маркетинговый ход” Ф.А. Герстнера оказался весьма успешным и существенно повлиял на культурную жизнь Санкт-Петербурга: Павловский вокзал с момента открытия и до революции 1917 года являлся одной из лучших концертных площадок столицы, известной не только в России, но и за рубежом. На его сцене выступили многие прославленные музыканты той эпохи.

Деятельность Ф.А. Герстнера вызвала мощный резонанс в российском обществе. В 1835–1837 годах материалы о железных дорогах печатались отдельными брошюрами и появлялись во многих периодических изданиях, ориентированных на широкую публику: “Журнале мануфактур и торговли”, “Коммерческой газете”, “Журнале общеполезных сведений”, “Северной пчеле”, “Русском инвалиде”, “Библиотеке для чтения”, “Телескопе”, “Московском наблюдателе” и др.

Мнения о новом виде транспорта в целом, и проекте Ф.А. Герстнера в частности, имели полярный характер. Несмотря на поддержку, оказанную начинанию Ф.А. Герстнера пра-

Станция Московской железной дороги (Николаевский вокзал в Санкт-Петербурге). Литография по рисунку А. Шарлеманя. 1850-е годы

вительством в виде весьма обширных льгот, вышло множество статей негативного характера о бесполезности железнодорожного транспорта для хозяйства и опасности его для людей и окружающей среды. Материалы такого рода появились в зарубежной прессе в годы строительства первых линий общего пользования и поначалу переводились на русский язык. Высказывались суждения, что высокая скорость вызовет повреждение мозга не только у пассажиров, но даже у тех, кто будет смотреть на проходящие поезда со стороны, что коровы, пасущиеся неподалеку от железной дороги, перестанут давать молоко, птицы будут погибать от вредных выбросов, леса уничтожат ради получения топлива для паровозов и т.д. и т.п. Причиной весьма широкого распространения бредовых с современной точки зрения опасений было, с одной стороны, влияние мощного лобби владельцев дилижансных и судоходных компаний, не желавших появления сильного конкурента, с другой стороны, банальный обывательский страх перед техническим новшеством, разительно превосходившим предшествующие достижения человечества в сфере передвижения (пассажирский поезд мог развить скорость 60 миль в час, которая в 6–8 раз превышала скорость дилижанса).

В России, наряду с заимствованными в Европе доводами, основным аргументом противников прогресса стала суровость климата. Любопытно, что одно из наиболее ярких и популяр-

ных выступлений против железных дорог было составлено от имени “человека из народа”, который, естественно, в реальности права голоса не имел. Весной 1835 года “Журнал общеполезных сведений” опубликовал заметку “Мысль русского крестьянина-извозчика о чугунных дорогах и пароходных экипажах между С.-Петербургом и Москвою”. В ней говорилось: “Дошли до нас слухи, что некоторые наши богатые господа, прельстясь заморскими затеями, хотят завести между Питером, Москвою и Нижним чугунные колеи, по которым будут ходить экипажи, двигаемые невидимою силою, помощью паров... Сдается, однако же, что этому не бывать. Русские вьюги сами не потерпят иноземных хитростей, занесут, матушки, снегом колеи, в шутку, пожалуй, заморозят пары. Да и где взять такую тьму топлива, чтобы вечно не угасал огонь под ходунами-самоварами? Али тратить еще деньги на покупку заморского угля, чтобы отнять насущный хлеб у православных? [Промышляющих извозом, как явствует из дальнейшего текста.] Стыдно и грешно!” [2, с. 94]. Среди наиболее последовательных противников рельсового транспорта стоит упомянуть известного публициста Наркиза Атрешкова, автора нескольких статей, основанных на совершенно искаженных представлениях о технике и экономике железных дорог, а также инженера путей сообщения П.И. Палибина, видного специалиста по гидротехническим сооружениям, который в конце 1836 года издал весьма резкую критическую работу “Несколько слов о железных дорогах в России” в конце 1836 года. Мы не будем останавливаться детально на выступлениях такого рода, но подчеркнем еще раз, что их было немалое количество, они оказывали определенное влияние на общественное мнение и затрудняли принятие решений о внедрении железных дорог в практику.

В 1836 году профессор Института Корпуса инженеров путей сообщения М.С. Волков подготовил работу в защиту железных дорог в виде ответа на публикации Н. Атрешкова и предложил ее, при посредничестве В.Ф. Одоевского, для размещения в “Современнике” А.С. Пушкина. Статья не была опубликована и содержание ее неизвестно, однако благодаря ей мы знаем суждение А.С. Пушкина о железных дорогах: “... по моему мнению, правительству вовсе не нужно вмешиваться в проект этого Герстнера. Россия не может бросить 3 000 000 на попытку... Дорога (железная) из Москвы в Нижний Новгород была бы еще нужнее дороги из Москвы в Петербург — и мое мнение было бы: с нее и начинать... Я, конечно, не против железных дорог; но я против того, чтоб этим занялось правительство” (из письма к В.Ф. Одоевскому, ноябрь–декабрь 1836 года) [17, с. 614].

Постепенно позиция сторонников рельсового транспорта возобладала в прессе, а после открытия движения от Санкт-Петербурга до Царского Села в газетах вышли восторженные отзывы. Например, “Санкт-Петербургские ведомости” так комментировали это событие: “Шестьдесят верст в час; страш-

но подумать... Между тем вы сидите спокойно, вы не замечаете этой быстроты, ужасающей воображение... Какая же сила несет все эти огромные экипажи с быстротою ветра в пустыне; какая сила уничтожает пространство, поглощает время? Эта сила — ум человеческий...” [7, с. 38]. В 1838 году поэт Н.В. Кукольник описал в “Северной Пчеле” первую поездку по железной дороге в Павловск: “Для меня железная дорога — очарование, магическое наслаждение. В особенности была приятна вчерашняя поездка в Павловский воксал, вчера же впервые открытый для публики...”. И далее, после подробного описания архитектуры здания и предлагаемых увеселений: “Непринужденность и всеобщее одобрительное удовольствие господствовало повсюду” [9, с. 462].

Пример Ф.А. Герстнера стимулировал не только обсуждение “железнодорожного вопроса”, но и активность отечественных предпринимателей. В период строительства Царскосельской дороги правительству были представлены практические предложения об устройстве линий между Петербургом и Рыбинском, Москвой и Воронежем, Волгой и Доном. Сам Ф.А. Герстнер выходил с прошением разрешить сооружение дороги от Москвы до Коломны, где скапливалось на складах большое количество грузов, прибывших водным путем и ожидавших отправки в столицы.

В конце 1830-х годов помимо проектов отдельных линий были предложены варианты развития сети железных дорог в России. В декабре 1837 года отставной поручик А. Голиевский подал императору предложение “о построении железных дорог в Империи без малейшего со стороны казны пожертвования и с самым нечувствительным для жителей”. Он планировал за девять лет проложить три линии общей протяженностью 3 600 верст через 15 губерний [6, с.54]. А. Голиевский выступал против привлечения иностранного капитала для финансирования железнодорожного строительства и предлагал реализовать свой проект за счет дорожной повинности силами крепостных крестьян (по 1 человеку с лопатой и топором от каждых 500 душ с пропитанием за счет землевладельцев) и дополнительного налогообложения. С современной точки зрения, серьезнейшим недостатком подхода А. Голиевского можно признать опору на использование неквалифицированного труда крепостных, однако в рассматриваемый период крестьяне, выполняя “дорожную повинность”, осуществляли регулярную и малоэффективную “поправку” грунтовых дорог, и, возможно, использование этого ресурса более продуктивно, казалось не таким уж бессмысленным.

В конце 1838 — начале 1839 года бывший новгородский губернатор, тайный советник Н.Н. Муравьев подал “на высочайшее имя” пять записок об устройстве сети железных дорог в России. Он связывал необходимость развития путей сообщения преимущественно с быстрым ростом населения и удовле-

творением его потребностей в перемещении и торговле. В первую очередь Н.Н. Муравьев предлагал устроить дорогу между двумя столицами через Новгород “на русский розмах” в 6 (!) путей — по 2 для конного и парового движения и еще 2 запасных на случай ремонтных работ. Он предполагал, что “от этой дороги в течение 40 лет времени отсюда пролягут пути до всех границ России полуденных и западных и возьмут свое прочное начало в ее восточные области” [15, с. 124]. Принципиально важным автор записок считал сооружение железных дорог силами государства, во-первых, потому что “пути сообщения государства должны быть всевозможно свободные, независимые от частных замыслов и, конечно, собственность народа, государства”; во-вторых из-за того, что, по мнению Н.Н. Муравьева, участие в “торговых пайствах” приучает граждан “к беструдному, к бессмысленному рублю” [15, с. 124]. Кроме того, он ожидал от железной дороги больших доходов, которые должны поступать в пользу казны. Большое значение Н.Н. Муравьев придавал использованию собственных ресурсов и развитию паровозостроительной и рельсопрокатной промышленности. Все проекты устройства железных дорог направлялись на рассмотрение главноуправляющему путями сообщения К.Ф. Толю — ярому стороннику водного транспорта, поэтому независимо от источника и качества технико-экономических обоснований, они оставались без последствий.

Более подробного рассмотрения, с тем же, впрочем, результатом, удостоилось поданное в марте 1838 года на имя московского генерал-губернатора князя Д.В. Голицына предложение московского помещика и предпринимателя А.В. Абазы об учреждении частного акционерного общества “для исполнения предприятия, которое столь же быстро разовьет внутреннее благосостояние наше, как быстро несутся паровозы” — строительства железной дороги между Санкт-Петербургом и Москвой [15, с.109]. Проект предусматривал сооружение в течение шести лет дороги на две колеи: одна — с паровой тягой для почтовой службы и перевозки пассажиров, особо ценных и скоропортящихся грузов, вторая — для дешевой перевозки большого количества “тягостей” лошадьми. По утверждению А.В. Абазы, в своих расчетах он завысил необходимые издержки и занизил ожидаемые доходы, но даже при таком подходе ожидал получить прибыль в 10% на каждый вложенный рубль. Важной отличительной чертой проекта А.В. Абазы был акцент на некоторых социальных вопросах. Так, он особо отмечает, что при наличии линии с конной тягой население, промышляющее извозом, не лишится своих доходов, а “в нравственном отношении даже выиграет”, так как “...Постоянное, определительное занятие на железной дороге приучит их к труду, точности, порядку и избавит от пороков и бедности, неразлучных спутников праздного ожидания работы у почтовых дворов” [15, с. 116]. Текущее обслуживание дороги он предлагал возложить

на отставных военных, обеспечив занятость и достойный доход не менее, чем восьми тысячам “наших заслуженных воинов”.

Особый комитет под руководством генерала А.П. Ермолова, при участии Е.Ф. Канкрина и К.Ф. Толя, после рассмотрения предложений А.В. Абазы пришел к заключению, что расчеты его произведены “примерно и гадательно”, получение всех обещаемых государству и акционерам выгод вызывает сомнения, величина капитала, необходимого для реализации данного проекта очень велика и, в случае неудачи, ущерб понесет значительное число подданных. Особо подчеркивалась нежелательность любых поощрительных мер в отношении столь рискованного проекта со стороны Государя и правительства, так как в случае его неудачи, выражаясь современным языком, “имидж власти” сильно пострадает.

После отклонения его предложения правительством А.В. Абаза под псевдонимом “Московский житель” продолжил отстаивать дело железнодорожного строительства в прессе. В четырех номерах газеты “Северная пчела” за октябрь 1838 года вышел обширный материал “Мысли московского жителя о возможности учредить общество на акциях для сооружения железной дороги от С.-Петербурга до Москвы” со статистическими данными и расчетами экономической эффективности предлагаемой линии. Среди первоочередных мер для ее осуществления, А.В. Абаза указывает на необходимость организации публичного обсуждения: “Так как дело это слишком важно и слишком большое имеет влияние на государственное и частное благосостояние, то основательное об оном со всех сторон обсуждение и расчет необходимы, а потому можно бы было... предварительно пригласить всех просвещенных и опытных соотечественников наших делать, через публичные журналы, свои замечания против устройства этой дороги или сообщать новые, дополнительные мысли и расчеты о удобнейшей возможности соорудить оную с выгодою для государства, акционеров и нашей промышленности” [12, с. 919].

В ноябре 1839 года А.В. Абаза, снова выступил “по железнодорожному вопросу” в “Северной пчеле”. В заметке “Письмо из Москвы о Коломенской железной дороге” он предлагает план формирования в стране целой сети железных дорог: “... для России необходимее других дорога от Москвы, через Тверь, в Санкт-Петербург. Эта дорога есть главная жила торговли нашего государства. Примыкайте к ней дороги от Рыбинска, Нижнего, Коломны, все они тогда будут хороши” [16,с. 1052]. В отличие от умозрительных проектов и рассуждений о железнодорожном деле, каких было большинство в рассматриваемый период, предложения А.В. Абазы основаны на большом предпринимательском опыте и трезвом коммерческом расчете, однако они имели значительный недостаток: ориентацию на осуществление грузовых перевозок с помощью лошадиной тяги.

Деятельность А.В. Абазы сформировала ему определенный авторитет в области железнодорожного дела, и в 1841 году его пригласили участвовать в работе Особого комитета для "предварительного составления и рассмотрения проекта железной дороги от Санкт-Петербурга до Москвы в отношении техническом и расчетов коммерческих..." во главе с А.Х. Бенкендорфом, созданного по распоряжению Николая I [15, с. 126]. В состав его входили деятельные сторонники внедрения рельсовых путей, в том числе инженеры П.П. Мельников и Н.О. Крафт, вернувшиеся из поездки по США, куда они были командированы для ознакомления с американским опытом железнодорожного строительства. Несколько ранее П.П. Мельников совершил аналогичную поездку по Европе вместе с коллегой по ведомству путей сообщения — С.В. Кербедзом.

Результаты работы Особого комитета не встретили одобрения в Главном управлении путей сообщения и Комитете Министров, поэтому окончательное решение о строительстве железной дороги между Санкт-Петербургом и Москвой на государственные средства принял лично император Николай I после особого совещания Комитета Министров 13 января 1842 года, на котором он заслушал мнения сторон. Курировать сооружение магистрали и руководить рассмотрением всех последующих железнодорожных проектов было поручено наследнику престола, будущему императору Александру II.

Дорога Санкт-Петербург — Москва была спроектирована и построена в 1842–1851 годах, включая изыскания отечественных специалистов под руководством П.П. Мельникова и Н.О. Крафта. К этому времени уже было очевидно, что без развития железнодорожных сообщений страна утратит политическое и экономическое влияние на мировой арене. Вся передовая российская общественность с нетерпением ожидала открытия первой отечественной магистрали. Отражением царивших в этот период настроений служат хорошо известные слова В.Г. Белинского, приведенные в дневнике Ф.М. Достоевского: "Я сюда часто захожу взглянуть, как идет постройка (вокзала Николаевской железной дороги, тогда еще строившейся). Хоть тем сердце отведу, что постою и посмотрю на работу: наконец-то и у нас будет хоть одна железная дорога. Вы не поверите, как эта мысль облегчает мне иногда сердце" [4, с.163].

Современникам строительства первых железных дорог в России новый вид транспорта представлялся не только предвестником грядущего экономического расцвета страны, но и символом развития цивилизации, прогресса, положительных социальных изменений. С железными дорогами связывали распространение образования и научных достижений, расширение культурных контактов внутри страны и в международных масштабах, вплоть до утопических идей об объединении всего человечества в мире и процветании. Можно предположить, что одним из источников этих суждений послужили вы-

сказывания французского экономиста и публициста Мишеля Шевалье. Слова из его вышедших в 1836 году “Писем о Северной Америке”: “Благодаря большим дорогам человеческая мысль будет двигаться в даль в форме, наиболее благоприятной для ее распространения, то есть во плоти и крови” [13, с. 139], — встречаются и в журнальных публикациях, и в докладах К.Ф. Толя императору, и в воспоминаниях П.П. Мельникова. Н.В. Кукольник в уже цитированной выше заметке 1838 года о поездке по Царскосельской дороге сравнивает цивилизационное значение рельсовых путей с возможностями, которые открыло человечеству книгопечатание: “... мне видится возрастающая деятельность народа, быстрое распространение новых сведений, размен мыслей, новая жизнь торговли и промышленности. На железный путь в Павловск я смотрю как на первые деревянные буквы Гуттенберга и тесно воображению” [9, с. 461]. Почти 20 лет спустя выдающийся русский инженер Д.И. Журавский в обширную статью программного характера “О железных дорогах в России” включил отдельную главу “О влиянии железных дорог на умственное и нравственное развитие общества”. Он питает надежду, что: “Частые сношения отдельных народов не только поднимают уровень их познаний, но развивают внутреннюю силу, ... пробуждают дух исследования; тогда люди начинают требовать у себя отчета, почему поступают так, а не иначе; начинаются реформы, улучшения, которые постепенно приводят к усовершенствованию человеческой жизни” [5, с. 441].

Конечно, многие утопические мечты сторонников железных дорог не исполнились, так же, как и опасения их противников, но невозможно отрицать, что железные дороги изменили лицо мира, и это хорошо понимали те, кто был свидетелем их появления.

Литература

1. Атлас железных дорог России/ Ин-т экономики и развития транспорта: редкол.: В.И. Якунин [и др.]. М.: ООО “Феория”, 2015.

2. *Виргинский В.С.* Возникновение железных дорог в России до начала 40-х годов XIX века. М.: ООО “РейлИнфо”, 2007.

3. *Гертснер Ф.А.* О выгодах построения железной дороги из Санкт-Петербурга в Царское Село и Павловск, Высочайше привилегированной его Императорским Величеством компанией. М.: Русагротранс, 2012.

4. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского. Юбилейное (6-е) изд. Т. 10. СПб.: Тип. П.Ф. Пантелеева, 1906.

5. *Журавский Д.И.* О железных дорогах в России // Русский вестник. 1856. №№ 5–6. С. 417–457.

6. Исторический очерк развития железных дорог в России с их основания по 1897 г. включительно. СПб.: Тип. МПС, 1898.

7. История железнодорожного транспорта России. Т. 1: 1836–1917 гг. СПб.: “Иван Федоров”, 1994.

8. История Царскосельской железной дороги. Под общ. ред. Г. Закревской. М.: ООО “Красивая страна”, 2007.

9. *Кукольник Н.В.* Павловский вокзал (Письмо к М.И. Глинке) // Северная пчела. 1838. № 116 (26 мая). С. 461–462.

10. *Мельников П.П.* О железных дорогах. СПб.: тип. Гл. упр. пут. сообщ. и публ. зданий, 1835.

11. *Мордвинов Н.С.* // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1893. Т. 38. С. 840 –841.

12. Мысли московского жителя о возможности учредить общество на акциях для сооружения железной дороги от С.-Петербурга до Москвы // Северная пчела. 1838. № 230 (12 окт.) С. 919–920.

13. Начало железнодорожного строительства в России (Из записок П.П. Мельникова) // Красный архив. Т.2 (99). М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940.

14. Остафьевский архив князей вяземских / под ред. и с примеч. В.И. Саитова. Т. 3. — Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1824 –1836. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899.

15. Первые железные дороги в России // Красный архив. Т. 3 (76). М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936.

16. Письмо из Москвы о Коломенской железной дороге // Северная пчела. 1839. № 263 (20 нояб.). С. 1051–1052.

17. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. 10. Письма. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1951.

18. *Шашкова Н.О.* Управленческий и экономический аспекты формирования железнодорожной политики России в 1820–1850-е гг. // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2016. № 2. С. 74–97.

НОВЫЕ КНИГИ

Идеи и числа: Основания и критерии оценки результативности философских и социогуманитарных исследований / А.Н. Баранов, А.А. Гусейнов, Н.В. Мотрошилова и др. М.: Прогресс-Традиция, 2016. 272 с.

Кваша Г.С. **Найди себя по знаку рождения: Энциклопедия гороскопов.** 5-е изд. М.: Центрполиграф, 2015. 574 с.

Кейв П. **Как перехитрить Аристотеля и еще 34 интересных способа применения философии** / Пер. с англ. М.: Эксмо, 2016. 400 с.

Кивалин Я.А. **Естественная система личностей.** Новосибирск: РИЦ «Новосибирск», 2015. 504 с.

Кольер Р. **Закон притяжения. Как получить все чего вы хотите?** / Пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2016. 319 с.

Кравченко А.И. **Психология и педагогика: Учеб. пособие для студентов вузов.** М.: Риор, Инфра-М, 2016. 112 с.

Лучезарнова Е.Д. **Нулевой репортаж, или Я просто вас люблю. 3-е изд., испр., доп.** СПб.: Ритмовзлет, 2015. 160 с.

Люди с безграничными возможностями: В борьбе с собой и за себя / В. Дорофеев, С. Белостоцкая, А. Жукова и др. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 224 с.

☞ с. 152

УНИВЕРСИТЕТ ЧЕЛОВЕКА

ЭРГОНОМИКА В СССР: ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2017

Г.Б. Степанова

Степанова Галина Борисовна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института философии РАН. Постоянный автор журнала. E-mail: gbstepanova@gmail.com

История междисциплинарных исследований человека насчитывает более ста лет. Еще в начале прошлого века возникла потребность получения и использования знаний об антропометрических, физиологических, психологических и т.п. особенностях трудовой деятельности человека для ее оптимизации (психотехника, система Тейлора). В то же время данные, полученные на практике (и для практики), нередко становились неотъемлемой частью более общих исследований в различных дисциплинах, изучающих человека. Так, В.М. Бехтерев в 1920-е годы организовал в Институте мозга лабораторию, где сам вел экспериментальное изучение влияния труда на личность и ее нервно-психическое состояние. В своих работах он неоднократно выступал с идеей комплексного исследования трудовой деятельности человека.

Необходимость комплексного осмысления человека, его возможностей, реализации способностей в трудовой деятельности привела к развитию на стыке технических и естественнонаучных дисциплин — психологии, антропологии, биофизики, физиологии, акустики, цветоведения и экологии — новой научной дисциплины *эргономики*. Все составляющие эргономики, за исключением технических наук, изучают один и тот же объект, но при этом рассматривают человека в процессе труда с разных точек зрения и пользуются для этого разными методами.

Особую остроту проблема синтеза фундаментальных и прикладных знаний в области изучения человека приобрела во второй половине XX века. Она характеризуется обращением к человеческому фактору в связи с интенсивным развитием человеко-машинных систем. Это было время развития и распространения эргономических исследований в нашей стране и за рубежом, когда возникла потребность в изучении человека в процессе трудовой деятельности с целью максимального использования его физических и психологических возможностей для повышения эффективности труда.

Особенно эта потребность проявилась в областях, связанных с конструированием военной техники. И.Н. Семенов приводит слова одного из основоположников системной методологии В.Н. Садовского, утверждавшего, что в то время необходимость в проведении философско-психологических исследований почувствовали некоторые отрасли индустрии, связанные прежде всего с космонав-

Здание ВНИИ технической эстетики (ВНИИТЭ)

тикой и оборонной промышленностью [8, с. 13].

В.Г. Борзенков и Б.Г. Юдин подчеркивают практическую ориентированность междисциплинарных исследований "человекоразмерных" проблем, их нацеленность на получение конкретного результата. По их мнению, в середине прошлого века задача получения чисто познавательных результатов считалась второстепенной, а то и вовсе не принималась во внимание [2]. Однако жизнь вносит свои коррективы. Исторический и методологический экскурс в развитие эргономики в нашей стране во второй половине прошлого века показывает, как происходило взаимопроникновение знаний, полученных в фундаментальных науках и прикладных разработках.

В 1962 году был создан Всесоюзный научно-исследовательский институт технической эстетики (ВНИИТЭ)[1], объединивший дизайнеров и эргономистов для создания новой методологической базы проектирования человекоразмерных систем. Сближение дизайна и эргономики происходило длительно и постепенно. Основатель ВНИИТЭ и его первый директор — Ю.Б. Соловьев предусмотрел в каждом из филиалов института отдел или лабораторию эргономики. Он считал, что знания о человеке, его возможностях и потребностях, антропометрических, психологических и физиологических характеристиках, особенностях его деятельности будут необходимы дизайнерам в процессе проектирования изделий и систем. Такого рода знания были востребованы как военно-промышленным комплексом в целом, так и авиакосмическим комплексом в особенности. В 1967 году под руководством Г.М. Зараковского в Государственном научно-исследовательском испытательном институте авиационной и космической медицины был создан отдел, задачей которого стало проектирование деятельности авиационных специалистов на основе психофизиологического анализа ее содержания и синтеза структуры по ряду качественных и количественных критериев [5]. Основой эргономического проектиро-

[1] Очевидно, что развитие эргономики не ограничивалось описываемым временем и пространством ВНИИТЭ. Работы проводились в МГУ, ЛГУ, Институте психологии АН СССР, военных институтах и т.п. Автор настоящей статьи работала во ВНИИТЭ в 1970–1980-е годы, участвовала во многих эргономических разработках, поэтому большинство теоретических и методологических положений эргономики излагается с позиций ее основателей в те годы в этом институте.

Юрий Борисович Соловьев — первый директор ВНИИТЭ

вания авиационной техники стал анализ деятельности с позиций учета психофизиологических характеристик и возможностей человека с использованием моделей, расчетных данных и априорных методов оценки возможных алгоритмов работы человека-оператора с различными системами отображения информации при изменении нагрузки и условий деятельности.

Вот что пишут о возникновении эргономики одни из ее основателей в нашей стране В.П. Зинченко и В.М. Мунипов: “В конце 40-х — начале 50-х годов на основе накопленных знаний о труде возникла потребность в целостной системе представлений о работающем человеке, о его трудовой деятельности, о его взаимоотношениях с машиной и с окружающей средой. Без такой системы затруднялось дальнейшее развитие специальных наук и эффективное использование накопленных знаний в практике” [4].

Авторы полагают, что эргономика, будучи сферой междисциплинарных исследований, синтезирует в себе научную методологию, широкий гуманитарный подход, средства инженерного проектирования. Она вносит существенный вклад в поиски наиболее эффективных и комплексных методов и путей решения задач, связанных с повышением качественных характеристик деятельности человека, развитием его способностей и творческой активности, а также совершенствованием потребительских свойств новой техники.

Далее Зинченко и Мунипов вступают в полемику с М. де Монмолленом по поводу его трактовки эргономики как технологии особого рода. Авторы показывают, что расширяется поле эргономических исследований, количество потенциальных связей “ситуация — способ действования” стремительно возрастает, разнообразится их специфика. В связи с этим возникает необходимость установления и разработки инвариантов сочетания параметров эргономических ситуаций и методик действования, их уточнения и укрупнения. Однако это предполагает “особый тип эргономической деятельности: уже не собственно технологию, не решение конкретной исследовательско-проектировочной задачи, а поиск более общих, в какой-то степени фундаментальных принципов, которые можно было бы эксплицировать в объективированной форме, представить как особые эргономические знания о действительности изучаемого и проектируемого, о средствах и методах работы с такой действительностью” [1, с. 16–17]. Другими словами, речь идет о выявлении специфики эргономических исследований.

Идеи системного подхода в широком смысле — как одной из ведущих общенаучных ориентаций того времени — определяли многие исходные установки и положения эргономики. Очевидно, что практически все эргономические исследования и разработки в нашей стране в то время осуществлялись в парадигме системно-деятельностного подхода. По мнению

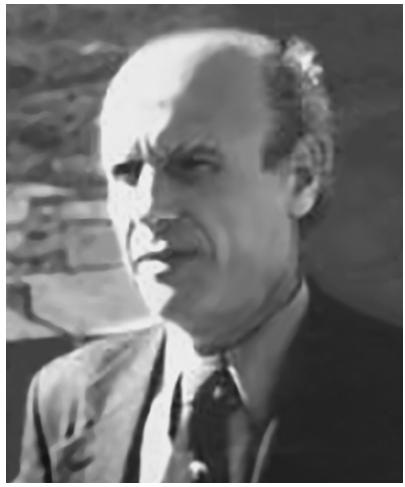
И.Н. Семенова, “Создание и развитие в нашей стране этой инновационной науки осуществлялось посредством трансформации классической психологии труда и инженерной психологии в эргономику как неклассическую дисциплину нового типа, базирующуюся на организационной методологии (А.А. Богданов, В.М. Мунипов) взаимодействия системного (Г.П. Щедровицкий, Э.Г. Юдин) и деятельностного подходов (А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, А.В. Запорожец, В.П. Зинченко и др.)” [8, с. 12].

В 1975 году в отделе эргономики ВНИИТЭ под руководством Э.Г. Юдина была создана методологическая группа, которая проработала полгода. Но, несмотря на столь короткий срок, она многое успела сделать в области методологии исследования деятельности. Э.Г. Юдин выделил по меньшей мере пять различных функций деятельности. По его мнению, деятельность выступает как:

- объяснительный принцип;
- предмет объективного научного изучения;
- предмет управления;
- предмет проектирования;
- ценность в различных системах культуры [10, с. 272–273].

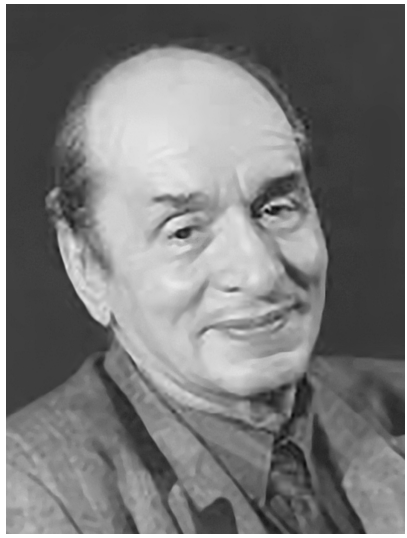
И.Н. Семенов в статье, посвященной В.М. Мунипову как одному из создателей эргономики в нашей стране, вспоминает, что “Э.Г. Юдин выдвинул — с культурно-исторических и системно-методологических позиций — программу междисциплинарного изучения структуры и способов деятельности в прикладных контекстах ее психологического исследования, эргономического проектирования и дизайнерских разработок” [8, с. 15]. Таким образом, эргономические исследования становятся экспериментальной базой для изучения деятельности с методологической и общенаучной позиций.

Интересно с этой точки зрения нынешнее мнение В.К. Зарецкого, тогдашнего сотрудника группы, о



Эрик Григорьевич Юдин — методолог, разработчик системно-деятельностного подхода в эргономике

методологических средствах исследования деятельности. Он пишет, что если во главу угла поставлены методологические средства (практики или познания), то главным в исследовании становится разработка и усовершенствование этих средств практически до бесконечности. Если же главное — эта сама деятельность, “ее монодисциплинарное или же комплексное представление, то тогда важен каждый удачный опыт категориально-концептуального представления деятельности, как предмета исследования, проектирования или практической разработки” [3]. Такое понимание предполагает множество концептуальных представлений о деятельности, концептуальных схем. Сам Э.Г. Юдин по этому поводу пишет: “эффективность деятельности как объяснительного принципа не может считаться абсолютной, она существенно зависит от того, насколько удалось раскрыть содержание этого понятия в предмете соответствующей дисциплины, то есть от того, насколько конструктивно с его помощью выделена, ограничена и структурирована соответствующая предметная реальность. Это, в свою очередь, означает, что у понятия деятельности нет единого, раз и навсегда фиксированного содержания, которое как инва-



Владимир Михайлович Мунипов — один из основателей эргономики в СССР, зам. директора по науке ВНИИТЭ

риант выступает в любых предметных конструкциях. Даже в рамках одного предмета (например, психологии) содержание и объяснительные функции этого понятия должны более или менее заметно видоизменяться, если изменяется характер предмета, в рамках которого оно работает: содержание, которое позволяло успешно строить объяснение происхождения и формирования психики, оказывается малоэффективным, когда предметом изучения выступает сформировавшаяся деятельность, а тем более в тех случаях, когда речь идет о проектировании новых, прежде не существовавших видов деятельности" [10, с. 301–302.] Далее автор анализирует деятельность как предмет научного познания и приходит к выводу, что в отличие от деятельности как объяснительного принципа, который может описывать всю реальность, деятельность как предмет исследования есть особая проекция этой реальности. Так, для общего понятия деятельности его предметными проекциями выступают понятия деятельности в социологии, психологии, языкознании и других науках. Для каждой предметной проекции (например, трудовой деятельности, конструкторской, операторской и т.п.) могут строиться адекватные именно для той или иной реальности концептуальные представления.

Таким образом, возникла потребность, выражаясь словами В.П. Зинченко и В.М. Мунипова, наведения "концептуальных мостов" между общими положениями системно-деятельностного подхода и конкретными эргономическими исследованиями. "В этих целях в эргономике разрабатывались концептуальные схемы, которые представляют рельефное выражение существа теоретических представлений в оперативном виде с указанием реализующих их исследовательских процедур и возможностей применения. Центральное место в структуре концептуальной схемы занимают моделирующие представления. С одной стороны, они придают целостность и организованность как исследовательским процедурам, обусловливая оперативные правила их реализации (отбор экспериментального материала, способы получения и интерпретации данных), так и организационно-методической стороне исследования в целом. С другой стороны, моделирующие представления получают свое теоретическое обоснование через формируемые при изучении того или иного аспекта изучаемого объекта содержательные принципы, вырабатываемые средствами той или иной науки" [1, с. 18].

В.П. Зинченко и В.М. Мунипов предположили, что наиболее совершенными и эффективными могут оказаться модели, где количество свойств, качеств человека, поставленных в функциональную связь с его положением в системе, является максимальным. Именно поэтому для оптимизации деятельности и обеспечения эффективности сложных человеко-технических систем недостаточно компетенции отдельных наук, изучающих различные аспекты трудовой деятельности. Используя данные, получен-

ные другими науками, эргономисты должны организовывать специальные исследования, формулировать специфические для них цели и задачи, разрабатывать свои исходные представления и средства и таким образом проектировать условия и способы деятельности человека в системе. Однако основной методологической проблемой изучения комплексного системного объекта была и остается проблема синтеза знаний, концептуальных представлений разных наук.

Авторы оперируют понятием "человеческие факторы", которое интерпретируется ими как "важнейшие интегральные характеристики СЧМ[2], представляют собой, таким образом, некоторую суперпозицию исходных показателей, а соответственно и фиксированные (или динамичные) функциональные связи между элементами и компонентами СЧМ. Поскольку система "человек — машина" представляет собой определенную функциональную структуру, то с эргономической точки зрения человеческие факторы выступают как основные, системообразующие элементы, или таксономические единицы анализа функциональной структуры системы" [4].

Человеческие факторы — не изначально заданная номенклатура качеств человека. Для каждой проектируемой системы "человек — техника — среда" они выявляются путем предварительного анализа задач конкретной системы, функций человека в ней, особенностей его трудовой деятельности. Понятие деятельности соответственно служит и теоретической основой приведенной выше трактовки человеческих факторов.

Таким образом, для реализации конкретных эргономических исследований и проектирования человеко-машинных систем во ВНИИТЭ была разработана концептуальная схема, некий методологический подход, который позволял эффективно решать задачи

Владимир Петрович Зинченко — один из основателей эргономики в СССР

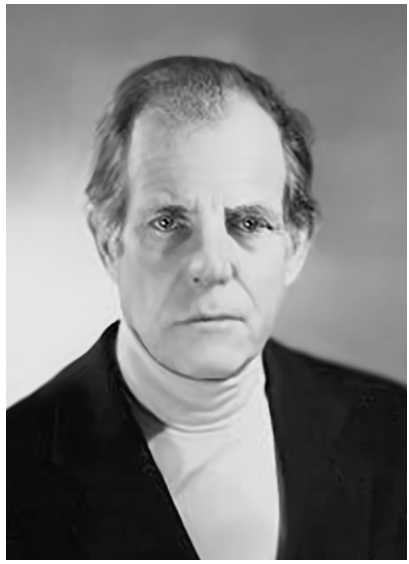
модернизации действующей и создания новой техники или технологии. Эта схема представляла собой поэтапный переход от анализа деятельности к формированию свойств системы. На каждом этапе в группу могли включаться специалисты самого разного профиля, поскольку в основу эргономических требований к системе могут быть положены самые разнообразные характеристики человека — гигиенические, психологические, физиологические, антропометрические.

Если *деятельность* человека является предметом анализа и проектирования, осуществляемого эргономистом, то ее продукт — эргономические свойства системы, выраженные в конструкции технического средства и организации рабочего процесса.

Опираясь на анализ *деятельности* человека с техническими средствами, эргономист выявляет *факторы*, влияющие на ее осуществление, определяет значимость каждого из них и их взаимосвязь. Результат служит основанием конкретизации общих эргономических *требований* (и разработки частных) к создаваемому или подлежащему модернизации оборудованию. На основе сформулированных требований к техническим средствам их конструкции придаются эргономические *свойства* управляемости, обслуживаемости, обитаемости.

Одним из первых результатов непосредственного сотрудничества дизайнеров с эргономистами

[2] Система "человек — машина". — *Прим. ред.*



Георгий Михайлович Зараковский — один из основателей эргономики в СССР, зав.отделом ГНИИ авиационной и космической медицины

стала модернизация токарно-копировального полуавтомата итальянской фирмы UTITA в 1975 году. Совместная работа проходила с начальной стадии проектирования. Как показано О.Н. Чернышевой “Эргономический анализ деятельности, выполненный в процессе работы над проектом станка UTITA, позволил создать и обосновать предпроектную эргономическую модель, эффективно использованную дизайнерами. В процессе работы были выявлены:

• психологическое содержание деятельности каждого из профессионалов — наладчика и оператора-станочника;

• физиологическая цена, в частности величина усилий, требуемых в их деятельности;

• поведенческие проявления деятельности каждой из выделенных групп профессионалов;

• оценены пространственные характеристики реальной рабочей зоны;

• выявлены пространственные характеристики зоны оптимальной работы” [9, с. 210].

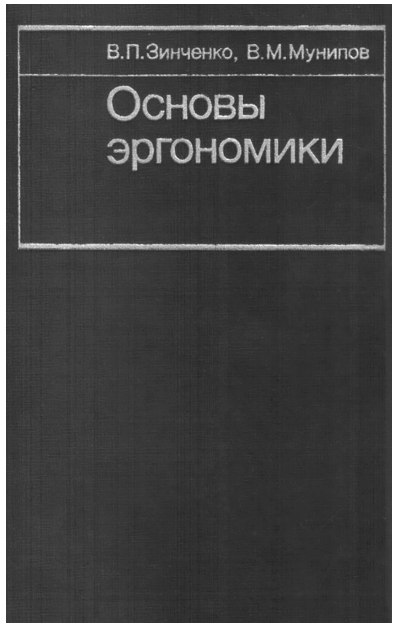
Необходимо различать коррективную и проективную эргономику. Исследования первой направлены на выявление и коррекцию недостатков той или иной технической системы. Приведу пример формулировки цели реальной работы такого типа. Основной целью являлась разработка комплекса эргономических требований для обеспечения повышения безопасности и эффективности деятельности персонала с оборудованием подземных производственных участков угольных шахт при одновременном снижении уровня утомляемости, энергетических и психических затрат, повышении функционального тонуса работника. В процессе данного исследования решались задачи выявления комплекса технических средств, требующих эргономического анализа и построения возможно более полного набора эргономических требований к электрооборудованию, приборам и средствам автоматизации, условиям осуществления производственной деятельности в подземных угольных шахтах.

Цель проективной эргономики состоит, по мнению Л.Д. Чайновой, “в изначальном закладывании в проектируемые объекты свойства, гарантирующие максимальное соответствие этих объектов возможностям человека по восприятию и переработке информации, принятию решений, выполнению моторных управляющих и регулирующих действий, обеспечивающих здоровье, безопасность работающего человека и нормальные условия его обитания” [там же, с. 17–18].

Проективная эргономика — это в первую очередь организация специальных исследований с привлечением на разных этапах представителей тех или иных отраслей науки, изучающих человека. В ходе этих исследований анализируются как типичные формы и виды деятельности, так и новые, возникающие в процессе развития техники и технологий. В результате возникает необходимость создания методической базы анализа и формализации

человеческой деятельности, выявление факторов, определяющих эффективность тех или иных ее видов. Эти задачи, по мнению В.П. Зинченко и В.М. Мунипова, “побуждают анализировать факторы, влияющие на протекание различных видов деятельности, составлять эргономическую типологию видов деятельности, разрабатывать собственные, специфические, исследовательские методы проективной эргономики” [4].

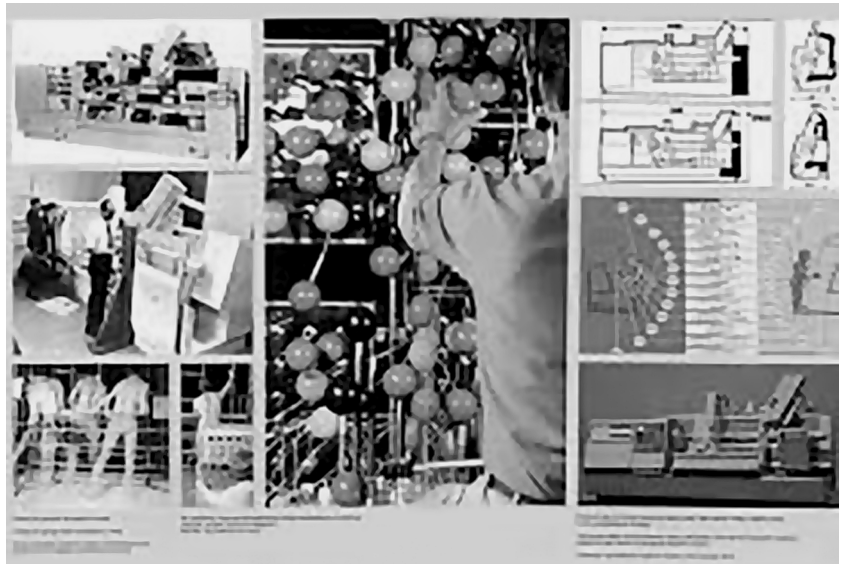
Проективная эргономика включает в себя не только обеспечение эргономичности свойств технических средств, с которыми работает человек, но проектирование самой деятельности в случаях ее радикального изменения или возникновения новой. В качестве примера можно привести исследование по обеспечению лазерного раскроя ткани, заказанного ВНИИТЭ одним из проектно-конструкторских бюро в середине 1980-х годов. В то время лазерный раскрой применялся в судостроении, но в мире моды и одежды это было новым словом. Персональных компьютеров в нашей стране не было. Автоматизированные системы управления (АСУ) и проектирования (САПР) занимали много места, средства отображения информации были далеки от совершенства. Эргономисты проанализировали всю цепочку создания изделия “модельер — конструктор — технолог — раскройщик”. Этот анализ показал, что с внедрением технических средств САПР, АСУ и лазерного раскроя отпадает необходимость в профессиональной деятельности технолога и раскройщика. В то же время радикально изменяется деятельность модельера и конструктора. Это изменение связано с необходимостью овладения техническими средствами, работой с системами отображения информации, освоением программного обеспечения и т.п.[3] Даже сейчас, когда лазерный раскрой широко используется в текстильной промышленности, эта проблема еще не решена. Современные разработчики позиционируют свою систему “ЛЕКО” как первую САПР модельера-конструктора, в которой предлагается целостный проработанный теоретически и реализованный практически подход к конструированию одежды с использованием компьютера. Систему “ЛЕКО” отличает от используемых в настоящее время отечественных и зарубежных САПР то, что она автоматизирует именно создание конструкции и лекал. Однако сами разработчики отмечают, что далеко не все готовы преодолеть психологический барьер общения с машиной. Сложности возникают в процессе самостоятельной формализации конструкторских знаний и опыта. Кроме того, отсутствуют методики, ориентированные на машинную обработку, а также какой-либо математический аппарат, обеспечивающий работу модельера-конструктора [7].



Книга В.П. Зинченко и В.М. Мунипова “Основы эргономики” (1979)

На разных этапах проектирования эргономисты анализируют внешние (орудия труда, характеристики рабочего места и т.п.) и внутренние средства деятельности

[3] К сожалению, по независящим от группы эргономистов обстоятельствам, данная работа не была завершена.



Эргоформотрон. Моделирование деятельности на токарно-копировальном станке UTITA

человека: психические и психофизиологические функции, здоровье и эмоциональная сфера, функциональное состояние и мотивация, его опыт, знания и т.п. Анализ внутренних средств деятельности не только опирается на фундаментальные психологические исследования и моделирование высших психических функций, но и вносит свой вклад в развитие различных отраслей психологического знания. В процессе эргономического проектирования деятельности решаются вопросы:

• определения структуры и алгоритмов работы в системе “человек — машина — среда”;

• распределения функций как между специалистами, так и между человеком и техникой;

• определения способов выполнения работы, требований к профессионально важным психологическим качествам человека;

• определения требований к свойствам проектируемой техники (средствам отображения информации, органам управления, компоновке рабочего места) и определенным условиям труда.

Так достигается целостная характеристика — эргономичность техники, что означает придание ей свойств управляемости, обслуживаемости, освояемости и обитаемости.

В.П. Зинченко и В.М. Мунипов считают, что деятельность человека представляет собой начало и завершение эргономического исследования, эргономической оценки, эргономического проектирования. “Понятие деятельности, — по их мнению, — соответственно служит и теоретической основой приведенной выше трактовки человеческих факторов. Поэтому в эргономике формируются новые концептуальные схемы деятельности и новые методы ее анализа, что, в свою очередь, стимулирует разработку общей теории трудовой деятельности” [4].

Методологической основой как эргономики в целом, так и эргономического проектирования в частности, являлся системно-деятельностный подход, который позволял рассматривать в единстве, в совокупности взаимосвязей деятельность субъекта труда, комплекс его самых разнообразных качеств, характеристики технических средств и среды.

В заключение приведем слова В.М. Мунипова, полагавшего, что “Человечески ориентированное

преобразование и совершенствование различных сфер практики (а в этом основное инновационное предназначение эргономики) невозможно осуществить без эргономического проектирования, задающего векторы соответствующих научных исследований. Такое соотношение проектной практики и сферы научных исследований в эргономике нуждается в теоретическом обосновании, тем более что теория и практика эргономики реализуют в процессе проектирования не только собственно эргономическую функцию, но и методологическую, выступая в качестве нетрадиционного метода построения целостного объекта проектирования" [6].

* * *

Сформулируем некоторые выводы:

■ Основатели эргономики в нашей стране (В.П. Зинченко, В.М. Мунипов, Г.М. Зараковский, Л.Д. Чайнова и др.) осуществили успешную попытку методологического и теоретического обоснования ее статуса как междисциплинарного, научного и проектировочного направления нового типа, опирающегося на системную методологию (Э.Г. Юдин) и деятельностный подход;

■ Для междисциплинарных исследований в отечественной эргономике второй половины прошлого века было характерно не использование результатов, независимо полученных в разных областях науки, изучающих человека, а организация специального исследования, в процессе которого происходит синтез представлений различных дисциплин;

■ В процессе такого рода исследований происходило взаимное обогащение новыми знаниями как самой эргономики, так и включенных в исследование различных научных дисциплин, изучающих человека;

■ Для эргономики характерны комплексность разработок и их ориентация на проект, что позволяет говорить о некоторых общих чертах, характерных для междисциплинарных исследований во второй половине прошлого века и в настоящее время.

Литература

1. Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1980.

2. *Борзенков В.Г., Юдин Б.Г.* Методологические основания комплексного изучения человека // Многомерный образ человека. М.: Наука, 2001. С. 19.

3. *Зарецкий В.К.* О двух типах методологических средств // Эрик Григорьевич Юдин / Под ред. Б.Г. Юдина. М.: РОССПЭН, 2010. С. 305.

4. *Зинченко В.П., Мунипов В.М.* Основы эргономики. М.: Изд-во МГУ, 1979. URL: http://www.klex.ru/c71 (дата обращения: 18.04.2016.)

5. *Меденков А.А.* Г.М. Зараковский — основоположник отечественной авиационной эргономики. URL: http://aviapanorama.ru/2014/11/g-m-zarakovskij-osnovopolozhnik-otechestvennoj-aviacionnoj-ergonomiki/ (дата обращения: 25.04.2016).

6. *Мунипов В.М.* Прикладная эргономика — эффективное средство рыночной экономики // Прикладная эргономика. 1993. № 1. С. 8.

7. Принципы, заложенные в основу системы "ЛЕКО". URL: http://lekala.info/leko/firm1.htm (дата обращения: 15.10.2016).

8. *Семенов И.Н.* Организационная методология психологии труда В.М. Мунипова и стратегическое проектирование им эргономики и дизайна // Культурно-историческая психология. 2013. № 3. С. 12–21.

9. Эргодизайн промышленных изделий и предметно-пространственной среды. М.: Гуманитар. Изд. центр "ВЛАДОС", 2009.

10. *Юдин Э.Г.* Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки. М., 1978.

ЛИЧНОСТЬ И ВЛАСТЬ

АЛЬБЕРТ ЭЙНШТЕЙН, НЕВОЗВРАЩЕНЕЦ

© 2017

Е.М. Беркович

Беркович Евгений Михайлович — кандидат физико-математических наук. Главный редактор журналов “Семь искусств”, “Заметки по еврейской истории”. Постоянный автор журнала.
E-mail: evgberkovitch@gmail.com

“Решил не ступать больше на немецкую землю”

Известие о назначении Гитлера рейхсканцлером Германии застало Эйнштейна в Америке. По договоренности с Прусской академией наук он полгода работал в Берлине, а полгода читал лекции в Калифорнийском технологическом институте в Пасадене. Эйнштейн уже должен был возвращаться в Германию, но смена правительства 30 января 1933 года перечеркнула все планы.
В письме своей близкой знакомой Маргарите Лебах (Margarete Lebach) 27 февраля 1933 года ученый писал: “Из-за Гитлера я решил не ступать больше на немецкую землю... От доклада в Прусской академии наук я уже отказался” [11, S. 227].

Не прошло и суток, как жизнь подтвердила правильность принятого решения. На следующий день после поджога рейхстага в ночь на 28 февраля 1933 года были запрещены многие газеты и журналы, стоявшие в оппозиции к новому немецкому правительству. Власти закрыли, среди прочих, еженедельник “*Вельтбюне*” (“Weltbühne”, “Мировая арена”). Последний номер вышел седьмого марта, на последней странице читатель мог прочесть: “После событий 27 февраля ряд лиц был арестован. Среди них наш издатель Карл фон Осецкий” [15, S. 336].

Пацифист, писатель и журналист, лауреат Нобелевской премии мира за 1935 год, так и не получивший ее и умерший в тюремной больнице в 1936 году, Осецкий был близок по взглядам с Эйнштейном, состоял с ним в длительной переписке. Именно Эйнштейн предложил в 1935 году кандидатуру арестованного журналиста нобелевскому комитету. Весть об аресте Осецкого в феврале 1933 года потрясла Альберта. Накануне своего отъезда из Лос-Анджелеса, состоявшегося 12 марта, ученый дал интервью корреспонденту газеты “Нью-Йорк Уорлд Телеграм” (“New York World Telegram”) Эвелин Сили (Evelyn Seeley). Его заявление, сделанное в этом интервью, потом перепечатывали газеты всего мира.

Эйнштейн нашел простые и убедительные слова, объясняющие его решение, и дал четкую характеристику происходяще-

го в Германии: “Пока у меня есть возможность, я буду находиться только в такой стране, в которой господствует политическая свобода, толерантность и равенство всех граждан перед законом. Политическая свобода означает возможность устного и письменного изложения своих убеждений, толерантность — внимание к убеждениям каждого индивидуума. В настоящее время эти условия в Германии не выполняются. Там как раз преследуются те, кто в международном понимании имеет самые высокие заслуги, в том числе, ведущие деятели искусств. Как любой индивидуум, психически заболеть может каждая общественная организация, особенно когда жизнь в стране становится тяжелой. Другие народы должны помогать выстоять в такой болезни. Я надеюсь, что и в Германии скоро наступят здоровые отношения и великих немцев, таких как Кант и Гёте, люди будут не только чествовать в дни редких праздников и юбилеев, но в общественную жизнь и сознание каждого гражданина проникнут основополагающие идеи этих гениев” [11, S. 227].

Эйнштейн вынужден был прервать интервью, так как его ждали на научном семинаре. Эвелин Сили в заключение статьи написала, что когда великий физик после окончания семинара пересекал университетский двор, земля дрожала под его ногами: в Лос-Анджелесе именно в этот момент случилось одно из самых сильных землетрясений в истории города. Но ученый спокойно шел к себе домой.

“Я никогда не был особенно высокого мнения о немцах”

Завершив дела в Пасадене, Альберт с женой отправились в Европу. 28 марта 1933 года их корабль бросил якорь в Антверпене.

Отказавшись от первоначальных планов вернуться в Швейцарию, где жила Милева с сыновьями, Альберт собирался остаться в Бельгии на длительный срок, поэтому он не принял предложения бельгийских друзей погостить у них и снял скромную виллу в курортном местечке Ле-Кок-сюр-Мер недалеко от города Остенде. Вилла напоминала его летний домик в местечке Капут под Берлином и располагалась в живописных дюнах — прекрасное место для долгих прогулок и размышлений. Оттуда ученый сразу отправил письмо руководству Прусской академии наук, в котором отказывался от звания академика. А еще через неделю, 4 апреля 1933 года, Эйнштейн второй раз в жизни заявил, что отказывается быть гражданином Германии.

В первых числах апреля стало известно, что банковские счета Эйнштейнов в Берлине конфискованы. Потеря тридцати тысяч марок не очень опечалила ученого. Он оказался на удивление предусмотрительным, словно предвидел такое развитие

событий и все свои доходы за пределами Германии переводил на счета в Лейдене и в Нью-Йорке и особых материальных трудностей не испытывал. К тому же всем, близко знавшим Эйнштейна, было хорошо известно как мало его заботят бытовые неурядицы. Правда, экономная супруга ученого Эльза убеждала мужа выступить с протестом и привлечь мировое внимание к бесчинствам гитлеровских властей, чтобы добиться хотя бы какой-то материальной компенсации, но физик решительно отказался — он не хотел использовать свое мировое признание для решения личных неурядиц.

Относившийся к житейским проблемам с юмором, Альберт нашел и здесь повод пошутить: “В Берлине у меня оставалась яхта и подруги. Гитлер забрал только первую, что для последних явно оскорбительно” [18, S. 23].

Между тем жизнь в Ле-Кок-сюр-Мер постепенно налаживалась. Из Берлина приехали верная секретарша Эйнштейна Хелен Дукас (Helen Dukas) и Вальтер Майер (Walther Mayer, 1887–1948), помогавший Альберту в сложных расчетах. Дочери Эльзы Марго и ее мужу Дмитрию Марьянову удалось в начале апреля выбраться из Берлина в Париж, так что обыск на квартире Эйнштейна на Хаберландштрассе в поисках Марьянова окончился для нацистов безрезультатно. В Берлине оставалась Ильза, вторая дочь Эльзы, и ее муж Рудольф Кайзер (Rudolf Kayser), пытавшиеся спасти от нацистов бумаги Эйнштейна, его библиотеку и, по возможности, другие важные для ученого вещи.

В конце мая 1933 года отряд СА снова совершил набег на квартиру Эйнштейна, забрав оттуда картины, ковры и все более или менее ценные предметы. К счастью, бумаги их не интересовали, и архив ученого с помощью французского посла Андре Франсуа-Понсэ (André François-Poncet, 1887–1978) удалось дипломатической почтой переправить во Францию, а оттуда кораблем в Америку.

До прихода Гитлера к власти Эйнштейн не мог решить однозначно, уезжать ли ему из Германии окончательно или нет.

С одной стороны, ему нравился Берлин возможностью контактов с лучшими физиками планеты. Он ценил место профессора Прусской академии, позволявшее ему сконцентрироваться на научных исследованиях, не тратя время и силы на преподавание. Эльза вспоминала, что возвращаясь домой с физических семинаров, Альберт говорил: “такого количества выдающихся физиков нигде больше не найти” [1, с. 512].

Еще в 1932 году, когда стало известно, что во вновь создаваемом Абрахамом Флекснером (Abraham Flexner, 1866–1959) Институте перспективных исследований будет несколько месяцев в году работать создатель теории относительности, Эйнштейн подчеркнул в интервью газете “*Нью-Йорк Таймс*”: “Я не покину Германию. Моим постоянным местом жительства и дальше будет оставаться Берлин” [13, S. 737]. И только при-

ход Гитлера к власти подтолкнул сделать решительные шаги. С другой стороны, у Эйнштейна всегда было ощущение, что в Берлине на него постоянно что-то давит, “и всегда было предчувствие, что добром это не кончится” [1, с. 512].

В воспоминаниях Филиппа Франка (Philipp Frank, 1884–1966), которого Эйнштейн рекомендовал на свое место профессора пражского Немецкого университета в 1912 году, говорится о чувстве опасности, которое не оставляло физика. Когда национал-социалистическое движение только зарождалось, Альберт одним из первых предвидел, чем это закончится. Когда в 1921 году автор теории относительности делал доклад в Праге, он поделился с другом опасениями. “Он считал тогда, в 1921 году, что вряд ли пробудет в Германии больше десяти лет. В своей оценке он ошибся всего на два года” [14, S. 292]. Когда Альберт еще юношей первый раз подал прошение о выходе из немецкого гражданства, решающим для него было неприятие господствовавших в школах Германии порядков прусской казармы, когда ученики обязаны беспрекословно подчиняться учителям. Отсутствие свободы, неуважение к личности учащегося было непереносимо для будущего создателя новой физики.

В 1933 году, во второй раз отказываясь называться немцем, он вспомнил свои чувства конца прошлого века: “Снова мстит немцам пагубная система образования, заложенная Бисмарком” [13, S. 751]. Новое принятие немецкого гражданства в 1914 году было необходимой бюрократической формальностью, без которой Эйнштейн не смог бы стать членом Прусской академии и занять в ней должность профессора, т. е. стать государственным служащим. К тому же во времена Веймарской республики у ученого была надежда на победу демократии, но и тогда он не чувствовал себя в немецкой среде “своим”. В 1925 году, путешествуя по Южной Америке, Альберт записал в путевом дневнике: “Я для них словно диковинный цветок, и они снова и снова вставляют меня в петлицу” [Ibid.].

Находясь недалеко от границы с Германией и опасаясь за своих близких, Эйнштейн не позволял себе таких резких публичных заявлений, как в Америке, но в частной переписке не скрывал своего презрения к тем, кто охотно встал на сторону Гитлера. Особенно его возмущали образованные круги, прежде всего профессура. В письме близкому другу Паулю Эренфесту от 1 мая 1933 года Эйнштейн сформулировал свои требования к зарубежным членам немецких научных обществ: “не соучаствовать в том, что делают эти общества, беспрекословно подчиняясь властям, которые преследуют либералов и евреев. И если призывы не помогают, то новый разрыв международных связей между учеными, на мой взгляд, был бы оправдан” [Ibid.]. Другому верному товарищу Максу Борну в письме от 30 мая 1933 года Эйнштейн признавался: “Ты знаешь, я никогда не был особенно высокого мнения о немцах (в политическом и мо-

ральном смыслах). Но сейчас я должен сказать, что они меня в какой-то степени поразили своей жестокостью и трусостью" [12, S. 160].

Конечно, Эйнштейн знал, что многие немцы стыдятся своего правительства и его преступных действий, но ни симпатии, ни сочувствия к своим согражданам он не испытывал, считая их лично ответственными за то, что произошло со страной. В письме Эренфесту 19 мая он выразил это предельно четко: "Я был свидетелем того, как они годами согревали змею на груди, а когда черт выскочил из табакерки, они попрятались в свои мышиные норы. Последствия своей безответственности они скоро ощутят на своей шкуре" [13, S. 751].

На близких Альберта произвел впечатление альбом фотографий, попавший в те дни в Ле-Кок-сюр-Мер. В альбом с запоминающимся названием "Евреи смотрят на тебя" вошли изображения главных врагов гитлеровского режима. На первой странице стояла фотография Эйнштейна. Подпись гласила: "Открыл оспариваемую многими теорию относительности. Прославлен еврейской прессой и доверчивыми немцами. Показал свою благодарность, участвуя за границей в пропагандистской травле Гитлера". В скобках рядом стояло: "Еще не повешен" [10, с. 338].

Сам ученый относился к подобным выходкам нацистов с презрением, не проявляя сильных эмоций. Как и во многих других ситуациях, он мог оставаться холодным наблюдателем, четко фиксируя события и давая им беспристрастную оценку. Решение Борна уехать из страны и оставить свой пост директора института теоретической физики в Геттингене несмотря на то, что закон давал Максу возможность побороться, Эйнштейн одобрил. Оставаться в Германии в сложившихся обстоятельствах он считал бессмысленным и опасным.

Постепенно к этой мысли приходили даже такие убежденные немецкие патриоты, как Фриц Габер. Его как ветерана Первой мировой войны формально не могли уволить с должности директора института Общества кайзера Вильгельма, но Габер решил сам покинуть родину в знак протеста против увольнения своих еврейских сотрудников.

Зная, как сильно привязан Габер к Германии, Эйнштейн находит для него слова утешения. Для честных и храбрых мужей в нынешней "Тевтонии" нет больше места, поэтому жалеть о своем уходе не следует. "Не дело интеллигентному человеку работать с людьми, которые лежат на брюхе перед преступниками, при этом до известной степени этим преступникам симпатизируя. Меня они не очень и удивляют, так как я никогда их особенно не уважал, за исключением некоторых прекрасных личностей (Планк благороден на 60% и Лауэ на 100%)" [13, S. 752].

Эйнштейн раньше многих своих современников предсказал печальную судьбу ведомой Гитлером Германии. Ведь тогда

многие еще верили, что самого страшного не произойдет, что угрозы Гитлера останутся риторикой. Но Альберт уже твердо знал, что прежней Германии не будет. Знакомому физику из Англии Фредерику Линдеману (Frederick Alexander Lindemann, 1886–1957), будущему советнику Черчилля по науке, Эйнштейн написал 1 мая 1933 года: “В страну, где я родился, я больше не вернусь” [Ibid.].

“У меня больше профессорских мест, чем разумных мыслей”

Предложений занять профессорскую кафедру Эйнштейн получал множество. Мало какой университет мира не хотел бы заполучить в свой штат признанного лидера физиков-теоретиков, нобелевского лауреата и автора основополагающих работ новой физики. Не следует забывать, что Эйнштейн был связан обязательством проводить несколько месяцев в году в Институте перспективных исследований в Принстоне, и Абрахам Флекснер, основавший в 1930 году этот институт и бывший его первым директором, тоже горел желанием сделать Альберта постоянным сотрудником.

К удивлению многих, Эйнштейн нередко принимал новые предложения, о чем с восторгом писали газеты, но потом, по зрелому размышлению, брал свое согласие назад. Многие университеты, предлагая Эйнштейну место профессора, тем самым выражали протест против волны увольнений еврейских ученых в Германии. Альберт понимал эту подоплеку и ему трудно было отказать приглашавшим. 5 мая 1933 года он писал в Париж своему другу П. Ланжевену: “Вы будете теперь думать, что я должен был как испанские, так и французские предложения вежливо отклонить, так как то, что я действительно могу делать, не вяжется с тем, чего от меня ждут. Однако такой отказ при современных обстоятельствах был бы неправильно понят, так как оба приглашения носили, хотя бы отчасти, характер политической манифестации, чей успех поначалу важнее всего” [11, S. 237].

Альберт охотно согласился прочитать несколько лекций в Брюсселе, Париже и Оксфорде. Скоро предложений стало так много, что он жаловался в апреле 1933 года другу молодости Соловину: “*у меня больше профессорских мест, чем разумных мыслей в голове*” [13, S. 752].

Поначалу Эйнштейн принял очень заманчивое приглашение Мадридского университета и собирался с лета 1934 года насовсем перебраться в Испанию. Особенно важно для него было устроить на постоянную должность своего ассистента Вальтера Майера, на помощь которого очень рассчитывал при решении сложных математических проблем.

Вальтер был математиком, специалистом по интегральным уравнениям, дифференциальной геометрии и топологии. Обе

докторские диссертации он защитил в Венском университете, где в 1926 году стал приват-доцентом, однако дальнейшему карьерному росту там мешал сильный академический антисемитизм. По рекомендации знаменитого Рихарда фон Мизеса (Richard von Mises, 1883–1953) Вальтер в 1929 году стал личным ассистентом Эйнштейна, вместе они трудились над неподдающейся единой теорией поля. За четыре года Альберт так привык к помощи Майера, что с трудом представлял себе дальнейшую работу без своего ассистента. Кроме того, великий физик чувствовал личную ответственность за его судьбу. Испанцы обещали предоставить должность профессора математики и Майеру, что и склонило Эйнштейна принять предложение Мадрида.

О возможном переезде ученого в испанскую столицу писала газета "Нью-Йорк Таймс 11 апреля 1933 года: "*Испанский министр заявил, что физик согласился занять место профессора*" [1, с. 513].

Подобные сообщения, безусловно, нервировали Абрахама Флекснера, который рвался заполучить Эйнштейна к себе в Принстон. Альберт воспользовался этим, чтобы и здесь добиться каких-то гарантий для своего ассистента. В письме Флекснеру в том же апреле физик прозрачно намекает: "Из газет Вы уже знаете, что я согласился занять место в Мадридском университете. Испанское правительство гарантировало мне право рекомендовать им математика, который станет полным профессором. Его отсутствие может создать мне затруднения для моей собственной работы" [Ibid.].

Флекснер вынужден был уступить и обещать Вальтеру Майеру пусть не профессорское, но постоянное место в штате Института перспективных исследований. Это и предопределило, в конце концов, окончательное решение Эйнштейна.

Надо сказать, что Флекснер в письме от 26 апреля 1933 года предостерегал Эйнштейна от чрезмерной привязанности к ассистенту, доходящей до зависимости, и приводил примеры того, к чему это может привести. Физик тогда не прислушался к этим советам, а зря. Флекснер оказался прав: после трех лет совместной работы в Принстоне Майер прекратил работу с Эйнштейном и занялся собственными исследованиями.

Из мадридского предложения ничего не вышло. Какие-то женские и католические организации Испании начали публично протестовать против назначения Эйнштейна, и тот, в конце концов, отказался от переезда на Пиренейский полуостров [10, S. 339].

Вопрос с постоянным местом работы и жительства оставался открытым. Принимать предложение Флекснера переехать в Принстон насовсем Эйнштейн не торопился. У него были основания скептически относиться к Америке, к атмосфере, царившей в ее научных и учебных заведениях. Ему нравилась страна, которая, как и он сам, высоко ценила свободу и права

личности. В то же время истинному европейцу, каким всегда считал себя Альберт, были не по душе излишняя простота нравов, доходившая до грубости, и постоянное стремление к материальной выгоде. В апреле 1932 года Эйнштейн предостерегает лейденского друга Эренфеста, просившего найти ему работу в Америке: “Должен сказать откровенно, в долгосрочной перспективе я предпочел бы жить в Голландии, а не в Америке. Не принимая в расчет горстку действительно прекрасных ученых, это скучное и пустое общество, способное вскоре заставить тебя содрогнуться” [1, с. 495].

Была бы его воля и подходящие условия для работы в Европе, он бы не стремился перебраться через океан. Друзья во Франции, прежде всего Поль Ланжевен, попытались добиться от правительства новой ставки профессора математической физики в Коллеж де Франс (Collège de France) в Париже. И это предложение Эйнштейн вначале принял, но, поразмыслив, отказался. Только сейчас он по-настоящему оценил преимущества своей берлинской работы — профессор Прусской академии наук не должен был читать обязательных лекций студентам, а в Париже, Мадриде и других университетских центрах это стало бы главной обязанностью профессора. В письме Ланжевену от 4 июля 1933 года Эйнштейн именно этим обосновал свой отказ:“...я не подхожу для того, чтобы читать большое число лекций, которые могли бы быть полезными молодым людям” [13, S. 753]. И чтобы отказ не обидел друга, Альберт рисует свой портрет исследователя:

“Я довольно много работал, правда, большинство снова выбросил, и я еще не знаю, оправдает ли себя то, что я сохранил. Я никакой не знаток, я только искатель. Но то, что я нашел, и то, что себя оправдало, знает каждый нормальный студент, и было бы смешно, если бы я ему это докладывал. Я кажусь себе старым котом, которого впрягли в маленький красивый вагончик, в то время как он ничего другого не может, как ловить мышей. Или представляю себя цыганом-скрипачом, который не может прочесть ни одной ноты, но должен стать первой скрипкой в симфоническом оркестре” [ibid.].

“Я выступаю против любых диктатур”

Об одном экзотическом приглашении Эйнштейна на работу, поступившем летом 1933 года, рассказал мне Борис Шайн, американский математик, работавший до 1979 года в Саратовском государственном университете [2]. Речь идет о предложении великому физику стать профессором этого учебного заведения. Приглашение исходило от Гавриила Константиновича Хворостина, влиятельного человека в городе и имевшего, как говорят, высокопоставленного покровителя в Москве. В 30-е годы Хворостин стал ректором (директором) Саратовского университета и мечтал, по его словам, сделать из СГУ “Гёттин-

ген на Волге” [4]. Надо сказать, что Саратов не был Эйнштейну совсем незнаком: здесь жил и работал профессор Милош Марич, с 1930 года заведующий университетской кафедрой гистологии, брат Милевы, первой жены физика.

По словам Бориса Шайна, Эйнштейн ответил, что ему никогда не выучить русский язык. Тогда Хворостин придумал хитрый план: создать Академию наук автономной республики немцев Поволжья, сделать Эйнштейна ее президентом с хорошей зарплатой, а жить и работать физик будет в Саратове. Хворостину было, конечно, известно, что Академии наук автономным республикам не положены, они существовали только в союзных республиках, но он надеялся этот вопрос уладить с помощью своего покровителя в ЦК ВКП(б).

Из этого плана ничего не вышло, но сама идея приглашения в СССР ученых-евреев из Германии, искавших спасения от преследования нацистов, была не нова. Только в Томском государственном университете им. Куйбышева работали математики из Германии Фриц Нётер (Fritz Noether, 1884–1941), Штефан Бергман (Stefan Bergmann, 1895–1977) и другие. Им удалось за два года осуществить уникальное по тем временам в Сибири издание “Известий НИИ математики и механики” на немецком языке, в котором печатался даже Альберт Эйнштейн [5].

Всего из Германии в Советский Союз эмигрировало в тридцатые и сороковые годы около трех тысяч немецких граждан. Большинство из них были коммунисты, спасавшиеся от репрессий гитлеровцев. Среди эмигрантов из Германии немалую часть составляли евреи.

Судьба большинства из них сложилась трагически. Бежав от одной диктатуры, они пали жертвами другой. Не исключено, что и Эйнштейну грозила подобная судьба, прими он предложение переехать в Саратов.

Трудности с русским языком были не единственной причиной, по которой Эйнштейн отказался переехать в Советский Союз. Из-за его левых взглядов, пацифистских настроений, неприятия нацизма многие считали его убежденным коммунистом, сторонником Коминтерна. Во время поездки в Америку он не раз сталкивался с протестами против его, якобы, сталинистских пристрастий. На самом деле любая диктатура, будь то сталинская или гитлеровская, были для ученого одинаково неприемлемыми, хотя он не ставил между ними знак равенства.

Собираясь в сентябре 1933 года в Америку, Эйнштейн дал интервью газете *“Нью-Йорк Ворлд Телеграм”* (The New York World Telegram), в котором подчеркнул: “Я убежденный демократ и именно поэтому я не еду в Россию, хотя получил очень радушное приглашение. Мой визит в Москву наверняка был бы использован советскими правителями в политических целях. Сейчас я такой же противник большевизма, как и фашизма. Я выступаю против любых диктатур” [11, S. 234].

В том же месяце в другом интервью, опубликованном одновременно в двух газетах — "Таймс оф Лондон" (The Times of London) и в "Нью-Йорк Таймс" (The New York Times) — Эйнштейн признался, что "иногда бывал одурачен организациями, представлявшимися чисто пацифистскими или гуманитарными, а на самом деле занимавшимися не чем иным, как закамуфлированной пропагандой на службе русского деспотизма" [1, с, 523].

И далее еще откровенней: "Я никогда не одобрял коммунизм, не одобряю его и сейчас". Ученый подчеркнул, что он против любой власти, "порабощающей личность с помощью террора и насилия, проявляются ли они под флагом фашизма или коммунизма" [Ibid.].

"Большевики мне больше по вкусу, чем их смешные теории"

Однако отношение Эйнштейна к большевистской диктатуре вовсе не было столь же бескомпромиссным, как к диктатуре Гитлера. Свои симпатии к идеям равенства и отсутствия эксплуатации Эйнштейн никогда не скрывал. Он был членом пацифистской организации "Союз нового отечества" (Bund neues Vaterland), которая после Первой мировой войны ставила перед собой задачу улучшения немецко-российских отношений. Осенью 1919 года три члена Союза — Альберт Эйнштейн, лауреат нобелевской премии мира Альфред Фрид (Alfred Hermann Fried, 1864–1921) и граф Гарри Кесслер (Harry Kessler, 1868–1937) — выступили с протестом против экономической блокады Советской России, объявленной странами Антанты в октябре 1919 года.

В январе 1920 года Альберт пишет Максу Борну: "Я должен тебе вообще-то признаться, что большевики мне больше по вкусу, чем их смешные теории. Было бы чертовски интересно на эти вещи посмотреть разок вблизи. Во всяком случае, движущая сила их лозунгов велика, так как военная машина Антанты, которая перемолола немецкие армии, растаяла в России как снег на мартовском солнце. У них в руководстве сидят толковые люди. Я читал недавно одну брошюру Радека — полное уважение, он свое дело понимает!" [12, S. 43–44].

Борн так прокомментировал письмо своего старшего товарища: "Политические взгляды Эйнштейна в этом письме особенно красноречивы. Он тогда, как и многие, верил, что большевистская революция принесет истинное освобождение от пороков нашего времени: милитаризма, бюрократического насилия, плутократии и надеялся на улучшение состояния дел коммунистами — как бы ни были смешны их теории... Во всяком случае, его надежда на русскую революцию покоилась больше на ненависти к господствовавшим на Западе властям, чем на рациональном рассмотрении правильности коммунистических идей" [Ibid., S. 46–47].

Руководствуясь своим общественным темпераментом, Эйнштейн не отказывался от самых диковинных предложений войти в некий комитет, возглавить какое-нибудь общество или подписать петицию против чего-то или в защиту кого-то. Для него было важно помочь слабым, преследуемым и угнетенным, поддержать борьбу с насилием, нарушением прав человека, разжиганием новой войны. Так он оказался членом, а то и почетным председателем нескольких десятков обществ, комитетов, советов...

С 1918 года Эйнштейн входил в Наблюдательный совет "Международного союза молодежи", основанного Леонардом Нельсоном (Leonard Nelson, 1882–1927). Без колебаний великий физик присоединился к Международному комитету рабочей помощи (Межрабпом) голодающим в России, созданному по призыву Ленина от второго августа 1921 года [6, с. 250]. Деятельность Межрабпома координировалась Коминтерном. Секретарем Комитета рабочей помощи был коммунист Вилли Мюнценберг (Willi Münzenberg, 1889–1940), известный в Берлине издатель, глава отдела пропаганды Коминтерна. Эйнштейн поддерживал с Мюнценбергом близкие отношения вплоть до своего окончательного отъезда из Германии.

Многие историки называют Мюнценберга самым эффективным пропагандистом первой половины XX века, гением дезинформации. Вилли был знаком с Лениным еще по Швейцарии и пользовался его безграничным доверием. В 1920 году Мюнценберг становится членом Коминтерна, фактически, ответственным за ведение коммунистической пропаганды на Западе. Несмотря на голод в России, Мюнценбергу выделялись огромные средства на создание благоприятного для Советов политического климата в Европе.

Чтобы заинтересовать либералов идеями большевизма, он создавал многочисленные организации, которые чаще всего маскировались под благотворительные фонды. В "сети" Мюнценберга попало множество европейских интеллектуалов, которых Ленин называл "полезными идиотами" [16].

Не избежал подобной участи и великий физик. В июне 1923 года Эйнштейн вошел в состав Центрального комитета "Общества друзей новой России", незадолго до того основанного Вилли Мюнценбергом вместо попавшегося на махинациях общества "Друзья Советской России". Вновь созданное общество издавало журнал "Новая Россия" (Das neue Russland), выходивший в Берлине на немецком языке. Его свежие выпуски регулярно высылались физику на дом [15, S. 303]. К этому обществу принадлежали также писатели Томас Манн и Альфред Дёблин (Alfred Döblin, 1878–1957).

Еще одно общество, в руководство которого пригласили Эйнштейна, было создано по инициативе российского Народного комиссариата просвещения. Учредительное собрание общества "Культура и техника" состоялось в Доме ученых

в Москве 8 марта 1924 года. Сам физик на собрании не присутствовал, но прислал приветствие, в котором описал задачи вновь создаваемого общества. С советской стороны его возглавил торгпред России в Берлине Борис Спиридонович Стомоняков (1882–1940), впоследствии заместитель наркома иностранных дел СССР. Эйнштейн был избран почетным председателем Общества, под эгидой ученого, но без его непосредственного участия прошла в Москве 8–15 января 1929 года "Неделя германской техники", устроенная обществом "Культура и техника".

Общество активно развивалось, в 1926 году оно насчитывало 56 членов (из них шесть — коллективных), а в 1932 году — уже 176 представителей научно-технической интеллигенции двух стран. С приходом нацистов к власти деятельность общества "Культура и техника" стала приходить в упадок, и в 1937 году Общество было ликвидировано (Райхцаум, 2007).

К участию в перечисленных организациях можно добавить почетное президентство с 1922 года в "Доме отдыха выздоравливающих ученых и художников в Бад Эмсе", почетное членство с 1926 года в Профсоюзе немецких работников умственного труда и с 1927 года членство в Попечительном совете "Фонда Вальтера Ратенау" [Ibid., S. 301]. В том же году Эйнштейн вместе с французским писателем-коммунистом Анри Барбюсом (Henri Barbusse, 1873–1935) становятся почетными президентами "Лиги против империализма и за национальную независимость". К этой же лиге принадлежал ганноверский философ и публицист приват-доцент (экстраординарный профессор) Высшей технической школы (Технического университета) Теодор Лессинг (Theodor Lessing, 1872–1933), прославившийся пророческим предвидением прихода Гитлера к власти во время президентских выборов в Германии в 1925 году.

Осенью 1923 года в берлинских изданиях появились сообщения, что создатель теории относительности несколько дней провел в Москве и Петрограде. Об этом сообщали, например, газеты "Дойче Альгемайне Цайтунг" (Deutsche Allgemeine Zeitung) 15 сентября 1923 года или "Фоссише Цайтунг" (Vossische Zeitung) № 359 [13, S. 620]. На самом деле Эйнштейн ни тогда, ни потом в СССР не приезжал ни на день. За коммунистическим экспериментом он предпочитал наблюдать и высказывать свои симпатии, находясь на безопасном расстоянии от границ Советского Союза.

В 1930 году в СССР состоялось несколько показательных процессов против "вредителей" и других "врагов народа". Наиболее известно "дело" так называемой Промпартии. Но был еще один судебный процесс — против "организаторов голода". Ведь надо было найти виноватых в том, что в результате сталинской коллективизации миллионы советских людей голодали, многие умирали от голода.

Известный экономист и общественный деятель Борис Давыдович Бруцкус (1874–1938), высланный из Советской России в 1922 году, попытался побудить к протестам западных интеллектуалов[1]. Письмо против "красного террора" подписали Арнольд Цвейг и Альберт Эйнштейн. Ромен Роллан письмо не подписал.

В абсурдном обвинении сорока восьми специалистов народного хозяйства в организации голода создатель теории относительности увидел "либо отчаяние загнанного в угол режима, либо массовый психоз, либо смесь и того и другого... Очень печально, что развитие СССР, на которое мы смотрели с надеждой, ведет к таким ужасным вещам" [Ibid,S. 727].

Однако подпись Эйнштейна под письмом протеста продержалась недолго. В его круге общения было немало советских людей и немецких коммунистов, которые, по своей инициативе или по заданию соответствующих органов, оправдывали действия Сталина. И ученый, независимый от чужого мнения и уверенный в себе в вопросах физики, в области политики легко поверил их доводам.

Об уверенности физика в правоте своих научных построений красноречиво говорит такой эпизод. В 1921 году, будучи в первой поездке по США, Эйнштейн столкнулся с неприятным известием: во время одного торжественного приема в честь автора теории относительности по залу прошел слух, что физик Дейтон Миллер (Dayton Clarence Miller, 1866–1941) из Кливленда повторил опыт Майкельсона–Морли и установил существование эфира, что опровергало теорию Эйнштейна. Ни секунды не сомневаясь в правильности своего открытия, Эйнштейн сказал фразу, которую потом, через десять лет, выбьют в камне над камином в институте математики и физики в Принстоне: "Господь изощрен, но не злонамерен". Эксперимент Миллера впоследствии был признан ошибочным.

В отношении к сталинской диктатуре такой твердости Эйнштейн не показал. Уже через год после суда над "организаторами голода" оценка Эйнштейном этого процесса радикально изменилась. Теперь он поверил в законность и оправданность сталинских чисток и уполномочил своего друга профессора высшей математики Ленинградского университета Германа Мюнинца (Hermann Mueninz, 1884–1956) опубликовать в журнале "Новая Россия" опровержение своего первоначального мнения. В заметке приводились слова Эйнштейна: "После долгих колебаний я поставил в тот раз мою подпись, так как доверял компетентности и честности тех людей, которые обратились ко мне, и, кроме того, потому что считал психологически невозможным, чтобы люди, которые несли полную ответственность за функционирование важной технической установки, намеренно вредили тем целям, которым должны были служить. Сегодня я глубоко сожалею, что я поставил тогда свою подпись, так как я больше не верю в правильность моих

[1] В книге [15, S. 304] вместо Бориса Бруцкуса ошибочно указан его брат Юлий, литовский министр, историк и публицист.

давешних взглядов. Тогда мне не приходило в голову, что при особом положении Советского Союза там может быть что-то, что не вписывается в привычный для меня порядок вещей" [17, S. 411].

Далее следовало замечание профессора Мюнинца о том, что Эйнштейн, будучи членом "Общества друзей новой России", внимательно следит за успешным ходом социалистического строительства в Советском Союзе. "Западная Европа, — заявил Эйнштейн — будет вам скоро завидовать" [Ibid.].

Кто именно переубедил Эйнштейна и заставил поверить сталинской пропаганде, сказать трудно. Возможно, это был Дмитрий Марьянов, русский журналист, приписанный к советскому посольству в Берлине, ставший в 1930 году мужем младшей приемной дочери Эйнштейна Марго. Не исключено, что влияние на великого физика оказал Вилли Мюнценберг, с которым Альберт поддерживал тесные отношения.

Свое новое мнение о сталинских чистках Эйнштейн не изменил и в последующие годы. Когда Большой террор в 1937 году набрал гигантские обороты, он писал из Принстона другу Максу Борну: "Множатся признаки того, что русские процессы представляют собой никакое не мошенничество, на самом деле речь идет о заговоре, в глазах которого Сталин — тупой реакционер, который предал идею революции. Правда, нам в это трудно поверить, но лучшие знатоки России придерживаются такого же мнения. Вначале я был твердо убежден, что тут речь идет о лжи и махинациях при обычных властных интригах диктатора, но это было заблуждение" [12, S. 179].

Вот как далеко завели физика "лучшие знатоки России"!

В том же письме Максу Борну Эйнштейн рассказывает про свою жизнь в Принстоне и как бы мимоходом упоминает о смерти жены: "Прекрасно обжился, живу как медведь в берлоге и чувствую себя больше дома, чем за всю свою переменчивую жизнь. Это чувство медвежьего одиночества только возросло после смерти подруги, которая связывала меня со многими людьми" [Ibid., S. 177–178].

Макс Борн, словно пытаясь оправдать друга, замечает: "Довольно удивительно, как Эйнштейн в коротком описании своей медвежьей жизни, в которой он себя чувствует дома, вскользь извещает о смерти жены. При всей доброте, отзывчивости и любви к людям был он независим от своего окружения и от близких людей" [Ibid., S. 180].

Такого же мнения была Фрида, жена Густава Баки (Gustav Peter Bucky, 1880–1963), американского врача и изобретателя, работавшего в Берлине. Он был лечащим врачом дочерей Эйнштейнов, кроме того, вместе с Альбертом работал над созданием автоматического фотоаппарата. Фрида познакомилась с семьей Эйнштейнов в Капуте, где те проводили летние месяцы. По ее словам, "своего рода тонкая воздушная прослойка отделяла Эйнштейна от самых близких друзей и даже от членов его

семьи — прослойка, за которой он в полете своего воображение создал собственный малый мир" [3, с. 372–373].

Находясь в этом "*собственном малом мире*", ученый прекрасно разбирался в сложнейших физических процессах, но иногда ошибался в оценке человеческих отношений и социальных явлений.

Литература

1. *Айзексон У.* Альберт Эйнштейн. Его жизнь и его Вселенная. М.: Аст, 2016

2. *Беркович Е., Шайн Б.* Одиссея Фрица Нётера. Послесловие // Заметки по еврейской истории. 2009. № 11.

3. *Брайен Д.* Альберт Эйнштейн. Минск: Попурри, 2000.

4. *Гордон Е.* Адресат Л.С. Понтрягина // Гордон И.И. Семь искусств. 2011. №11

5. *Кликушин М.В., Красильников С.А.* Анатомия одной идеологической кампании 1936 г.: "Лузинщина" в Сибири // Советская история: проблемы и уроки. Новосибирск, 1992.

6. *Ленин В.И.* Обращение Председателя Совета Народных Комиссаров РСФСР В. И. Ленина к международному пролетариату // Документы внешней политики СССР. Т. 4. М.: Госполитздат, 1960.

7. *Райхцаум А.* Как Германия и СССР дружили "культурой и техникой" // Московская немецкая газета. 2007. 16 сентября.

8. *Солженицын А.И.* Двести лет вместе. Ч. II. М.: Русский путь, 2002.

9. *Чернавин В.В.* Записки "вредителя" // Чернавин В., Чернавина Т. Записки "вредителя"; Побег из ГУЛАГа. СПб.: Канон, 1999.

10. Clark R. W. Albert Einstein. Eine Biographie. Esslingen: Bechtle Verlag, 1974.

11. *Einstein A.* Über den Frieden. Weltordnung oder Weltuntergang? Hrsg. von Otto Nathan und Heinz Norden. Neu Isenburg: Abraham Melzer Verlag, 2004.

12. *Einstein A.–Born M.* Albert Einstein — Hedwig und Max Born. Briefwechsel 1916–1955. München: Nymphenburger Verlagshandlung, 1969.

13. *Fölsing A.* Albert Einstein. Eine Biographie. Ulm: Suhrkamp, 1995.

14. *Frank Ph.* Einstein. Sein Leben und seine Zeit. München, Leipzig, Freiburg i. Br.: Paul List Verlag, 1949.

15. *Goenner H. Einstein in Berlin.* München: Verlag C. H. Beck, 2005.

16. *Gross B.* Willi Münzenberg: Eine politische Biographie. Leipzig: Forum Verkag, 1991.

17. *Grundmann S.* Einsteins Akte. Wissenschaft und Politik — Einsteins Berliner Zeit. Berlin, Heidelberg, New York: Springer-Verlag, 2004.

18. *Hassler M., Wertheimer Jü. (Hrsg.).* Der Exodus aus Nazideutschland und die Folgen. Jüdische Wissenschaftler im Exil. Tübingen: Attempo Verlag, 1997.

19. *Kirsten Ch., Treder H.-Jü.* Albert Einstein in Berlin 1913. Berlin: Akademie-Verlag, 1979.

“ВСЕХ ЗНАЕМЫХ И НЕЗНАЕМЫХ...”

© 2017

З.В. Островская

ЛИЧНОСТЬ И ВЛАСТЬ

Му́ченики (гр. μάρτυζ, лат. martyr) — древнейший сонм святых, прославляемых Церковью за мученическую смерть, принятую ими за веру. Тех, кто выжил после мучений и скончался своей смертью, называют исповедниками. Священнослужители, которые претерпели мучения за Христа, почитаются как священномученики.

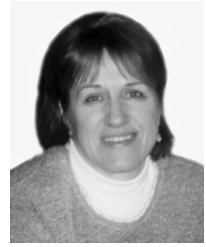
Полигон

Бутовский полигон — это большой участок земли на территории деревни Дрожжино Московской области, обнесенный забором с колючей проволокой. За забором — деревянная маленькая церковь, старые деревья, аккуратно постриженные поляны, на которых возвышаются длинные захоронения. Захоронения — погребальные рвы, выкопанные экскаватором, — пять метров в ширину и около четырех — в глубину. В августе 1997 года по благословению патриарха Алексия II участок одного такого рва, площадью 12,5 м^2 был вскрыт и детально изучен, чтобы доказать, что на полигоне действительно расстреливали и хоронили. В раскопках принимали участие археологи, судмедэксперты, специалисты по огнестрельному оружию. На вскрытой поверхности были обнаружены останки около 150 человек, лежащих вперемешку, в несколько ярусов.

“Тем не менее до сих пор некоторые жители этого поселка имеют либо смелость, либо наглость, либо наивность, в том числе и перед журналистами центральных каналов, говорить, что все это неправда” [1].

На сегодняшний день известны 13 рвов общей протяженностью 900 метров. Явно есть и другие захоронения — к северу от территории — более ранние, до 1937 года. Насколько они велики — неизвестно, исследования еще не проводились.

У самого края рвов стоит традиционный сруб деревянной церковки, будто и вовсе возраста не имеющей. Она как бы олицетворяет собой долю новых священномучеников, которые составляли численно не большее, но идейно мотивирующее и организующее начало в системе ценностей Руси на протяжении сотен лет. Она смотрится на фоне огромного белокаменного храма, по смыслу истории, символизирующего общую жертву нашего народа в двадцатом веке. Кажется, вот



Островская Злата Владимировна — ответственный секретарь журнала “Человек”. E-mail: zo@yandex.ru

Поклонный крест на территории полигона

место, где всем живущим, без различения прошлого, сойтись в покаянной молитве и просить у Господа, чтобы никогда не повторилось в Отечестве нашем кровопролитие и братоубийство.

9 августа 2001 года постановлением Правительства Московской области “Бутовский полигон” был объявлен памятником истории и культуры местного значения. Вместе с охранными зонами общая площадь памятника истории составила около 3 кв. км.

“Русской Голгофой” назвал Патриарх Алексий II “Бутовский полигон”, крупнейшее в Московском регионе место массовых расстрелов и захоронений жертв террора середины XX столетия. Только в период с августа 1937-го по октябрь 1938 года здесь погибло более 20 000 человек: простые крестьяне, рабочие и служащие, интеллигенция, бывшие военные, общественные и государственные деятели. Около 1000 человек были осуждены и расстреляны за исповедание православной веры. Более трехсот из них прославлены Русской Православной Церковью в лике святых.

Сонм новых мучеников в Бутове пострадавших возглавляют семь архиереев: сщмч. Серафим (Чичагов), митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский, архиепископ Можайский Димитрий (Добросердов), архиепископ Владимирский и Суздальский Николай (Добронравов), епископ Бежецкий Аркадий (Остальский), епископ Нижнетагильский Никита (Делекторский), епископ Велижский Иона (Лазарев), епископ Серпуховской Арсений (Жадановский). Здесь же расстрелян последний наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры (до момента ее закрытия), преподобномученик Кронид (Любимов). Вместе с иерархами пострадало и несколько сотен священников, монашествующих и мирян Русской Православной Церкви. Всем, проходящим по церковным делам, предъявлялось стандартное обвинение: антисоветская агитация, контрреволюционная деятельность. Но поводы для обвинения могли быть самые разные, например: “сохранение церкви и насаждение тайного монашества”, “недоносительство” (“знал о беглом попе и не донес”), помощь ссыльным, приют бездомных священнослужителей, хранение икон или Библии, молитвенников. Среди расстрелянных священнослужителей много известных и глубоко почитаемых иереев.

Все фотографии с сайта www.martyr.ru

Деревянный храм на полигоне

“Бутовский полигон был открыт для общественности и для Церкви трудами людей нецерковных. В начале 1990-х годов была создана группа по увековечиванию памяти пострадавших в годы репрессий, и трудами этой группы в архиве КГБ были обнаружены документы о расстрелах 20761 человека — это были акты о приведении в исполнение приговоров. Нигде на этих документах не было указано, где эти люди расстреляны.

По указанию тогдашнего руководителя московского управления, как оно называлось, министерства госбезопасности Севастьянова было проведено специальное расследование, которое показало, что эти люди были расстреляны в Бутово. В 1993 году здесь, в Бутово, был установлен небольшой каменный знак в память о пострадавших, и была начата обработка архивно-следственных дел, потому что в документах, которые я упомянул, были только фамилии, имена и отчества, дата рождения, место рождения и, соответственно, дата смерти. Но что это за люди, понять было невозможно.

Стали исследовать архивно-следственные дела, и выяснилось, что среди пострадавших очень много священнослужителей. Эти материалы через Варвару Васильевну Чичагову (внучку митрополита Серафима (Чичагова), впоследствии игумению Серафиму) были переданы в Церковь. Они оказались у Святейшего Патриарха Алексия, и Святейший сразу решил, что на этом месте надо строить храм-памятник, и выразил желание сюда приехать.

Весной 1994 года здесь был установлен и освящен крест (к сожалению, Святейший заболел и сам приехать не смог). И после этого началась деятельность по созиданию храма здесь, на Бутовском полигоне. Естественно, наша община стала заниматься не только строительством храма, но и приведением в порядок территории захоронения, потому что она была в ужасном состоянии: заросшая, замусоренная. Естественно, встал вопрос, а где, собственно говоря, рвы, где могилы. Стали предприниматься первые шаги к исследованию этой территории." [2].

Мы помним, мы плачем

Шесть вечера, октябрь, а полигон уже ночной — только красные огоньки лампадок на возвышениях расстрельных рвов мерцают, как маленькие сердечки. У кафедры, уставленной лампадками, читают имена расстрелянных здесь (30 октября день памяти начала террора). Деревянный освещенный храм, холодно... Идешь вдоль рвов с тихой молитвой и в этой тишине вдруг до дрожи явственно ощущаешь, видишь душой — разрытая земля, какой-то тусклый свет, люди, стоящие у края ямы, их ужас, боль, смятение... и выстрелы. Кто-то из них не успел почувствовать ничего, кроме страха, кто-то обреченно прослушал приговор, кто-то яростно вскрикнул, а кто-то успел обратиться к Господу с последней молитвой. И Он услышал их — так хочется в это верить! Голоса читающих разносятся в тишине, как внятные сигналы: ***мы помним, мы плачем...***

Как много уже написано об этом, как мало мы об этом знаем! Как много споров и непонимания вызывают в нас эти страницы истории... Почему? Когда я первый раз попала на это место, окруженное забором с колючей проволокой, вошла в только что поставленный деревянный храм, я ощутила физическую боль, такую сильную, что вынуждена была выйти из церкви. Еще ничего не знала, да и не было известно, что здесь погребено более двадцати тысяч человек. Через некоторое время удалось отстоять службу, через силу. В маленьком храме за ситцевой занавеской вместо алтарных врат служили два клирика — один прямо мальчонка, другой тоже совсем молодой — и непонятно было, *что* можно здесь сделать, и не верилось, что *они* могут здесь сделать. Прошло несколько лет, и боль стала проходить. Сначала думала — привыкла, потом поняла — молитва "делает свое дело". Все стало меняться — и территория полигона, и храм, и люди, и мысли.

Почему мысли? Почему до сих пор вызывают споры эти события, почему очень многие люди не согласны с определением "новомученики и исповедники"? Отец Кирилл, настоятель храма Новомучеников и исповедников российских в Бутово считает, что такая страшная жертва, как расстрелянные на полигоне, может и должна стать основой для сплочения народа,

Памятник истории "Бутовский полигон"

основанием недопустимости повторения в нашей истории подобных действий. Но часто сам с горечью констатирует, что пока малое число людей посещает это страшное место, названное патриархом Алексием II Русской Голгофой.

"... Возникает вопрос, станем ли мы достойны перенесенных нашими отцами и дедами страданий, их жертвы? Сегодня люди в России по-разному относятся и к подвигу новомучеников, и вообще к страданиям, перенесенным нашим народом в XX веке. Многие говорят: зачем ворошить прошлое? А ведь наши отцы и деды страдали и за нас! Сегодня у нашего народа почти не осталось духовных ценностей, которые бы объединяли его в единое целое. Мы связаны только языком и единым географическим пространством. В то же время у большинства наших соотечественников, как это ни страшно, есть родственники, пострадавшие в те годы. Не только за веру — в том же Бутово в одних могилах лежат и святые, и те, кто их расстреливал. Ведь вскоре после массовых расстрелов верующих многие сотрудники НКВД также были репрессированы." [3].

В этой земле лежат очень разные люди — разных убеждений, национальности, социального положения и вероисповедания. У всех разные "основания" для расстрела. Церковь прославила и причислила к сонму мучеников более трехсот человек — людей, не отрекшихся от веры в Христа, сохранивших твердость и самообладание до конца и, наверное, успевших обратиться к Нему с последней молитвой. Мы не знаем, было ли это "Слава Богу за все" или немое вопрошание, или тихое смирение, или... Но это было **приятие** такой смерти. И это приятие делает их новомучениками. А ведь нужно было только согла-

В день памяти жертв политических репрессий 30 октября

ситься, что Бога нет, или притвориться, или "осознать, что заблуждался" и был шанс остаться в живых. Не согласились, не притворились, не "осознали".

Уходя с полигона, погрузившегося в ночь, несу в себе тихое, откуда-то, от них, упавшее в сердце: ***помните нас, плачьте о нас...***

"Мы все новомученики..."

Но сколько раз задаются вопросы, почему именно расстрелянные здесь — новомученики? Разве сотни тысяч расстрелянных в разных местах страны не входят в этот мартиролог? Разве тысячи раскулаченных семей, замерзших в степях и погибших, практически не известных никому, кроме историков — не новомученики? А сотни тысяч не погребенных солдат войны, остающихся таковыми по сей день, не новомученики?

Все они, погибшие от репрессий или вражеских пуль, закончили жизнь не имея выбора, это жертвы исторических обстоятельств и память об этих жертвах — это наша историческая горькая память. Новомученики сознательно принимали смерть за Христа — это память духовная, соединяющая с мучениками всей истории христианства.

"Когда в 1994 году здесь устанавливали крест, освящавший его владыка Сергий (ныне митрополит Воронежский и Борисоглебский, а в то время архиепископ Солнечногорский) сказал, что здесь каждый нес свой крест — и те, кого расстреливали, и те, кто расстреливал. Тогда я не принял эти слова, но теперь понимаю, что владыка был прав. Поэтому нужно не искать правых и виноватых, а обратиться к памяти жертв репрессий. Обращение к этой памяти может стать платформой для объединения народа." [4].

Те, кто расстреливал на полигоне, на Соловках и других лагерях, лежащие здесь, в Бутово, они тоже мученики. Примиряющая, казалось бы, фраза, сказанная митрополитом Зарубежной церкви Лавром о том, что мучители и мученики, покоящиеся здесь, своей жертвой — жизнью, должны наконец примирить “белых и красных”, “своих и чужих” и дать импульс к созиданию единства народа, как видится, пока не дала видимых результатов.

Один результат безусловно есть. Когда приходишь сегодня на Бутовский полигон и видишь новый храм (открытый рядом с полигоном в 2007 году), похожий на белокрылого лебедя, видишь теплый и домашний деревянный храм, ухоженную территорию, постоянно улучшающуюся — не верится, что все это сделано малыми силами настоятеля, прихода и небольшой группы энтузиастов. Впрочем, малыми — это неверно. Силами мощными, поддерживаемыми духом новомучеников и непоколебимой уверенностью в необходимости своего служения.

Можно здесь вспомнить теорию малых дел (подходит для церкви) и, видя сегодняшний полигон, понимаешь, как малые дела могут стать великими.

“Слава Богу, в Церкви происходит осознание этого подвига. В честь новомучеников освящаются храмы, крестятся новопросвещенные. Новым святым пишутся иконы, им совершаются богослужения, в их память проходят крестные ходы, организуются конференции. Ведется многолетняя полемика о критериях, необходимых для прославления в лике святых того или иного члена Церкви, пострадавшего в те страшные годы гонений. И видение подвига новомучеников как свидетельства о любви, о чем учил приснопамятный митрополит Антоний, является важным вкладом в соборное осознание значения и величия подвига, совершенного великим сонмом новых мучеников Церкви Русской.” [5].

Настоятель

Вот община и настоятель, ее возглавляющий. Тот, что показался слишком молодым, чтобы что-то открыть мне или повести. Но прошло более 20 лет! Настоятель, казавшийся слишком молодым, уже седой. Оказалось, что его дед, священник Владимир Амбарцумов, расстрелян здесь и причислен к сонму святых. Трудно представить, сколько сил и души вложено им в это место! Вот самый очевидный и покоряющий пример того, как человек может делом, вопреки всему, собирать память, отстаивать память, отстаивать дело своей жизни — прося поддержки у Бога, надеясь и опираясь на людей. Вот уж действительно "по делам их узнаете их"! Кажется невероятным, что община со своим настоятелем, трудом и молитвами превратили это место в мемориал, главное — в молитвенный мемориал. Проходя сегодня по полигону, ощущаешь покой, душевный мир, несмотря на то, что знаешь его историю. Это литургический мир, намоленность (отмоленность?), прощение и сострадание, которые, благодаря постоянным службам, окутывают человека в этом месте.

"Когда храм построили и начались регулярные богослужения, народ почти не приходил. Было тяжело. Мне тогда многие коллеги, друзья задавали вопрос: зачем тебе это надо?! Некоторые недоумевали: как можно оставить в общем-то благополучно накатанный мирской путь с понятными условиями существования и начать в зрелом возрасте новую, принципиально иную деятельность?! Но я чувствовал, что должен быть здесь и что то, что мы делаем — необходимо! Думаю, что без Божия благословления у нас бы ничего не получилось".

"Эта мысль подтверждается опытом жизни на полигоне. Дело в том, что люди, которые лежат в этих рвах, были мировоззренчески очень разными. Здесь пострадали православные, верующие люди, некоторые из них канонизированы в лике святых, но были и люди, далекие от каких-либо религиозных исканий. В первом случае люди сознавали, что происходит, на что они идут. Вторые, напротив, вообще ничего не понимали и нередко даже теряли человеческий образ" [6].

А принесение Соловецкого креста! Этот грандиозный путь с Соловков до Бутовского полигона по водам — озерам, рекам и каналам России — как пульсирующая артерия памяти! Трудно представить, каких сил и молитв стоил он настоятелю, трудно не преклонить голову перед этим деланием!

Что объединяет здесь

"Как верующий я редко вспоминаю о новомучениках. Но я еще и исследователь — много лет я занимаюсь житиями святых и историей Церкви: читаю монографии, жития, изучаю документы, и вижу, как опасно рассматривать подвиг новомучеников как борьбу против советской власти или, напротив, рас-

Протоиерей Кирилл (Каледа), настоятель храма Новомучеников и исповедников Российских. О. Кирилл родился в православной семье. Отец — протоиерей Глеб Каледа, профессор, доктор геолого-минералогических наук, в 1970 году был тайно рукоположен в священники, с 1990 — был настоятелем храма в Бутырской тюрьме. Мать — Лидия Каледа, дочь священномученика Владимира Амбарцумова, расстрелянного в Бутово в 1937 году. О. Кирилл закончил геологический факультет МГУ, кандидат геолого-минералогических наук. В 1994 году избран председателем приходского совета общины, в 1998 году рукоположен в иереи и назначен настоятелем храма. Член Межведомственной комиссии Правительства Москвы по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий.

сматривать их как апологетов режима. Они отдавали жизнь за Христа, а не за какую-то форму устройства Церкви или государства. Именно свидетельство о Христе — главная тема любого мартирия. В противном случае Церковь превращается в одну из разновидностей партии..." [7]. Очень хотелось бы не согласиться с приведенной мыслью, но когда слышишь, как много говорится здесь о безбожном времени, о политических репрессиях чувствуется все же какая-то политизированность. Сегодня полигон еще — памятник истории, сюда привозят экскурсии, приходят политические и общественные деятели. Создается новый мемориал — Сад памяти, заложенный летом 2015 года, Научно-просветительский центр. Создается попытка объединить религиозное и политическое?

Мы все апеллируем к государству: пусть оно даст денег, пусть "заставит чтить", пусть создает памятники, ведь делает же оно все это для памяти победы в Великой Отечественной войне. Но погибших в войну невозможно забыть потому, что они были практически в каждой семье, а главное, потому что

никому не нужно было объяснять, за что они погибли — они погибли за каждого живущего сегодня.

Расстрелянные тайно сограждане, во всяком случае часть из них, как выяснилось, были сами причастны к страшным злодеяниям. И заставить почитать *всех* погибших на российских полигонах невозможно, даже если человек очень просвещен и начитан. И это, видимо, инстинктивно чувствуют люди сегодняшнего дня. Это вопрос *личного* выбора, *личного* мировоззрения.

Должно ли такое место быть музеем? "Памятник истории" — написано на постере у поклонного креста. Может, это памятник памяти? Зов к ней, настойчивый, проникающий в сердце своей молитвенной тишиной и горечью произошедшего здесь.

"Забвение может привести к потере национальной идентичности. И ошибочно думать, что это беда только нашего времени, результат глобализации. Нет! Это явление было известно еще в ветхозаветные времена. Достаточно вспомнить, что царь Навохудоносор переселял евреев из Палестины... Оторванные от корней люди теряют почву под ногами, становятся неустойчивыми, и поэтому ими легко управлять, манипулировать, лепить из них нечто новое. Это пытались сделать большевики, переселяя народы внутри Советского Союза, и в общем-то они преуспели. Важно видеть, что сегодня общество очень разрозненно. Мы живем сиюминутными, частными интересами. И общая трагедия — репрессии 1930-х, в том числе Бутово, — может объединить, сплотить нас" [8].

Что может объединять нас здесь? Боль, страх, жалость, сострадание? Может ли объединять страх? Как боль, как жалость и сострадание? Или от страха теряется что-то важнейшее в человеке и вряд ли стоящие под прицелом на краю рва чувствовали себя едиными. Но страх точно объединяет в жизни, особенно в непростых или опасных ситуациях.

Опубликованные результаты опроса по переименованию станции Войковская показали, может ли объединить трагедия. Видимо, нет, потому что сама трагедия одними воспринимается так, другими совсем иначе. И жизненные примеры это подтверждают.

Сопричастность

Делание памяти может быть "просто": кто-то, даже один, начинает и собирает сначала лежащее на поверхности, потом находит союзников, единомышленников и уже вместе совершают это делание, *растят это древо памяти*. "Нельзя прославлять одновременно и убиенных, и их убийц" — сказал патриарх Алексий II. Но молиться о них можно..?

В конце служб священник возглашает молитву о памяти *всех знаемых и незнаемых* новомучениках и исповедниках российских.

Новомученики — это приятие смерти, согласие со смертью, смиренное понимание, что это испытание заслужено и созна-

Храм Новомучеников и Исповедников Российских (нижний) и Воскресения Христова. Заложен Алексием II и митрополитом Лавром

тельная духовная готовность это испытание пройти. Понять Божию волю в таком конце...

“Конечно, подвиг новомучеников удивителен. Каждый, кто страдает за веру Христову, страдает не за свои ошибки и прегрешения, а участвует в страданиях Господа нашего Иисуса Христа, сострадает Христу. Для тех, кто претерпел до конца, мученичество становится наградой. Недаром говорится: “Принял мученический венец”. Венец — знак победителя. Многие наши отцы, деды, бабушки оказались верными чадами Церкви, достойно пронесли звание христиан через гонения, сохранили в те страшные годы образ Божий, данный от рождения каждому человеку. При изучении следственных дел невозможно не заметить разницу между поведением верующих и неверующих. Маршалы, не раз смотревшие смерти в лицо, писали такие небылицы о себе и своих близких... (Я говорю это не в осуждение — не дай Бог кому-либо из нас оказаться на их месте.) А простая неграмотная монахиня совершенно спокойно говорила в глаза своим мучителям, что советская власть не вечна, а послана нашему народу в наказание за грехи, для очищения.” [9].

Чувство сопереживания, сопричастности происходившему здесь тогда, просыпается, прорастает из глубины души и, как маленькое сердечко лампадки, трепещет и бьется. Понимаешь, что так не может быть каждый день, потому что это душевное усилие — вызволить этот трепет из своих глубин — дается непросто. Но когда оно совершено, ты понимаешь, что это соединение твоей души с болью упокоенных здесь душ и есть настоящая память, память сердца.

В день памяти начала политических репрессий 30 октября

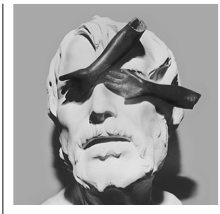
Символ — материальное обозначение определенной идеи. В этом смысле символическое значение Бутовского полигона — это память о прошлом, которое необходимо формирует нашу ценностную мотивацию для текущего настоящего. Не для истории, а для того молодого поколения, которому еще только предстоит сформулировать ее для себя. Потому, что человек, воспитанный с ущербной системой моральных ценностей, остается животным, которым легко управлять в корыстных целях. Конец двадцатого века, когда был задуман и воплощен Бутовский мемориал, насущно требовал осмысления цены, которая уплачена за мечту о «построении светлого будущего для всего трудового народа», для всего человечества, в конце концов. Этот мемориал завершил и объединил в архитектуре символов нашу историческую память о жертвах, о цене, которую заплатил наш народ за свою независимость в двадцатом веке.

Место преступления может быть местом примирения?.. Но это место вызывает четкую и самую главную мысль: хочу, чтоб такое никогда не повторилось, не стало возможным нигде...

Литература

1. http://pravmir.ru/ protoierej-kirill-kaleda-nado-osoznat-chto-proizoshlo-s-nami-v-xx-veke/
2. http://www.martyr.ru
3. http://pravoslavie.ru/protoierej-kirill-kaleda-nado-osoznat
4. http://pravoslavie.ru
5. http://pravmir.ru/Прот. К. Каледа. Доклад на IV Международной конференции “Духовное наследие митрополита Антония Сурожского”. 2013.
6. http://pravmir.ru
7. http://pravmir.ru/Зайцев А. Почему я не могу молиться новомученикам. 8.02.14
8. http://foma.ru/proshloe-kotoroe-nado-voroshit.html
9. http://foma.ru/proshloe-kotoroe-nado-voroshit.html.

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ И ВАСИЛИЙ РОЗАНОВ: ДВА ОПЫТА ФИЛОСОФСКОЙ АВТОБИОГРАФИИ



© 2017

С.М. Климова

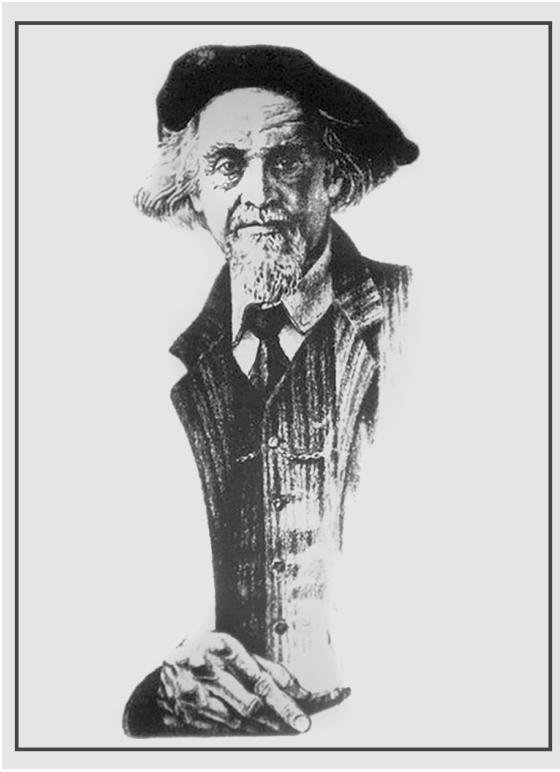
Если понимать под философской автобиографией историю духа, самосознания и мировоззрения ее творца, то “трилогию” (“Уединенное” и два короба “Опавших листьев”) В.В. Розанова и “Самопознание” Н.А. Бердяева можно считать яркими примерами биографий подобного типа. С нашей точки зрения, сопоставление этих двух работ вполне корректно, несмотря на более чем тридцатилетнюю разницу во времени их написания, принципиальную несхожесть философских и жизненных позиций и биографий их авторов.

Сходство же обусловлено, прежде всего, культурной, интеллектуальной, духовной общностью философов, целиком принадлежащих эпохе Серебряного века. Оба рано были “призваны” к философии. Бердяев неоднократно указывал на свою тягу к философии с детства, осознанию “себя человеком, который посвятит себя исканию истины и раскрытию смысла жизни” [2, с. 48]. Этот путь для него не был связан с карьерой профессионального философа — университетского профессора. Поиск истины-понимания у Розанова совпал с открытием его “заветной” темы — пола, семьи, их религиозной связи. Это открытие шло на фоне разочарования философией как академической наукой, после провала его первой и единственной книги “О понимании”, написанной в традиционной форме философского текста.

Обнаружив в себе тягу к философии как смысл и предназначение, оба воспринимали свое философское Я как “*несвоевременное*” (Бердяев), “*неуместное*” (Розанов), не совпадающее с тем, что принято называть жизненной — хронологической — биографией человека. Розанов для этого состояния использовал “неологизм” “несовокупляющийся человек” [4, с. 173], определив суть своего — ни с кем и ни с чем не совпадающего — индивидуалистического уникального философского бытия в мире. Та же установка доминирует в субъективистском (персоналистическом) самопознании Бердяева, который принципиально отличает себя от рода, семьи, общества, истории, даже Бога. “Уединен-

Климова Светлана Мушаиловна — доктор философских наук, профессор Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ). Постоянный автор журнала. E-mail: sklimova@hse.ru

Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№ 17-01-0018) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2017–2019 годах и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации “5–100”.



Николай Александрович Бердяев (1974–1948). Рисунок Ю. Селиверстова

ность” и “одиночество” — вот главные маркеры философского самосознания мыслителей.

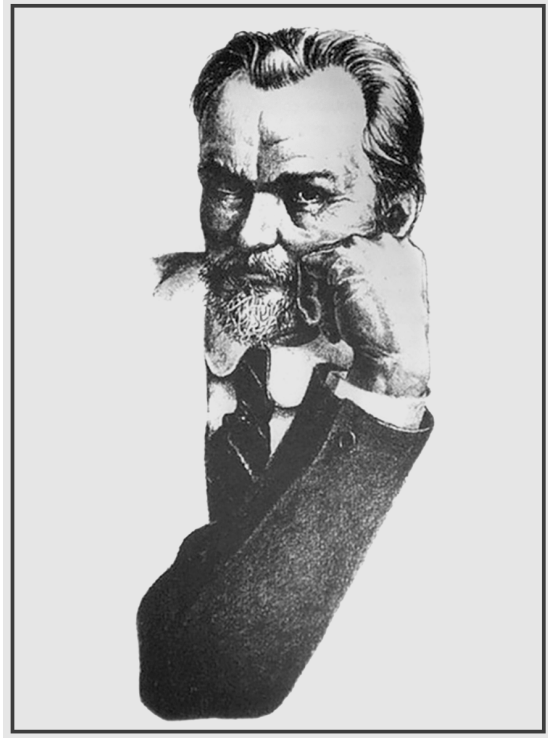
Свою духовную “инаковость” миру оба определили как “жизнь в мечте”. Для Розанова мечта была сортом вечной созерцательности своего внутреннего протососостояния, интеллектуального вызревания. Бердяев, возможно, даже более, чем Розанов, был романтичен в тяге к мечте, как основе саморазвития; в нем сопрягалось внутреннее и внешнее стремление к идеалу-мечте. Будучи внешне антиподами: Розанов — апологет религии семьи, рода, монархии; Бердяев — страстный пропагандист свободы личности, субъективизма, мистического анархизма, асексуальности, они совпали в своем внутреннем философском самоописании и самовосприятии. Объединяет их прежде всего живой религиозный опыт, которого нет в биографии, но этим опытом пронизана их духовная “память” о Боге.

Однако Розанов и Бердяев не отделяли себя от социально-бытовой оболочки, не практиковали “катакомбное” философствование, не слыли религиозными отшельниками. Напротив, оба были активными участниками культурно-исторического процесса, много публиковались, не скрывали своих мировоззренческих позиций, пользовались авторитетом среди русских, а Бердяев и среди западных интеллектуалов. Розанов, как известно, был одним из первых апологетов быта и праведной жизни молчаливого большинства простых тружеников, основателем “религии семьи”. Появившись на свет в семье мелкого чиновника, пробиваясь сквозь нужду и заброшенность, он своим трудом и талантом добился уважения, благополучия и признания в профессиональном сообществе. А закончил свой земной путь он в нищете и болезни в “вынужденной эмиграции” в собственной стране, фактически от голода и горя в 1919 году в Сергиевом Посаде. Жизнь Бердяева, полная бурных коллизий и переживаний, по масштабу сопоставима с приключениями эпических героев древности; ее вполне можно назвать российской одиссеей. Судьба кидала его — утонченного высокородного аристократа — в революционные кружки и политические ссылки; он был марксистом, организатором религиозно-философских собраний, редактором и вдохновителем идеалистических философских журналов, ярким писателем и страстным полемистом. Особой стра-

ницей его бурной трагической жизни стал эмигрантский период в Париже — Кламаре, где и закончилась его земная биография в 1948 году.

Однако подлинная жизнь Розанова и Бердяева текла в другом мире, в ином событийном пространстве. Понять это позволяет обращение к философской автобиографии, одному из немногих жанров, смело демонстрирующих сознательную установку авторов на вторичность и даже производность фактов бытия от субъекта мысли; самоценность субъекта здесь основополагающая. Все, что можно назвать историко-культурным и бытовым, семейным контекстом описания жизни философа, следует анализировать как переработанное в тайниках его философского мира.

Розанов и Бердяев демонстрируют нам специфику своего философского бытия, обрисовывая его уникальные пространственно-временные параметры: н*еуместность и несвоевременность*; их можно назвать внутренним — *субъективным хронотопом*, организующим пространство бытия-мышления философа.



Василий Васильевич Розанов (1856–1919). Рисунок Ю. Селиверстова

Субъективный хронотоп позволяет вычленить рефлексивный акт в чистом виде, независимо от мотивов, обстоятельств жизни или событий внешней истории. Рефлексия и есть главный предмет и базовая основа философской, а в конечном итоге, жизненной автобиографии. При этом речь идет о рефлексивности неклассического типа — об идее ratio, воплощенной в декартовском cogito, о рациональности Логоса, являющегося “метафизическим и божественным одновременно” [3, с. 71]. Все это с головой выдает русскую натуру авторов, выражающуюся, прежде всего, в тяге к интуитивному, мистическому самопознанию, к потребности искать решение мировых загадок жизни и смерти с точки зрения “бездны”, как выражался Бердяев. С его точки зрения, именно здесь проходит водораздел европейской и русской философий, чувствуется их принципиальная чуждость друг другу. Если европейцы — это главным образом историки философии, которым важны детали и контексты, ибо они мыслят о “чьей-то мысли”, то русские — самобытные философы, не просто имеющие самостоятельные идеи, но и остро их переживающие в своем субъективном хронотопе. Позиция, безусловно, спорная, но при этом наглядно демонстрирующая типично русский взгляд на образцового философа.

Прояснение понятия *субъективного хронотопа* требует поиска особых выразительных средств, новых способов самоописания и понимания специфики логосного мышления. Простая констатация себя в качестве мыслителя, подробное изложение своей философии в речах, статьях и публикациях, собственно как и ссылки на них малопродуктивны для прояснения сути философской автобиографии. В лучшем случае, они могут выступить в качестве вспомогательного материала, вызвать первоначальный интерес, но не более того. Розанов и Бердяев были зачинателями важнейших сдвигов в философии языка и герменевтике. Они понимали, что на языке Декарта или Канта, и уж тем более Августина говорить о себе как мыслителе, живущем мечтой, погруженном в "мистическое творчество" невозможно, да и не нужно. Разгадать тайну мышления оказалось возможным благодаря созданию нового философского языка.

Так, Розанов в начале XX века открыл уникальный способ "озвучивания" мысли, продемонстрировал наглядность мыслительного процесса, создав свой неповторимый жанр "опавших листьев", метафорически представивших "душу автора" (В. Шкловский), "поток его переживаний" (В. Сукач), процесс работы сознания как такового. Переживание — это не событийное, но рефлексивное соединение потока текущей жизни и ее понимания субъектом, которое отразилось в особом семиозисе. Сознание-переживание позволяет нам ориентироваться в мире сразу, до оформления знаний в языке, и лишь потом называть этот мир, работать с предметами, учиться абстрагированию и рефлексии. Работа сознания сопоставима с потоком падающих мыслей-листьев, которые "сошли прямо с души, без переработки, без цели, без преднамерения, без всякого постороннего" [4, с. 9]. Процесс *записывания-проговаривания-прочтения* — вторично-рационален, оценочен, не совпадает с субъективным хронотопом рождения листа-мысли.

"Опавшие листья" — это произведение с уникальным способом организации текста. В нем соединены многообразные, отрывочные, понятные рассуждения, афоризмы, авторские откровения и коммуникативные ситуации, олицетворяющие социальный или бытовой, пространственно-временно́й процесс течения жизни. Бытовые, порой даже физиологические сюжеты, как и самые страшные, роковые события истории или частной жизни не способны воздействовать на субъективный хронотоп, подчинить себе "Я" мыслителя. Внутреннее течение мысли практически всегда автономно и зачастую прямо противоположно предлагаемой коммуникативной ситуации. "Опавшие листья" демонстрируют независимость течения философской мысли от бытовой: зимой или летом, утром или вечером, написанная на транспаранте или на подошве купальной туфли, в ходе разглядывания исторических монет или "сидя в клозете", во время прощания, "идя за гробом Суворина", мыслитель бесконечно погружен в субъективный хронотоп. «...Да просто я не

имею формы (causa formalis Аристотеля). Какой-то "комок" или "мочалка". Но это оттого, что я весь — дух, и весь — субъект: субъективное действительно развито во мне бесконечно, как я не знаю ни у кого, не предполагал ни у кого» [там же, с. 64].

Розанов создает особый *почти рукописный стиль* для наглядной демонстрации процесса и результата формирования мысли, в котором внешнее (ситуация) и внутреннее (мыслительный процесс) являются особым семиозисом. В нем друг с другом сталкиваются "вечная идея" мыслителя и банальная локусно-темпоральная или любая иная коммуникативная ситуация текущего момента. По сути, пытаясь соединить субъективный хронотоп с внешним временным потоком — историей жизни миллионов обывателей в ее движении от начала к концу, от рождения к смерти, — Розанов развивает феноменологический подход, исходя из идеи неразрывности и взаимной несводимости (нередуцируемости) сознания и предметного мира.

Бердяевская манера письма чем-то схожа с розановской, несмотря на принципиальное различие их текстов и по форме, и по содержанию. Разговор о форме выражения мысли для него является наиважнейшим. Он постоянно подчеркивает свою "недискурсивную" манеру письма, неспособность "длинно" развивать мысль. Ему всегда были важны фрагментарность, афористичность, сверхлогичность. Бердяев не считает свое мышление доказательным, систематическим или поучительным; оно, прежде всего, мистически-интуитивное ("интуитивно-синтетическое" по его словам); развивается не рационально, но "логосно" — по принципу прозрения, беспрерывного течения и мгновенного схватывания. Дискурсивность — пособие для читателя; она совершенно излишня и даже вредна для прояснения мысли как таковой. Для Бердяева, как и для Розанова, главное — экспрессия — самовыражение.

Бердяев неоднократно совсем по-розановски подчеркивает, что философские идеи вызревали в нем постоянно: находился ли он в бальном зале, на собрании соратников по партии или в кинематографе; их течение чрезвычайно схоже с падающими листьями Розанова: "Мысль моя протекает с такой быстротой, что я еле успеваю записывать. Я не кончаю слов, чтобы угнаться за своей мыслью. Я никогда не обдумываю формы, она сама собой выливается, моя мысль даже изначально связана с внутренним словом" [2, с. 221]. Свое мышление Бердяев рассматривает через понятие "беспрерывного писания". Его субъективный хронотоп опирается на интуицию, которая наиболее точно воплощается в афористическую форму. Ибо "афоризм есть микрокосм, он отражает макрокосм, в нем все" [там же, с. 87].

Текст Бердяева направлен на выражение *идеи свободы*. Именно она становится той главной интуицией и первоосновой, которая играет роль чистого сознания-переживания, находясь как в основе акта мирового творения, так и в основании индивидуального творчества. Философия свободы Бердяева не

мистично и абстрактно, но конкретно-содержательно обнажает специфику творческого процесса, творческую лабораторию мыслителя. Розановское внутреннее говорение, духовная погруженность в себя наполняется экзистенциальным содержанием в философии Бердяева. То, что прописывается Розановым как апофатическое внутриутробное слушание себя, раскрывается Бердяевым как экзистенциальная тоска, бунт, одиночество философа-персоналиста.

Для того чтобы понять отношение Розанова и Бердяева к внешнему миру, как и к самим себе, в нем участвующим, необходимо обратиться к выработанной обоими авторами иронической и трагической манере письма. Даже сегодня многие считают трилогию Розанова автобиографической исповедью, принимая за чистую монету его бытописание, откровения об интимной стороне своей семейной жизни, пересказы семейной хроники. Важно понимать, что Розанов в процессе внешнего самоописания жизни создает авторский миф о себе. Он сделал себя героем собственного философского произведения, создал текст в духе карнавализации и буффонады, превратив себя в философа-шута и само-ироника. Именно этот взгляд помогает раскрыть всю глубину его феноменологического философского мышления. При этом за откровенной насмешкой и иронией над "серьезностью" всякого рода искусственных истин и публичной жизни вскрывается глубоко трагическое прозрение "уединенного" — внешне юродствующего писателя, в самоиронии нашедшего единственный способ самосохранения своего философского "Я", своей души, и в то же время бесконечно стремящегося найти возможность дескриптивного выражения всеобщности интимных переживаний.

Бердяев возможно и не был таким ярким стилистом, как Розанов. Зачастую его мысли рождались в ходе общения и столкновения с разными позициями и идеями; однако активность творца была налицо. Внешняя биография мыслителя зачастую создавала ложное впечатление о его философии; чаще всего его считали социальным философом. Но это была лишь маска, игра, почти "розановская ирония", за которой прятался по-розановски уединенный и одинокий созерцатель. Субъективный хронотоп (Я) погружал Бердяева в глубины экзистенциальной тоски и одиночества, выступая базисом творческого акта, в то время как его персона[1] (не-Я, герой в маске) активно была включена в революционные, политические и религиозные дискуссии, выступала базисом внешних действий и активности.

Если розановская ирония обернулась карнавализацией и буффонадой истории, то бердяевская ирония — это взгляд трагика, живущего в ощущении эсхатологического конца, грядущего апокалипсиса. Мыслитель пытался показать, внутренний трагизм экзистенциальной философии как таковой. Она вырывает нас из привычного текущего мира, собственной жизни, традиционного понимания фактов и событий и вынуждает быть свобод-

[1] Per-sone — *лат.* смотреть сквозь прорезь (маски).

ными, погружаться в мыслительный процесс как “первородный” и жизне-образующий. Для нее вся мировая история, войны, революции, власть — лишь результат сознания-переживания, которое всегда, как по Достоевскому, есть страдание и боль. “Всякое сознание есть страдание”. Поэтому мысль может быть только эмоциональной и страстной. В этом состоянии полностью изменено отношение к исторической памяти, которая, совсем по-августиновски, не существует ни как прошлое, ни как будущее, ни как совокупность фактов-событий. История творится в миг ее осмысления самим познающим и переживающим субъектом, не зависящим от ее сюжетов и примеров. Здесь история становится инвариантом субъективного, творческого процесса; она не существует, но случается в акте творения.

Трагично и бердяевское понимание собственного статуса как экзистенциального философа, преодолевающего объективность и независимость мира в идее творческого акта, выхода субъекта за внешние пределы. «Я противополагал “бытию” “творчество”. “Творчество” не есть “жизнь”; творчество есть прорыв и взлет, оно возвышается над жизнью и устремлено за границу, за пределы, к трансцендентному» [там же, с. 54]. При этом направленность творчества за пределы мира может быть успешной только в том случае, если оно порождено и вызрело в лоне субъективного хронотопа творца. Только в творчестве человек боговдохновен, только в этом состоянии он вступает в диалог с Богом, постигая истины бытия. Только на этом пути он преодолевает “царство объективации”, будь то нагромождение исторических фактов или природных истин, и становится свободным, выходя на дорогу экзистенциальной субъективности и духовности, “к царству человечности или богочеловечности”.

Таким образом, философские автобиографии являются наглядными образцами преодоления представлений о существовании объективного времени/истории, одинаково протекающего для всех нас — носителей одинаково-безличной хронологической биографии, и позволяют рассмотреть свою жизнь в перспективе субъективного хронотопа — копии “вечности”, живущей по законам творческого акта субъекта. Ибо “я есть прежде всего акт” [там же, с. 22]. Таким образом, написание автобиографии можно назвать действием не только познания, но и созидания самого себя [1, с. 55].

Литература

1. *Аверин Б.* Дар Мнемозины: романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб.: Амфора, 2003. С. 55.

2. *Бердяев Н.А.* Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: Книга, 1991.

3. *Лосев А.Ф.* Русская философия // *Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г.* Очерки истории русской философии. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991.

4. *Розанов В.В.* Уединенное. М.: Русский путь, 2002.

ИНТИМНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И КРИЗИС СОЦИАЛЬНОСТИ

© 2017

О.В. Попова

Попова Ольга Владимировна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН. В журнале "Человек" опубликовала статьи «"Быть телом" или "иметь тело"» (2007. № 6); "Современная технократическая утопия: российский контекст" (2012. № 5). E-mail: J-9101980@yandex.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда; грант № 15-03-00818а.

В 2013 году в исследовательском центре Нидерландов — Институте Ратенау, где проводятся исследования, связанные с социальной оценкой развития и применения новых технологий, была издана книга голландского философа Рине ван Эста (Rinie van Est) "Интимные технологии: битва за наши тела и поведение"[10].

В марте 2014 года по итогам реализации проекта "Интимные технологии" Институт Ратенау опубликовал доклад под тем же названием. В документе акцентировалось внимание на двух проблемах:

• Как интимные технологии влияют на человеческую природу?

• Приблизят ли интимные технологии нас к себе и вызовут ли наши более тесные отношения друг с другом?

Институт опросил широкий круг экспертов, занимающихся проблемами на стыке технологии, этики и общества и попросил дать комментарии на данную тему в персональном блоге. Рождение книги было вдохновлено ответами экспертов.

Надо отметить, что в сборнике аналитических материалов "Европейская парламентская сеть оценки технологий: новые технологии и государственные решения"[4], выпускаемом Аналитическим управлением аппарата Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации, где обсуждается упомянутая работа ван Эста, понятие "интимные технологии" было заменено на менее вызывающее и благозвучное — "чувствительные технологии". Как следствие, изложение содержания упомянутой книги утратило остроту и накал, поскольку под интимными технологиями подразумевается преодоление дистанции между технологиями и человеческим телом, такое их сближение, которое в трансгрессивных формах обретает эротическую артикуляцию[1].

Кроме того, понятие "чувствительные технологии" ("sensitive technologies"), а также "весьма чувствительные техноло-

гии" ("verysensitive technologies") уже активно употребляется в различных источниках, как правило, в связи с упоминанием военных технологий. Например, к весьма чувствительным технологиям относится оборудование для обнаружения подводных лодок, технологии авиационных реактивных двигателей и др.

Исследование Рене ван Эста интересно прежде всего попыткой представить классификацию технологий, с которыми в той или иной степени ежедневно сталкивается современный человек.

Технологии сегодня столь быстро наполняют социальное пространство, что, пожалуй, требует тщательного изучения феномен технологической дезадаптации, шока от появления различных видов технологий. Ценность доступных для понимания обычного человека классификаций технологий заключается прежде всего в том, что они являются рационализацией, то есть психологическим защитным механизмом, позволяющим человеку хоть немного понять устройство окружающей нас сложной технологической реальности, чтобы впоследствии каким-то образом противостоять ей или, адаптировавшись, ее использовать.

Классификация технологий, предложенная голландским автором, носит именно такой характер. Она демонстрирует, как различными способами человеческое тело попадает в технологический кокон, становясь все более искусственным, все более сконструированным, что заставляет задуматься о возможных рисках применения технологий.

Итак, ван Эст различает четыре вида технологий: технологии "в нас"; технологии "о нас"; технологии "между нами"; технологии, "подобные нам"[10]. К первому типу относятся: RFID-чипы, электронные пилюли, кохлеарные имплантанты, глубокая стимуляция мозга, искусственные органы по обеспечению равновесия, искусственная сетчатка. Они расположены в теле человека либо воздействуют на человеческие органы, их действие направлено внутрь. Ко второму типу (технологиям "о нас") относятся: GPS, считыватели RFID, камеры, GoogleStreetview, ДНК-чипы, МРТ-сканирование, сенсоризаторы сердцебиения и температуры тела. Эти технологии фиксируют определенные физиологические параметры, могут предоставить информацию о местонахождении человека, о совершенных им действиях. Они как бы наблюдают за человеком, за разными аспектами его физического присутствия в мире.

Технологии "между нами" — это социальные сети Facebook, Foursquare, Grindr, дополненная реальность (Google Glass). Эти технологии находят применение во взаимодействиях между людьми, существенно трансформируя формат социальных отношений, сближая людей во времени и пространстве, изменяя их социальную идентичность в виртуальном мире. К техноло-

[1] Например, когда речь заходит об активно распространяющейся в западных странах и Японии тенденции производства и использования роботов в качестве сексуальных объектов (партнеров) человека, замена реальных человеческих отношений отношениями с виртуальными партнерами.

гиям, “подобным нам”, относятся реальные виртуальные миры, Chatbots, электронный коучинг, технологии, создающие гуманоподобных роботов.

Все описанные технологии являются телесно ориентированными. Они могут размещаться в человеческом теле, делать его объектом анализа и получения данных (например, медицинских), подражать ему своими внешними характеристиками (быть гуманоподобными), подстраиваться под физические параметры человеческого тела и т.д. Они настроены на человеческое тело и подогнаны под него.

Технологии становятся современным фетишем, и если в древности изображение тотема напоминало человеку о его первоистоках, то в свете развития трансгуманистических идей таким тотемом, наделенным сверхъестественными свойствами, напоминающим постчеловеку о его первопричине, может, например, стать компьютер или подобные технологические устройства. Технологический фетиш, как и классический фетиш, — это не просто вещь, это динамическая реальность, наделяемая сверхъестественными свойствами, особой силой, запускающая возможность проектирования человека. Современным технологиям предоставляется роль не просто внешней детерминанты человеческого развития, но своего рода “априорной” формы чувственности, задающей новые масштабы восприятия мира и своего места в нем. Развитие упомянутых технологий влияет на преображение формата интимности, стимулирует ее трансформацию, вызывает, как полагает ван Эст, приход интимно-технологической революции (интимной — в смысле чрезвычайной близости технологий и человека) [ibid.].

Обращаясь к истории идей, стоит вспомнить, что в начале XX века именно такого рода интимность стала трафаретной для идеологов футуризма, в частности итальянского поэта Ф.Т. Маринетти. Он ратовал за воплощение технической утопии на основе синтеза человека и машины. Выдвинутая Маринетти программа создания “механического человека в комплекте с запчастями” в итоге обрела форму истолкования человека как “винтика” социальной системы. Однако ее основание — в понимании человека как человека-кентавра, слитого в одно целое с техническим продуктом.

Новый формат интимности, о котором грезили в начале XX века, обозначил специфические особенности ее дальнейшей трансформации, связанные с артикуляцией сексуально-эротических акцентов в сближении человека и техники. М. Дери в работе “Скорость убегания. Киберкультура на рубеже веков” верно отметил: «Одной из наиболее специфических особенностей нашего мира является слияние секса с техникой. Этот симбиоз “родился из жадного любопытства изведать и расширить владения секса с помощью техники, с одной стороны, и желания сексуально обладать машиной — с другой”»[3].

Усиление форм коммуникации с техникой способствовало возникновению интимных связей в тех сферах, где их наличие ранее никак не подразумевалось. Технологическим объектам стали присваивать характеристики эротических объектов. В развитии технологий усматривается действие либидозной энергии. Жажда обладания техническими новинками демонстрирует то обстоятельство, что техническое, воплощенное в товарах потребления, становится объектом либидо: первых персональных роботов покупают "вовсе не затем, чтобы они разносили людям напитки"[там же]. Действительно, гуманоидные роботы стали объектом жесткой инструментализации, реализации скрытых желаний. Уже появились публичные дома, состоящие из женоподобных роботов, продаются экземпляры роботов для удовлетворения сексуальных потребностей.

Тема развития новых форм социальных отношений в контексте вторжения техники в ранее недоступные для нее сферы жизни постепенно осваивается массовой культурой. Уже многие десятилетия в произведениях литературы и киноискусства демонстрируется тенденция активного сближения человека с техникой, приводящий к гуманизации техники, с одной стороны, и технологизации человека — с другой. Остановлюсь лишь на одном примере, который служит прекрасной иллюстрацией развития этих процессов в современной цивилизации. Это роман-антиутопия В. Пелевина "S.N.U.F.F." [см.: 9]. Здесь вышеупомянутые аспекты представлены в яркой гротескной форме, позволяющей довести до абсурда идею интимного сближения человека и техники.

Одна из линий романа посвящена отношениям главного героя и суре Кае — совершенной биосинетической машине, роботу, исполняющему роль подруги, жены, любовницы. Сура Кая сконструирована на основе анализа ДНК ее будущего хозяина, позволяющего создать именно тот тип внешности и женской красоты, который будет соответствовать запросу заказчика. Она полностью имитирует человеческую личность, а алгоритмы ее поведения "очень сложны и основаны на изощренных взаимодействиях базы культурных кодов с генератором случайностей, которым, в свою очередь, управляет другой генератор случайностей — что позволяет сделать суру по-настоящему непредсказуемой"[9]. Жизнь суры строго подчинена, по мысли разработчиков, цели генерации наслаждения заказчику всеми мыслимыми и немыслимыми формами, в том числе болью. По сюжету книги сура оказывается более живой и многогранной личностью, чем сам главный герой (и именно в этом и усматривается парадокс гуманизации технологий), она демонстрирует человекоподобные эмоциональные реакции и в итоге обретает полностью автономный режим существования, сбежав от своего хозяина. Тем самым сура совершает и абсолютно человеческий поступок, и поступок запрограммиро-

ванный, поскольку ее поведенческие настройки (в том числе увеличение степеней свободы) изменял по своему усмотрению заказчик. На фоне обладающей свободой воли суры психологический и моральный профиль главного героя совершенно не соответствует человеческому, уподобляясь то примитивному поведению животного, то алгоритмическому функционированию технического устройства. Книгу В. Пелевина интересно рассматривать как пример предчувствования тенденций формирующегося уже сейчас будущего. Будущего, где гуманизация техники и технологизация человека в усиливающемся трансгрессивном стремлении навстречу друг другу подготовят почву для оформления и реализации проекта сексуально-технологической революции.

Интимные технологии и “невидимое” конструирование

Технологический артефакт в своей онтологической роли может быть рассмотрен в качестве объекта, который компенсирует дефицит человеческой сущности[3]. Этот дефицит может проявляться на разных уровнях: человек испытывает дефицит физических, познавательных возможностей, дефицит эстетических, моральных качеств. Такого рода дефицит имманентен человеческому существованию, которое обладает функциональной недостаточностью, бедностью. Попытки компенсировать собственную недостаточность полезными вещами (фактически усилителями человеческой природы) не удовлетворяют потребности человека. Возможно, это связано с тем, что внешние артефакты, как бы они ни были умело подстроены под хабитус человека, все же являются для него чем-то чуждым, мешающим, отвлекающим от собственной субъектности, в то время как идеальный артефакт должен не осознаваться в качестве инструментализируемой вещи, он должен обладать собственной активностью, исходящей при этом из глубины самого субъекта. Выполнение этого парадоксального требования оказывается возможным только в случае, если артефакт окажется глубоко укоренен в человеческой телесности, то есть онтологически будет находиться на грани превращения в естественную вещь.

Современный культурный проект направлен на минимизацию артефакта. Речь идет не только о его миниатюризации (как, например, в случае с нанотехнологическими артефактами), но, если можно так выразиться, онтологической миниатюризации, то есть о размывании свойств артефакта, слиянии его с естественными объектами. Эта тенденция определяет своеобразие конструктивистского тренда современности: необходимо не просто конструировать, но конструировать сам субъект, элиминируя дистанцию между организмами и веща-

[3] Следуя идеям А. Гелена [1].

ми, между живым и технологичным, человеком и машиной. Миниатюризация артефакта стала возможной благодаря усилению научного взгляда, его обострению, в том числе с помощью использования специальных приборов (например, электронных микроскопов), его направленности на дробление мира.

Обозначенная тенденция была бы неосуществимой без переориентации метода современной науки — с открытия истины на конструирование, что стало возможным в результате формирования прагматического техноцентристского мировоззрения современного человека. Х. Новотный заявляет об отсутствии объективного "незаинтересованного" взгляда наблюдателя, "чистого зеркала", на котором бы отражались научные истины[11]. Взгляд современного ученого — это взгляд, направленный не только на понимание сути вещей, но и на их преобразование, конструирование, использование в прагматических ненаучных целях. Развитие интимных технологий в целом является реализацией общекультурного проекта по конструированию человека.

В сложно организованном технологическом мире вещи подверглись бесконечному делению, и на повестке дня встал вопрос о том, чем считать частицы частиц, например кварки. Одна из интерпретаций оказалась связана с их оценкой в качестве символов численного мышления. Раздробленный на частицы мир перестал быть чувственным. Достижения науки и техники демонстрируют нам результат беспрерывного процесса дробления мира. Современный вектор научно-технического развития предвещает наступление эры квантовых технологий, которая идет на смену эре "нано".

Созданный культурой потребления бесконечно разнообразный мир вещей дополняется миром микроскопических гаджетов, миром вещей такого размера, который приближается к миру невидимых сущностей, миру идей, миру математических величин. Универсум математических величин грозит затмить универсум мира вещей, преобразить само понятие вещи — от того, что доступно чувственному взору, — к тому, что будет ему недоступно, но будет не менее реально в своей вещности, не менее артефактично.

Современные устройства (видео)наблюдения лишают нас частной жизни, привычного для нас личного пространства. А если они находятся в клетках нашего тела? Будут ли получать у Вас информированное согласие на медицинские процедуры врачи-нанороботы, которые будут жить в организме человека и устранять проблемы со здоровьем? В отдаленном будущем все возможно... Голос врача, требующего согласия на медицинское вмешательство, вполне может исходить из самого человеческого тела.

Обращу на нанотехнологии более пристальное внимание, поскольку их незаметность способна сделать их невидимым инструментом (но также и оружием) в процессе развития прак-

тик конструирования человека. Все более компактные миниатюрные устройства наблюдения наномасштаба поднимают проблему конфиденциальности медицинской информации, приватности, соблюдения гражданских свобод, заставляют задуматься о возможности использования наноустройств не по медицинским показаниям, а с какими-либо иными прагматическими целями.

Артефакты, полученные на основе наночастиц, не соответствуют идеалу "повиновения", с точки зрения которого оценивается безопасность обычных артефактов, наполняющих нашу повседневную жизнь. "Непокорность" наночастиц является предметом размышлений не только писателей-фантастов или пессимистов-футурологов, но является своего рода имплицитной предпосылкой дискурса о нанотехнологиях, вызывая пристальное внимание со стороны всех тех, кому небезразличны последствия применения нанотехнологий. Наночастицы как феномен природы демонстрируют особый тип объективности, под которым подразумевается присутствие объектов, «когда они "способны" ("able", слово этимологически очень сильное) *возражать* (to object) тому, что о них сказано» [6], то есть по своему поведению оказываются безразличными по отношению к высказываниям ученых, *непокорны* по природе.

Непокорность наночастиц, непредсказуемость их поведения являются во многом причиной того, что диагностические методы с использованием нанотехнологий и тем более терапевтические (доставка лекарств, осуществление нанохирургических операций) — дело пока еще не самого ближайшего будущего. Однако уже сегодня массовое сознание наполнено фобиями, связанными с воздействием наночастиц на человека (например, такими, как появление облаков нанороботов, выполняющих различные задания во время военных действий, невидимым образом уничтожающих противника за счет проникновения в его дыхательные пути, кровеносную систему, выводящих из строя его технику и т.д., или размножающейся наносли зи, поглощающей все живое).

Перспективы развития нанобиотехнологии могут быть связаны с заменой органического (естественного) механическими (искусственными) имплантантами, предельно минимальными артефактами, задача которых состоит в усовершенствовании человеческого существа.

В целом интимное сближение технологии и человеческого тела делает незаметным весь путь преобразования и преображения, по которому, возможно, идет человек. Технологическое преображение человека, скорее всего, не вызовет столько страданий и усилий, сколько требовалось от человека, скажем, ради улучшения внешности или достижения результатов в спорте. Но будут ли полученные результаты именно спортивными результатами?

Уже сейчас существуют возможности использования генетических технологий (генная терапия) для увеличения мышечной массы. Изначально подобный вид помощи являлся медикаментозной терапией для таких заболеваний, как мышечная дистрофия, связанная с возрастом саркопения, ВИЧ и СПИД, а также раковая кахексия. Для современного бодибилдинга открываются новые перспективы: выраженная маскулинность будет формироваться не посредством длительных и зачастую непосильных тренировок, сопровождаемых непрекращаемым вниманием к усовершенствованию собственного тела, но, возможно, путем генетических манипуляций, задающих план развития физически выносливого, атлетически сложенного индивида. Сквозь генетическую оптику мы будем иметь дело с культивированием "внутренней" красоты, которая с технологической неизбежностью обретет свой внешний план, и с культивированием силы как результатом биотехнологических манипуляций.

Открывая этот мир в соответствии с пока известными нам законами физики, мы приближаемся к моменту, который может опрокинуть все наши представления о жизни, материи, кардинально изменить наш опыт и антропологический облик. Компьютер размером с атом, на который может быть записана информация обо всем культурном багаже человечества, и, как обещают нам трансгуманисты, сам человек такого же размера являют собой плоды калькулирующего мышления и бесконечного процесса дробления мира, с одной стороны, и свидетельство абсолютного, безоговорочного доверия технологии, формирующего всепроникающую интимную сеть взаимосвязей между человеком и техникой, — с другой.

Интимные технологии и проблема техновзгляда

Обращу внимание на еще один пока малоосмысленный и плохо изученный подход к развитию интимных технологий, связанный с проблемой технологического взгляда.

Дело в том, что интимные технологии "всматриваются" в человека определенным образом, фокусируя внимание на отдельных фрагментах, параметрах его существования, например: следят за изменением температуры тела или сахара в крови, его социальной репрезентацией (как это делают социальные сети), физическим присутствием в мире и связанными с ними динамическими характеристиками (как это делают камеры), вглядываясь в человека также "постчеловеческими" глазами эротических объектов, и т.д. Проблема техновзгляда концентрирует в себе целый спектр вопросов, связанных с тенденцией интимизации технологий. Попытаюсь тематизировать техновзгляд как особую реальность с само-

бытной онтологией, которая порождает множество социально-этических проблемных зон.

Отталкиваясь от историко-философского контекста, можно утверждать, что взгляд Другого является фундаментальной причиной, конституирующей субъекта, в то время как потенциальным следствием отсутствия взгляда является расширение границ субъективности до пределов, сливающихся со стихией жизни, со стихиями Природы. Взгляд способен выступать основанием морального отношения. Вспомним Фихте с его "философией телесности", отметившего, что один взгляд на подобное собственному человеческое тело позволяет рассматривать Другого как человека, или Э. Левинаса, для которого подобное этическое отношение возникает, когда мы сталкиваемся с лицом Другого, чей взгляд пробуждает в нас моральные обязательства), или Лакана, для которого взгляд (в частности, взгляд на самого себя) — это важнейший эпистемологический фактор, без которого не был бы возможен опыт самопонимания субъекта как отличной от внешнего мира физической структуры.

Давайте попытаемся представить в философской оптике, что происходило с человеком, смотрящим на робота в XX веке, и сравним это с особенностями восприятия гуманоподобной роботизированной техники в XXI веке.

Когда в XX веке люди смотрят на гуманоподобного робота или даже манекена и полагают, что это человек, их внутренний мир подвергается трансформации. Другой угрожает организации, структуре, ценностям вашего мира. Его присутствие вы не можете контролировать, оно содержит в себе какой-то элемент опасности. Когда человек понимает, что перед ним робот, который не является субъектом, мир, кажется, возвращается обратно, и он снова оказывается в центре вселенной. Робот или манекен — это всего лишь объекты этой вселенной, вещи среди вещей.

В XXI веке люди также смотрят на робота или манекена. Когда они понимают, что это робот, их мир также трансформируется. Но трансформируется в сторону субъектности. Люди начинают относиться к роботу, как если бы он был не просто вещью, но субъектом, ожидают от него общения, каких-то реакций, которые раньше были свойственны только людям, пытаются вступить с ним в человекоподобные отношения. И оказывается, что эти отношения могут быть для людей более предпочтительными, чем общение с другими людьми. Такие отношения менее сковывают, не обременяют и не несут в себе импульса страха. Робот, виртуальные программы-роботы отныне находятся в центре человеческого Универсума. Человек относится к роботу, как он ранее относился только к личности, или трансцендентной реальности.

Итак, современность ставит перед этикой взгляда новую проблему — проблему техновзгляда. Под ним подразумевается

феномен приписывания технике (например, гуманоидным роботам) функции Другого, наблюдающего за человеком, наделения техники чертами личности, морального субъекта. Наблюдая за человеком, техника вызывает у него широкий спектр эмоциональных реакций и даже определенное этическое поведение. Присутствуя в той или иной репрезентации: робота, автомобиля, компьютера, — техника дисциплинирует человека, заставляет его координировать свое существование с законами функционирования технического устройства, испытывать их влияние на формирование собственного нормативного пространства.

Камера, следящая за человеком, определенным образом выстраивает его поведение, может тормозить и, наоборот, провоцировать определенные эмоциональные реакции; программное обеспечение, подсказывающее субъекту, каким образом он должен осуществить свой выбор товаров и услуг, предлагающее новинки, запоминающее его предпочтения, — это все примеры работы техновзгляда, действие которого зачастую оказывается не менее сильно, чем действие живого взгляда, брошенного человеком. Вездесущесть техновзгляда приводит к неактуальности и даже излишеству человеческого взгляда, с его ошибками, искаженными оценками, неизлечимой пристрастностью. Технике предоставляют выносить суждения о картине реальности, с которой она сталкивается.

В 1999 году на конференции “MobiCom-99” (Сиэтл, США) было выдвинуто предложение о развитии информационных технологий на основе концепции проактивных вычислений. В концепции сделан акцент на развитии компьютерных технологий в качестве автономной, фактически самозамкнутой системы, не нуждающейся в человеке. Как отмечает Г. Малдер, заместитель директора отдела исследований компании “Интел Резёрч”, «...при проактивных вычислениях, которые должны стать одним из главных направлений использования компьютеров в будущем, компьютер будет сам предугадывать наши нужды и самостоятельно действовать в наших интересах... Проще говоря, если нынче компьютеры — это наши “рабы” (которые нам беспрекословно повинуются и терпеливо ждут наших указаний), то в будущем компьютеры станут нашими “дворецкими” (возможно, с определенной степенью строптивости), которые в определенной мере будут предугадывать нужды своих хозяев и даже навязывать им определенные действия в соответствии с существующими правилами “этикета” и “церемониала”, а также руководствуясь принципами “заботы о нашем здоровье”» [7]. Развитие концепции проактивных вычислений, таким образом, связано с предоставлением пользователям обширного набора услуг при минимальном контроле человека, вплоть до полного “исключения” человека, лишения его автономии в управлении системой [13].

Концепция проактивных вычислений конгруэнтна современной технократической идеологии, разделяемой различными направлениями трансгуманизма. В ее основе лежит стремление усовершенствовать человека технологическим путем. Ее целью, однако, становится не столько совершенный человек, сколько доведение до совершенства технологии и выход в постчеловеческое состояние, преодоление человека как такового. Интимизация технологической реальности, речь о которой шла выше, является лишь предварительным этапом сближения технологий и человека — этапом освоения технологий, но следующий этап уже связан с освоением человека: человек рискует оказаться незначимым звеном в технологической экспансии, звеном, которое будет сметено в процессе технологической эволюции.

Современную технику учат не только мыслить, но и чувствовать. Интимные технологии оказываются телесно ориентированными не только в том смысле, что они демонстрируют особую близость технологии к человеческому телу, достигающую в идеале неразличимость между естественным и искусственным, но и в том, что они еще и развиваются, ориентируясь на образ человеческого тела, на создание его аналога, обладающего огромным диапазоном восприятия. Классический пример — это разрабатываемые для современных компьютеров сенсоры и сенсорные сети, являющиеся проекцией человеческого тела (и в равной степени — редуцированной человечностью, отнимающей человека у человека).

Масштабы контроля над человеческим телом, который открывается благодаря новейшим достижениям в области биомедицины, перспективы превращения тела в артефакт, продукт технологического развития, — все это успешно коррелирует со столь же поразительной по размаху гуманизацией технологических роботизированных тел. Их наделяют все большими степенями свободы, все более широким диапазоном сенсорного восприятия, все более сильными когнитивными характеристиками. О них грезят как о живых, целостных бессмертных телах, куда будет перенесено впоследствии сознание человека. И они вглядываются в человека все более гуманоподобным взглядом.

Именно техновзгляд становится соучастником и творцом человеческой истории, проникая в самые интимные области человеческой жизни и оставляя о них видеосвидетельства, информационные данные, визуальные следы. Современные технологии все больше и больше похожи на субъекта, человека, который выполняет функции Другого, наблюдающего за человеком. Современный человек воспринимает технику, как если бы она была не просто объектом, а субъектом, который способен превосходить его по ряду параметров — например, по скорости реагирования и обработки данных для получения информации. Этот технологический субъект может вызвать в че-

ловеке широкий спектр эмоций, провоцируя различные типы поведенческих реакций, соответствующих принятым моральным нормам и проблематизирующих их.

Д. Деннет в работе "Виды психики: на пути к пониманию сознания" остро ставит проблему обмана взглядом. Я бы ее назвала проблемой "лживого взгляда". Ход рассуждений автора я превращу в смоделированную ситуацию: представьте себе, что вы склоняетесь над колыбелью. На вас смотрит младенец. На ваш взгляд вам отвечают взглядом. На ваше присутствие вам отвечают присутствием. Или, как говорит Д. Деннет, "в новорожденных завораживает то, что с самой первой минуты в них кто-то присутствует" [2].

Однако представьте себе и другую ситуацию (не смоделированную Деннетом, но существование которой вытекает из контекста его рассуждений): вы склоняетесь над колыбелью младенца, пристально глядящего на вас, протягиваете руку, чтобы его погладить, и при прикосновении понимаете, что перед вами не совсем младенец и даже не совсем человек. Д. Деннет отмечает, как легко нас можно ввести в заблуждение взглядом. Так, нас может обмануть робот. Исследователь приводит пример робота Кога из Массачусетского технологического института (видите, у него даже имя есть в отличие, скажем, от узников концлагерей), «движения частей тела которого были обескураживающе похожи на гуманоидные... Если смотреть Когу прямо в глаза, в то время как он автоматически смотрит в ответ, это может оказать "завораживающее" действие на непосвященного, но за этими глазами никого нет — пока, во всяком случае» [там же].

Что же происходит в реальном мире с действием аргумента взгляда?

Взгляд робота, имитирующий взгляд человека, может вызвать беспокойство и тревогу, но также и безразличие, и радость, и даже восхищение. В реальном мире воздействие взгляда парадоксально: не всякий человеческий взгляд или образ человеческого тела вызывает у нас моральное чувство, мы можем игнорировать эстетически непривлекательные объекты или такие образы живых существ, которые способны вызвать у нас отвращение. Вместе с тем если "аргумент взгляда", направленный на человека, не всегда срабатывает, то все сильнее заявляет о себе аргумент техновзгляда. И в число тех, из-за которых он не прекращает свое действие, могут входить все, кто по каким-то параметрам отклоняется от социальной нормы, модных эталонов человеческих существ, наполняющих пространство массовой культуры.

Взгляд технического устройства (робота), казалось бы, ни к чему не обязывает. Однако замешательство и беспокойство, которое он вызывает, способны стать предвестниками появления в дальнейшем морального ответа. Вместе с роботами люди способны испытывать глубокие чувства, о которых, воз-

можно, они позабыли или в которых разочаровались в человеческом сообществе. Между техническим устройством и человеком возникают тесные эмоциональные связи. Поэтому электронные собаки или роботы-младенцы становятся объектами повышенного проявления нежности и внимания.

Почему срабатывает аргумент техновзгляда? Возможно, потому что мы чувствуем, что мы и есть роботы. Это также ответ Деннета; правда, исследователь дает его в очень своеобразной юмористической форме. Вспоминая о самореплицирующихся макромолекулах, из которых состоит наше тело, Деннет заявляет о том, что "больше нет серьезных оснований сомневаться в том, что мы — прямые потомки этих самореплицирующих роботов. Мы млекопитающие, а все млекопитающие произошли от рептилий, предками которых были рыбы; предками же рыб были морские создания, довольно похожие на червей, которые в свою очередь произошли несколько сотен миллионов лет назад от более простых многоклеточных созданий, а те произошли от одноклеточных созданий, произошедших около трех миллиардов лет назад от самореплицирующих макромолекул". Подводя итог, он шутливо замечает: "Скажем яснее: ваша пра-пра... бабушка была роботом!" [там же].

Такой контекст рассуждений склоняет к лаконичному этическому выводу: давайте уважать прабабушек! Если же говорить на более серьезном теоретическом уровне, то объединение человечества может произойти в контексте биоцентристской парадигмы, но не потому, что мы все живые существа, а постольку, поскольку каждый из нас является роботом, поскольку внутри каждого из нас звучит голос, напоминающий об уважении к первопредку своего тела. К роботу.

Роботофилию можно расценивать как новый вид (псевдо)гуманизма в условиях, когда человек тяготится присутствием другого человеческого существа, когда Другой оказывается слишком сложен и обременителен для общения. И здесь аргумент "от первопредка", сформулированный Деннетом, дает значительное подспорье: человеческое существо любит роботов, поскольку, вглядываясь в себя, любит себя. (Не будем ничего говорить о сложности онтологической архитектуры такого себя.)

Итак, взгляд вносит фактор дезинтеграции в человеческое существование. Дезинтеграции с окружающим миром, собой и другими людьми. "Быть увиденным другим" (по-другому) означает быть схваченным как объект мира, как вещь, подлежащая оценке и взвешиванию, однако "быть увиденным Другим" (кем-то) является возможностью, способной пробудить в Другом моральную реакцию, заставить его взгляд подняться до уровня понимания человеческого существа как этической вещи, отличной от вещей окружающего мира. Техновзгляд, как ни странно, способен выполнять эту же функцию, пробуждая

голос совести, принуждая его к долгу, представая объектом желания... Здравый смысл, однако, заставляет ставить следующие вопросы: будет ли человек, способный полюбить робота или виртуальную подругу, глядя ему в глаза, ревновать его, чувствовать злость, досаду или страдание? Будет ли он испытывать удовольствие от нахождения под взглядом?

В этой связи уместно вспомнить С. Жижека, подметившего, что события, с которыми мы имеем дело в виртуальной реальности, не настолько отличны от тех, с которыми мы сталкиваемся в так называемой реальности обыденной. В виртуальной реальности, а именно к ней и относится техновзгляд (как бы и существующий, но не в смысле физического воплощения, а как функция-имитация, функция приписывания), наблюдается виток в сторону картезианства: рациональность проявляется как чистое картезианское эго. Телесные основы идентичности практически сводятся на нет. Жижек утверждает, что конструирование собственной идентичности в виртуальных сообществах показывает, что "все наши физические свойства заменяемы, а вот неизменным в субъекте остается именно cogito ergo sum, то есть картезианский субъект... Виртуальная реальность помогает нам обнаружить то, что в нашей, так сказать, реальной реальности наша идентичность тоже в известном смысле виртуальна. Если вы — женщина, оскорбленная, униженная, изнасилованная, то, конечно, это физическая травма, но все-таки оскорбление, унижение предполагают, что ваша идентичность была травмирована, ваша виртуальная идентичность, а не идентичность, непосредственно зависящая от вашего биологического тела, даже если и социально сконструированного"[5].

В виртуальной реальности мы фактически конституируем Другого, одновременно конституируя себя. Аналогично выглядит дело с гуманоподобными роботами. Мы осуществляем двойное конституирование, настраивая себя на восприятие их как вещи, которая больше, чем вещь, техники, которая больше, чем техника. Но ни роботы, ни виртуальные персонажи не дают нам возможность понять очевидную вещь: Другого надо не конституировать, а встретить.

Литература

1. *Гелен А.* О систематике антропологии (пер. А.Ф. Филиппова) // Проблема человека в западной философии: Переводы / сост. и послесл. П.С. Гуревича; общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 152–201.

2. *Деннет Д.* Виды психики. На пути к пониманию сознания. М.: Идея-Пресс, 2004. URL: http://www.psyoffice.ru/2298-9-dennd01-index.html (дата обращения: 05.04.2016).

3. *Дери М.* Скорость убегания: Киберкультура на рубеже веков. Екатеринбург: Ультра. Культура; М.: АСТ, 2008. URL: http://www.marsexx.ru/lit/dery-escape.html (дата обращения: 05.04.2016).

4. Европейская парламентская сеть оценки технологий: новые технологии и государственные решения // Аналит. вестн. 2013. № 33 (551).

5. *Жижек С.* Власть и цинизм. URL: http://www.belintellectuals.eu/media/library/zizek_vlast_i_cynizm.doc (дата обращения: 05.04.2016).

6. *Латур Б.* Когда вещи дают сдачи // Вестн. МГУ. Сер. 7. Философия. 2003. № 3. С. 20–39. URL: http:// philosophy.ru/library/latour/whenthings.html (дата обращения: 05.03.2016).

7. Научные исследования в Intel — подробности о некоторых технологиях будущего. URL: http://www.ferra.ru/ru/system/s25980/(дата обращения: 05.03.2016).

8. *Попова О.В.* Биотехнологическое конструирование искусственного-естественного: социальный контекст // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2. С. 161–171.

9. *Пелевин В.* S.N.U.F.F. М.: Эксмо, 2012.

10. *Est R. van, Rerimassie V., Van Keulen, Dorren G.* Intimate technology: The battle for our body and behavior. The Hague, Rathenau Instituut, 2014.

11. *Nowotny H., Testa G.* Naked genes: Reinventing the human in the molecular age. Cambr., Mas.: MIT Press, 2010.

12. *Venter L., Olivier M.S., Britz J.J.* Interactive to Proactive: Computer Ethics in the past and the future. URL: http://mo.co.za/open/ proactive.pdf (дата обращения: 11.04.2016).

НОВЫЕ КНИГИ

Манн И. **Номер 1. Как стать лучшим в том, что делаешь.** 3-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 240 с.

Михайлова Е.Л. **Психолог для невидимки. Чистосердечные признания.** М.: Класс, 2015. 192 с.

Петрановская Л.В. **Тайная опора: Привязанность в жизни ребенка.** М.: АСТ, 2015. 288 с.

Пржиленский В.И. **Социальные технологии: Фундаментальные и прикладные проблемы: Монография.** М.: Норма, Инфра-М, 2015. 176 с.

Пронин М.А. **Виртуалистика в институте человека РАН.** М.: Ин-т философии РАН, 2015. 179 с.

Психология и психоанализ власти / Сост. Д.Я. Райгородский. Самара: Бахрах-М, 2016. 816 с.

Сафрански Р. **Ницше: Биография его мысли** / Пер. с нем. М.: Дело РАНХиГС, 2016. 456 с.

☞ с. 162

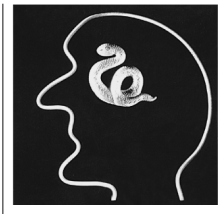
Сент-Джонс Р. **Большая восьмерка: Результаты самого масштабного исследования успешных людей** / Пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 272 с.

Смирнова Н.М., Бескова И.А., Майданов А.С. **Язык, смысл, творчество.** М.: Ин-т философии РАН, 2015. 141 с.

ДО РОЖДЕНИЯ: НА ГРАНИЦЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

© 2017

Т.О. Новикова



Новикова Татьяна Олеговна — кандидат философских наук, доцент кафедры общей и прикладной психологии с курсом медико-биологических дисциплин ГБОУ ВПО "Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет" Минздрава России. Постоянный автор журнала. E-mail: tatolnov@gmail.com

Когда появляется человек? Что служит отправной точкой подлинно человеческого существования? Является ли момент рождения своего рода демаркационной линией, отграничивающей бытие человека от до-человеческого и / или не-человеческого внутриутробного существования? Или же понятие границы весьма условно, ибо речь идет не о завершении перехода, не о принципиальной разнице между началом и концом, а, скорее, о бытии *на* границе, "где одно с необходимостью полагает другое, где возможны взаимопроникновение и взаимопереходы одного в другое, где обнаруживается принципиальная "незавершенность и незавершимость человека" (К. Ясперс)" [6, с. 48].

В философии существуют различные подходы к пониманию того, что есть граница. Она может мыслиться как предел, как некое отрицание иного или как порог, осуществление встречи бытия и ничто.

Одним из критериев *человеческого* является определение его как субъекта прав и свобод. В Конституции РФ говорится, что "основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения" [5].

Даже если рассматривать рождение как границу, отделяющую человеческое существование от нечеловеческого, то и здесь возникает огромное количество вопросов. Сама дата родов оказывается весьма условной и предполагает возможность преждевременного появления ребенка на свет. Как в таком случае относиться к глубоко недоношенным детям? Каковы здесь критерии "человечности"? С точки зрения российского законодательства, медицинскими критериями рождения, то есть появления *человека* на свет, являются срок беременности от 22 недель и более и масса тела ребенка при рождении от 500 г. При этом, даже в случае отсутствия признаков жизни (таких, как сердцебиение, дыхание, мышечная активность и пр.), появление на свет регистрируется как мертворождение [7].

Но и в случае своевременных родов появляющийся на свет младенец характеризуется незрелостью психической сферы, не проявляет в полной мере всей своей "человечности". Еще в XIX веке Дж. Фиске, американский историк и философ, в своей работе "Значение младенчества" (The meaning of Infancy) [19] определяет этот этап человеческой жизни в качестве важного эволюционного фактора, отчасти даже сопоставляя его роль с ролью естественного отбора. Обоснует данную

точку зрения Фиске следующим образом: эволюция человека касается, прежде всего, не изменения физического облика и строения организма человека, а связана преимущественно с психическим развитием. Деятельность человека чрезвычайно сложна и многоаспектна, действия, производимые человеком, предельно разнообразны и сложны. Такая специфика человеческой двигательной активности и деятельности подразумевает высокую степень развития интеллекта. За период внутриутробного развития все многообразие связей, обеспечивающих скоординированную, подкрепленную интеллектом деятельность, не может быть образовано. Поэтому период младенчества и выступает базисом, на основе которого выстраивается настоящий человек, принципиально отличающийся от всего животного мира и занимающий доминирующее положение в природе [ibid.]. В этой связи интересно, что существуют культуры, в которых наступление младенчества как первой ступени собственно человеческого существования откладывается на некоторый период после рождения. Например, в языке аборигенов Арнемленда новорожденные обозначаются тем же термином, что и плод. Только когда новорожденный начинает улыбаться (а это происходит в среднем в возрасте 3–6 недель после рождения), его начинают называть ребенком, и этот термин закрепляется до достижения возраста 9–12 лет [18].

Существующее многообразие морально-экзистенциальных проблем утробного и послеутробного развития включает несколько важных аспектов, по поводу которых высказываются разные точки зрения. [9]. Все выделенные позиции условно можно разделить на естественнонаучные, артикулируемые, как правило, генетиками и эмбриологами, и гуманитарные. Каждая из рассматриваемых в рамках анализа естественнонаучная позиция связывает начало человеческой жизни с определенным временным периодом и характерным для него этапом формирования конкретной системы жизнеобеспечения.

К гуманитарным позициям, с точки зрения И. Силуяновой с соавторами, относятся:

■ Теологическая позиция, которая заключается в утверждении, что человеческая жизнь именно как человеческая начинается с момента оплодотворения и зародыш уже на ранних стадиях внутриутробного развития являет собой не что иное, как личностное бытие.

■ Юридическая позиция, в рамках которой эмбрион рассматривается как возможный субъект/объект правовых отношений. Здесь важно именно то, как понимается эмбрион, ведь только субъектный статус задает модус человеческого существования и возможность определять эмбрион / плод как *кто*, а не *что*.

■ Психоаналитическая позиция, рассматривающая внутриутробное развитие как значимый этап в становлении личности и подчеркивающая, что антенатальный опыт выходит за рамки сугубо биологических процессов и включает значимые психические составляющие. С точки зрения данной позиции, не существует непреодолимой пропасти между опытом до и после рождения, и полученные внутриутробно переживания (как позитивные, так и негативные) оказывают влияние на протяжении всей постнатальной жизни.

■ Градуализм. Позиция заключается в утверждении, что происходит постепенное одушевление эмбриона и в процессе этого одушевления приобретаются человеческие и личностные свойства. При этом сторонники данной позиции исходят из того, что начало “онтологичес-

кой индивидуальности" лежит в пределах первых двух недель жизни [9, с. 100–101].

■ Авторами также упоминается позиция социологизма, под которой они объединяют взгляды, своими истоками восходящие к идеям марксизма. В рамках этой позиции сущность человека рассматривается как совокупность общественных отношений [там же, с. 100], а, значит, эмбрион, находясь по ту сторону социума, оказывается и за гранью собственно человеческого существования. И только факт рождения вводит человека в систему общественных отношений и является точкой отсчета человеческого существования.

■ Собственную позицию авторы характеризуют как морально-интенциональный подход к статусу эмбриона. Суть его в том, что эмбрион-рассматривается , прежде всего, как субъект моральной рефлексии [там же, с. 103–105].

Еще ранее, а именно в 2003 году, вопрос о статусе эмбрионов и человеческих зародышей был актуализирован в Комитете министров Совета Европы. При комитете по биоэтике была создана рабочая группа по защите эмбрионов и зародышей человека: в ее задачу входила разработка мер по защите прав человека при использовании биомедицинских технологий. Результат деятельности были опубликованы в документе "Доклад о защите эмбрионов человека in vitro" [4]. Подробный анализ настоящего текста приводится в статье Б.Г. Юдина "Статус эмбрионов человека: многообразие позиций и аргументов" [14]. В статье анализируются две принципиальные позиции и две промежуточные относительно статуса эмбрионов и зародышей человека, приводятся аргументы, обосновывающие моральный статус эмбриона и демонстрируется, что существующие позиции акцентируют внимание на отдельных, частных аспектах внутриутробного существования [4; 14].

Представляется, что градуалистские подходы, о которых говорит Б.Г. Юдин, ссылаясь на доклад рабочей группы, есть движение от двух крайних позиций, являющихся принципиально различными и задающими отличный контекст осмысления внутриутробного существования как человеческого или, напротив, не/вне человеческого. Исходным пунктом для градуалистских позиций выступает понятие "развитие", специфические этапы которого и задают ценность эмбриона как морального субъекта.

В рамках настоящей статьи остановимся на двух крайних позициях понимания морального статуса эмбриона, поскольку именно они определяют спектр этических, юридических, политических решений относительно детерминации качества эмбрионального этапа человеческой жизни.

Первая позиция представляет расширенный морально-интенциональный подход и принципиально трактует эмбрион как субъект права и свобод и в этом смысле приравнивает внутриутробное существование к человеческому [1]. Крайнее выражение данной позиции сводится к уравниванию в правах эмбриона и рожденных младенцев [26]. Одним из примеров этой точки зрения может рассматриваться так называемый "Акт о нерожденных жертвах насилия 2004" ("Unborn Victims of Violence Act of 2004"), еще известный как "Закон Лэйси и Коннора" ("Laci and Conner's Law") [27]. В рамках документа внутриутробное существование однозначно маркируется как человеческое, более того, вне зависимости от стадии развития зародыш / эмбрион / плод мыслится, прежде всего, и не иначе как ребенок, как представитель homo sapiens. Отсюда и отно-

Рис. 1. Мартин Худачек. Скульптура Словакия

шение к нему должно быть человеческое.

Это отношение означает не только признание прав и свобод еще не рожденного ребенка, но и предполагает возможность сохранения памяти о нем в коллективном сознании. Примером посмертного поминовения еще не рожденных детей может служить Национальный Мемориал и Музей одиннадцатого сентября, построенный в Нью-Йорке с целью увековечения памяти жертв трагедии 2001 года и теракта, совершенного в 1993 году во Всемирном торговом центре. Частью мемориала являются 76 бронзовых плит, на которых высечены имена 2983 жертв. Среди них упоминаются десять беременных женщин, погибших 11 сентября 2001 года, и одна — в результате атаки 1993 года. Их имена сопровождает надпись “и ее нерожденный ребенок” [15, p. 183]. Конечно, если рассматривать этот мемориал с точки зрения его роли и значения для родственников погибших, не возникает никакого сомнения в необходимости подобного указания на еще не рожденных детей. Но, оценивая эти надписи в социокультурной перспективе, мы встаем перед весьма трудными вопросами: «Что происходит, когда мы признаем еще не рожденных жертвами, когда легитимизуем в свете насильственных обстоятельств жизнь плода? Более того, если нерожденные дети понимаются как жертвы, то, что это означает для “всех нас”, каков смысл этого принятия “жизни” плода, коллективной идентификации и особой значимости “нерожденных жертв насилия”?» [24, p. 62].

Еще один пласт социокультурной рецепции эмбриона/ плода как субъекта отношений, полноценного человека (личности?) зафиксирован в памятниках нерожденным детям и жертвам абортов. Наиболее известный из них — скульптурная композиция, автором которой является словацкий скульптор Мартин Худачек (рис. 1). Половина скульптуры выполнена из хрусталя, тем самым подчеркивается хрупкость и призрачность еще не рожденного ребенка [23]. Подобные памятники нерожденным детям и жертвам абортов установлены в разных странах и городах. В сентябре 2012 года в Риге была проведена акция “За жизнь”, которую устроила художница Ева Риекстиня. На площади было размещено 27 фигур детей, ставших жертвами абортов, рядом с каждой располагалась табличка, рассказывающая историю нерождения ребенка (рис. 2) [2]. Таким образом, создание монументов в честь нерожденных детей и жертв абортов — это совершенно особенный вид коллективной памяти, который может быть условно назван “напоминанием”. В этом напоминании закрепляется адвокатская позиция, которая также часто транслируется в рамках религиозной философии, биоэтики и политики в сфере абортов. Согласно данной позиции, точкой

Рис. 2. Акция "За жизнь". Рига. Латвия

отсчета человеческой жизни, именно как качественно человеческой, выступает момент зачатия. Поэтому любое посягательство на эмбрион рассматривается как причинение вреда жизни, а аборт — преднамеренное убийство [10].

Необходимо заметить, что споры вокруг статуса человека, начиная с момента зачатия, ведутся не только в рамках религиозных взглядов и воззрений, но и в кругу ученых, принадлежащих к естественнонаучным областям знания. Дискуссии здесь разворачиваются относительно утверждения, что с момента зачатия зародыш обладает всеми потенциями, чтобы осуществить качественный переход и развиться в человека, более того, уже на стадии зиготы проявляется генетическая и эпигенетическая индивидуальность человеческого организма, и эта "потенциальность" и индивидуальность человеческого эмбриона принципиально несводима к потенциям стволовых и соматических клеток, использование которых возможно при процедуре клонирования [17].

Вторая принципиальная позиция относительно внутриутробной стадии развития человека заключается в том, что эмбрион понимается как объект отношений. Что же означает эта объектность эмбриона?

С одной стороны, понимая эмбрион в качестве объекта, мы воспринимаем его как вещь среди других вещей, в отношении которой могут возникнуть правовые споры имущественного характера. Интересный пример из юридической практики США приводит в статье о правовом статусе эмбриона Н.А. Белобрагина [1, с. 36]. В рассматриваемом случае эмбрион выступал предметом спора в результате развода супругов и связанного с ним раздела имущества. Наряду с конкретным решением по рассматриваемому делу суд в частности установил, что "человеческий эмбрион не является объектом права собственности. Эмбрионы не могут входить в общий объем имущества, принадлежащего супругам, и к ним неприменимы общие правила о разделе имущества" [там же, с. 35]. Данный пример говорит о том, что действительно в ряде случаев эмбрионы понимаются как объекты правовых отношений, но вместе с тем они принципиально отличны от других объектов права.

С другой стороны, объектность человеческого эмбриона означает еще и то, что он понимается не как самостоятельный отдельный организм, а как часть организма матери, и в этом смысле приравнивается к другим органам и системам органов человека. Примером такого понимания может служить упомянутый выше социологизм в осмыслении статуса эмбриона и идеология, лежащая в основании легализации абортов [9, с. 103].

Следует отметить, что рассмотренные позиции не раскрывают всей глубины проблемы, поскольку в зависимости от того, каким образом мыслится моральный статус эмбриона, решается целый ряд конкретных юридических, медицинских, этических вопросов. Если говорить о нашей стране, то и в действующем законодательстве четкие представления о статусе эмбриона отсутствуют. С одной стороны, правами и свободами человек обладает от рождения (ст. 17 Конституции РФ [5]), следовательно, эмбрион не наделен статусом человека, а российское законодательство допускает искусственное прерывание беременности как по медицинским, так и социальным показаниям (ст. 56 ФЗ РФ “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации”) [12]; эта же объектность эмбриона отражается и в законах, касающихся репродуктивных технологий и экстракорпорального оплодотворения [8; 12]. С другой стороны, можно говорить о косвенной защите эмбриона на примере уголовного кодекса РФ, из которого следует, что беременность может быть рассмотрена как фактор, смягчающий наказание (ст. 61, УК РФ) [11] в случае вины женщины, и как отягчающее обстоятельство, если преступление совершено в отношении беременной женщины (ст. 63, УК РФ) [там же]. Кроме того, в уголовном кодексе есть статья, предусматривающая наказание за незаконное искусственное прерывание беременности (ст. 123 УК РФ) [там же], однако строгость его в рамках этой статьи невысока, данное преступление не предусматривает даже лишения свободы (за исключением п. 2, когда незаконный аборт может повлечь смерть женщины), то есть незаконное прерывание беременности не квалифицируется в рамках уголовного законодательства как убийство пока не рожденного человека. Еще один правовой аспект, в котором в какой-то мере защищаются и / или предполагаются права эмбриона, связан со ст. 1116 Гражданского кодекса РФ, оговаривающей права наследования [3]. В этой статье говорится о том, что “к наследованию могут призываться граждане, находящиеся в живых в момент открытия наследства, а также зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства” [там же]. Таким образом, приведенные примеры еще раз иллюстрируют, что статус до рождения оказывается неопределенным, и даже в рамках действующего законодательства происходит пересечение субъектной и объектной плоскостей бытия до рождения.

Эта неопределенность только усиливается современной культурой. Проблематизация нижней границы определения человеческого в пространстве современной культуры и общества связана с существенным прогрессом в области цифровых технологий. Длительное время рождение знаменовало собой встречу, некую со-бытийность, когда родители впервые встречали своего малыша. Сегодня первые свидетельства жизни получаются посредством ультразвуковой диагностики. Кадры сонограм становятся реальностью переживания беременности [22], они — не просто диагностический маркер благополучия и нормативности развития плода, а свидетельство встречи женщины с ее еще не рожденным ре-

бенком. 3–4D УЗИ-диагностика меняет свое назначение, она все чаще используется не только как медицинская технология, позволяющая делать детальный скрининг, а становится мощным социальным ресурсом, способствующим формированию бондинга[1] [21].

Таким образом, происходит некая гуманизация существования до рождения. В рамках современной культуры вопрос уже состоит не в том, с какого срока беременности возможно делать УЗИ-снимки и 3D-реплики, учитывая всю многозначность смыслов, вкладываемых в них, а в том, кто может / должен видеть эти фотографии, поскольку тогда актуализируется еще один вопрос: могут ли УЗИ-фотографии рассматриваться как объявление о появлении нового человека в мире [20]?

В сентябре 2010 года компания “AVG”, работающая в сфере обеспечения интернет-безопасности, провела исследование, в котором приняли участие 2200 матерей из разных стран, воспитывающих детей в возрасте до двух лет [16]. Это было одно из пионерских и достаточно масштабных исследований. Полученные уже тогда результаты позволили сделать вывод о чрезвычайно ранней виртуализации детства. Согласно приводимым данным, доля присутствия детей в Сети в разных странах различна (таблица) [ibid.]. Однако в целом можно говорить о неких схожих тенденциях: чем старше ребенок, тем чаще родители выкладывают его фотографии, тем шире его виртуальное присутствие. Кроме того, необходимо отметить, что более 23% матерей из разных стран размещают онлайн антенатальные сканы своих детей. Интересно, что в ряде стран (например, США, Канада, Япония) процент представленности в дигитальном пространстве фотографий новорожденных детей и УЗИ-сканов

[1] Бондинг (*англ.* bonding) — воссоединение матери с ее ребенком на тонком интуитивном уровне, умение чувствовать друг друга на расстоянии, понимать внутреннее состояние с полувзгляда, предугадывать желания, предупреждать проступки.

Виртуальное присутствие младенцев

Страна	Выкладывание фотографий в Интернете, доля в %			Создание ребенку персонального e-mail	Создание ребенку персонального профиля в социальных сетях
	Детей в возрасте до двух лет	Новорожденных	Антенатальные сканы		
США	92	33	34	6	6
Канада	84	37	37	9	8
Великобритания	81	37	23	4	4
Франция	74	26	13	7	2
Италия	68	26	14	7	5
Германия	71	30	15	7	5
Испания	71	24	24	12	7
Австралия	84	41	26	7	5
Новая Зеландия	91	41	30	4	6
Япония	43	19	14	7	8
Всего:	81	33	23	7	5

Рис. 3. Страница Википедии "Ребенок герцога и герцогини Кембриджских"

эмбрионов сопоставим или имеет незначительное отличие (таблица). Тенденция может выступать наглядной иллюстрацией стирания границ между существованием до и после рождения и чрезвычайной гуманизации эмбрионов.

Исследователи заключают, что современный человек получает не только реальное, но и дигитальное рождение, и это дигитальное рождение по срокам значительно опережает реальную дату родов [ibid.]. Пожалуй, одним из ярких примеров, наглядно иллюстрирующих ситуацию дигитального рождения, может служить прецедент создания в 2013 году страницы Википедии на нескольких языках, посвященной еще не рожденному тогда принцу Джорджу Кембриджскому (рис. 3) [25].

Таким образом, история человека начинается еще до того, как он / она появится на свет. И чем условнее становится грань между жизнью до и после рождения, тем острее звучат споры вокруг статуса эмбриона. Ведь от понимания его в контексте субъект-субъектных или субъект-объектных отношений во многом зависит решение целого ряда этических, юридических, медицинских, политических вопросов.

Литература

1. *Белобрагина Н.А.* Правовой статус эмбриона // Известия Тульского государственного ун-та. Экономические и юридические науки. 2013.

2. В Латвии ежедневно делаются 27 абортов // VESTI.LV: Новости Латвии. Политика. Экономика. Спорт. Общество. 10.09.2012. URL://vesti.lv/news/v-latvii-ezhednevno-delayutsya-27-abortov/print (дата обращения: 25.09.2016).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья). 26.11.2001. № 146-ФЗ (ред. от 03.07.2016); с изм. и доп., вступ. в силу

с 01.09.2016. Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс” (дата обращения: 25.09.2016).

4. Доклад по вопросам защиты эмбриона человека in vitro // Руководящий комитет по биоэтике Совета Европы (CDBI). Защита эмбриона человека in vitro. Доклад Рабочей группы по защите эмбриона и плода человека (CDBI-CO-GT3) / Пер. на рус. яз. Л.А. Резниченко. Научн. ред.: член-корр. РАН Б.Г. Юдин, проф. Л.Ф. Курило. URL:https://rm.coe.int/ CoERMPublicCommon SearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016803113e8 (дата обращения: 20.10.2016).

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс” (дата обращения: 25.09.2016).

6. *Куликова Т.В.* Философия “границы” в контексте гуманитарного познания // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. №1 (3). С. 47–54.

7. О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи: приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 27.12.2011 №1687. Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс” (дата обращения: 25.09.2016).

8. Приказ Минздрава России от 30.08.2012 № 107н (ред. от 11.06.2015) “О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению” (зарегистрировано в Минюсте России 12.02.2013 за № 27010). Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс” (дата обращения: 25.09.2016).

9. *Силуянова И.В., Першин М.С., Ляуш Л.Б., Макеева И.М.* Статус эмбриона // Человек. 2007. № 2.

10. *Тасаков С.В.* Нравственные критерии определения начала жизни человека как объекта уголовно-правовой охраны // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 4. С. 206–209.

11. Уголовный кодекс Российской Федерации. 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016) / Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс” (дата обращения: 20.10.2016).

12. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 03.07.2016) “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.10.2016). Доступ из справ.-правовой системы “КонсультантПлюс” (дата обращения: 20.10.2016).

13. *Эпштейн М.Н.* Отцовство: метафизический дневник. СПб.: Алетейя, 2003.

14. *Юдин Б.Г.* Статус эмбрионов человека: многообразие позиций и аргументов // Человек. 2004. № 2.

15. *Blais A., Rasic L.* A place of remembrance: Official book of the national September 11 memorial. Washington: National geographic. 2011.

16. Digital Birth: Welcome to the Online World // Business Wire. A Berkshire Hathaway Company. 2010. October the 6th. URL: http://www.businesswire.com/news/home/20101006006722/en/Digital-Birth-Online-World (дата обращения: 26.10.2015).

17. *George R.P., Lee P.* Embryonic human persons. Talking Point on morality and human embryo research // EMBO Rep. 2009. Value. 10. № 4.

18. *Gottlib A.* Where Have All the Babies Gone? Toward an Anthropology of Infants (and Their Caretakers) // Anthropological Quarterly. 2000. Vol. 73. №. 3. Youth and the Social Imagination in Africa. Part 1.

19. *Fiske J.* Meaning of Infancy. Create Space Independent Publishing Platform. 2015.

20. *Leave T.* Born Digital? Presence, Privacy, and Intimate Surveillance // Re-Orientation: Translingual Transcultural Transmedia. Studies in narrative, language, identity, and knowledge Shanghai / Ed. by J. Hartley & W. Qu. Shanghai: Fudan University Press. 2015.

21. *Lupton D.* Digital bodies // The Routledge Handbook of Physical Cultural Studies. / Ed. By Silke M., Andrews D. and Thorpe H. London: Routledge, 2015. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2606467 (дата обращения: 26.10.2015).

22. *Lupton D.* The Social Worlds of the Unborn. UK: Palgrave Macmillan, 2013.

23. Memorial for Unborn Children: An interview with Martin Hudбиек. 2012. September 16th. URL: https://evenifministries.wordpress.com/2012/09/16/410/ (дата обращения: 25.09.2016).

24. *Murray S.J., Vanderwees C.* / Ed. by: C. Colaguori ed. // In: Security, Life and Death: Governmentality and Biopower in the Post-9/11 Era. de Sitter Publications; 2013.

25. Prince William and Kate's baby becomes first person to get Wikipedia page before being born// Royal Central. 2013. July the 2nd. URL: http://royalcentral.co.uk/uk/cambridges/prince-william-and-kates-baby-becomes-first-person-to-get-wikipedia-page-before-being-born-10517 (дата обращения: 25.09.2016).

26. The Unborn Human. / Ed. by D.L. Lupton: Open Humanities Press (open access digital book).2013. URL: http://www.livingbooksaboutlife.org/books/The_Unborn_Human (дата обращения 25.09.2016).

27. Unborn Victims of Violence Act of 2004, or Laci and Conner's Law. United States Code. Second Session, 108th Congress, 2004. Vol. Title 18. Chap. 90.

НОВЫЕ КНИГИ

Смолл М. **При чем здесь любовь? Эволюция взаимоотношений полов** / Пер. с англ. М.: СветЛо, 2015. 312 с.

Фрейд З. **Навязчивость, паранойя и перверсия** / Пер. с нем. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 320 с.

Харрис С. **Моральный ландшафт. Как наука может формировать ценности людей** / Пер. с англ. М.: Карьера Пресс, 2015. 336 с.

Целмс Г.М. **Мы живем, под собою не чуя страны…: Воспоминания простого русского человека.** М.: Новый хронограф, 2015. 424 с.: ил.

Чалдини Р. **Психология влияния** / Пер. с англ. 5-е изд. СПб.: Питер, 2015. 336 с.

Чеканский А.Н., Коцоева В.А., Варюхин С.Е. **Управленческая экономика: Практика применения: Учеб. пособие для студентов вузов.** М.: ИД "Дело" РАНХиГС, 2015. 170 с.

Шейнов В. **Поссорься со мной, если сможешь. Психология бесконфликтного общения.** СПб.: Питер, 2016. 224 с.

Яковлев В.Ф. **Начало амнезиоскопии: Взгляд в забытое прошлое.** М.: Роса, 2016. 304 с.

П. ЧААДАЕВ: СОЦИАЛЬНЫЙ КРИТИК, ФИЛОСОФ, РЕЗОНЕР?

СУДЬБА

© 2017

Е.В. Мареева

Мареева Елена Валентиновна — доктор философских наук, профессор кафедры социально-философских наук Московского государственного института культуры. В журнале "Человек" публикуется впервые. E-mail: e.v.mareeva@yandex.ru

Многие философские учения можно изучать, абстрагируясь от личности их создателя. Но что есть Чаадаев без "телескопической истории"? И что такое "телескопическая история" без своеобразия индивидуальности Чаадаева? Позиция Чаадаева неотделима от его личности, которая стала воплощенным символом протеста. Но против чего и как протестовал Чаадаев? Через 180 лет этот вопрос вполне уместен. Ведь, как писал когда-то А. Лебедев: "Легенда и сплетня всю жизнь шли рядом с Чаадаевым. Они не оставили Чаадаева и после его смерти" [7, с. 8].

О радикализме чаадаевской критики

Именно А.И. Герцен, как считал М.И. Гершензон, стал основателем "легенды" о Чаадаеве как об одном из основоположников русской освободительной мысли. По мнению самого Гершензона, автора внушительной работы "Чаадаев: Жизнь и мышление" (1908), Чаадаев вовсе не принадлежал к революционным мыслителям, а был философом-мистиком. С подачи не только Герцена, но также В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского и Г.В. Плеханова, а последний открыто спорил с оценкой Гершензона, в советской историко-философской науке эта легенда в итоге стала аксиомой. По мнению В.Ф. Асмуса, концепция Гершензона, боровшегося против созданной Герценом "чаадаевской легенды", сама оказалась "гершензоновской легендой", в которой Чаадаев не только философ-мистик, но политический консерватор и противник революций. Но почему возникли две противоположные трактовки социальной критики в творчестве Чаадаева? И как тогда понимать Герцена, который сравнивал публикацию первого "Философического письма" Чаадаева с выстрелом "в темной ночи", пробудившим русскую мысль после разгрома декабризма?

Петр Яковлевич Чаадаев. Рисунок Ж. Вивьена. 1823

По замечанию А. Лебедева, который пишет книгу о Чаадаеве в 60-х годах XX века, “его идейный облик прихотливо противоречив. Верное представление о нем не дается слишком прямолинейному суждению” [7, с. 38]. И у других советских исследователей творчества Чаадаева можно найти указания на противоречивость и парадоксальность его позиции. Именно в советские годы был обработан основной массив архивов Чаадаева, в чем большую роль сыграл историк русской философии З.А. Каменский, защитивший кандидатскую диссертацию о Чаадаеве в июне 1941 года. И этот весьма осведомленный специалист указывает на “политическую межеумочность” историософской концепции Чаадаева.

Вопрос о Чаадаеве в роли радикального критика царизма, крепостничества и реакционного режима Николая I в некотором смысле остается открытым. Зато безусловно то, что Чаадаев критически относился к республиканским взглядам, популярным в кругу декабристов. Известно, что во время восстания 14 декабря 1825 года Чаадаев путешествовал по Европе и поначалу не планировал возвращения в Россию. Скорее всего, по этой причине декабрист И.Д. Якушкин указал на него как на участника их тайной организации. В итоге летом 1826 года Чаадаев был арестован в пограничном Брест-Литовске, но через 40 с небольшим дней отпущен. После допроса с него взяли подписку о неучастии в тайных обществах. Сам Чаадаев утверждал, что имел лишь дружеские отношения с заговорщиками и указывал на свои высказывания о “безумстве и вредном действии тайных обществ вообще”. Содержание его “Философических писем” дает повод считать, что последнее было связано не только с желанием оправдать себя, но и с его искренними убеждениями.

Публикация первого письма повлияла на формирование русского исторического самосознания. Она стала стимулом к дальнейшему развертыванию дискуссии западничества и славянофильства. Тем не менее, в “Философических письмах” мы находим только одно критическое замечание в отношении крепостничества в России. Во втором письме можно прочесть: “Эти рабы, которые вам прислуживают, разве не они составляют окружающую вас атмосферу? Эти борозды, которые в поте лица взрыли другие рабы, разве это не та почва, которая вас

носит? И сколько различных сторон, сколько ужасов заключает в себе одно слово: раб! Вот заколдованный круг, в нем все мы гибнем, бессильные выйти из него. Вот проклятая действительность, о нее мы все разбиваемся” [12, т. 1, с. 346]. Но кто же виноват у Чаадаева в этом бесчеловечном явлении русской жизни?

Все философы древности, включая Аристотеля, пишет Чаадаев, считали рабство естественным состоянием общества, но ситуация изменилась с приходом христианства. Именно христианству, по Чаадаеву, мы должны быть благодарны за уничтожение крепостничества в Европе. Но почему же христианство, восклицает он, не имело таких же последствий у нас? “Почему, наоборот, русский народ попал в рабство лишь после того, как он стал христианским, а именно в царствование Годунова и Шуйских? Пусть православная церковь объяснит это явление” [там же, с. 347]. Пусть скажет, обращается он к русской церкви, почему она не возвысила “материнского голоса” против отвратительного насилия одной части народа над другой. Этим абстрактным обличением русской православной церкви, которая несет на себе печать церкви византийской, и завершает Чаадаев указанную критику крепостничества.

Если критика Чаадаева радикальна, то это радикализм отнюдь не социально-политического порядка, как это было, к примеру, у А.Н. Радищева в его “Путешествии из Петербурга в Москву”. Интересен в этом свете вывод, который сделал в закрытой рецензии отобранных у Чаадаева материалов князь Э.П. Мещерский. Он, в частности, писал: “Общее и господствующее направление — *римско-католическое*; цель, по-видимому, более религиозная, нежели политическая, и скорее умозрительная, нежели догматическая. Революционные принципы нигде не получают открытого выражения. <...> В конце концов, следов политического учения сенсимонистов в письмах этих не обнаруживается” [там же, т. 2, с. 535].

Чаадаев, как уже сказано, не скрывал отрицательного отношения к политическому радикализму декабристов и революционному движению в 30–40-х годах. И это соответствует сути историософских взглядов, заявленных им в первом из “Философических писем”. Ведь по причине аномальности своего положения, на которое не распространяется Божественное Провидение, Россия не имеет прошлого, настоящего и будущего. “Философические письма”, безусловно, проникнуты христианским провиденциализмом и мессианством. Промысел Божий у Чаадаева состоит в “водворении царства божьего на Земле”, которое неотделимо от цивилизованного и справедливого общества. И по этому пути движется Запад.

Другое дело Россия. “Глядя на нас, можно сказать, — отмечает Чаадаев в первом из “Философических писем”, — что по отношению к нам всеобщий закон человечества сведен на нет” [там же, т. 1, с. 330]. В другом месте того же письма он пишет:

"Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя" [там же, с. 325]. Но тогда о каких революционных преобразованиях в России может идти речь?

Если в материалах Чаадаева не находили и следов революционности практического толка, которую в то время олицетворял социалист-утопист А. Сен-Симон, то в нем была представлена радикальная критика иного плана. Умозрительные построения Чадаева пронизаны "отчаянным оксидентализмом", как характеризует эту позицию в одной из своих записных книжек князь П.А. Вяземский. Оксидентализм (как антипод ориентализма) в указанном контексте означает почитание Запада при условии полного уничижения его антипода, в данном случае России. И то, что мысль Чаадаева постоянно движется в рамках этой антагонистической системы координат, по-своему констатирует Г.В. Плеханов, когда характеризует его "Апологию сумасшедшего". Теперь уже не негативная, а позитивная оценка будущего России строится на все том же представлении о ее отсталости. В историософских построениях Чаадаева абсолютный минус здесь оборачивается абсолютным плюсом — освоением западных "уроков" без всяких препятствий.

С долей иронии Плеханов заключает, что крайняя отсталость и неразвитость вдруг оказывается в "Апологии сумасшедшего" условием того, чтобы "несколькими могучими прыжками перескочить в самое завидное будущее" [10, с. 303]. Основанием для таких резких поворотов чаадаевской мысли, по мнению Плеханова, является интеллигентский утопизм, который предполагает, что радикальным словом, мыслью и поступком можно изменить мир. И его Плеханов видит не только у Чаадаева, но и у своих современников.

Еще более радикальные оценки общего характера построений Чаадаева дает Г. Шпет — в недавно реконструированных материалах по истории русской философии. Чаадаев, согласно оценкам Шпета, не обладал ни "философским образованием", ни "философским гением", но был "хорошо светски образованным человеком". В силу этого, по словам Шпета, излишня «философская квалификация "воззрений" Чаадаева» [13, с. 84]. Иначе говоря, о концептуальном характере его философских взглядов стоит говорить с долей условности. Начиная с того, что он склонен противоречить сам себе.

Именно сформулированные вопросы, а не ответы, определяют место Чаадаева в истории русской философии. При этом к Чаадаеву неприменимы определения западничества и славянофильства, поскольку, как пишет Шпет, у него есть "и то и другое" [там же, с. 85]. Как и во французской философии начала XIX века, историософия Чаадаева, в понимании Шпета, основана не на логическом доказательстве, а на нравственном обличении. И его нигилизм, и "негативный патриотизм" раз-

ворачиваются, прежде всего, в моральной плоскости, хотя этот нравственно-религиозный призыв и был воспринят современниками в качестве политического памфлета. “Отринув в пылу морального негодования собственную народность, — пишет Шпет, — Чаадаев не только стал, если не реальным, то символическим началом новой интеллигенции, самим отрицанием, морализмом и самоедством, антиципируя также ее психологические качества” [там же, с. 89].

Чаадаева, конечно, не стоит записывать в ряды революционно настроенных критиков российской действительности. “Социалистически настроенные писатели”, пишет по этому поводу Шпет, неправомерно относят Чаадаева к “своим”. Отсюда следует вывод Шпета, что Чаадаев не столько философ истории, сколько моралист и резонер [там же, с. 91]. И пройти мимо шпетовской трактовки историософии Чаадаева никак нельзя.

Был ли Чаадаев противником монархии?

Существует мнение, что Чаадаев был обречен на многолетний медико-полицейский надзор, в чем и выразилась жестокость расправы с ним после опубликования первого из “Философических писем”. Но уже через год, после письменных обращений Чаадаева к Николаю I и А.Х. Бенкендорфу, с него был снят надзор с запретом писать и публиковать свои произведения. В итоге Чаадаев так и не завершил работу над “Апологией сумасшедшего”, в которой он в период медико-полицейского надзора пытался реабилитировать свою позицию.

По свидетельствам друга А.И. Тургенева, Чаадаев при написании “Апологии сумасшедшего” подолгу обсуждал в кругу ближайших приятелей все аргументы “за” и “против”. В “Апологии” теперь уже позитивный взгляд Чаадаев на судьбу России предполагал высокую оценку православия. В этом плане интересно то, что в конце 1840-х годов Чаадаев пишет в письме Ф.И. Тютчеву: “...Меня повергает в изумление не то, что умы Европы под давлением неисчислимых потребностей и необузданных инстинктов не постигают этой столь простой вещи, а то, что вот мы, уверенные обладатели святой идеи, нам врученной, не можем в ней разобраться. А между тем, ведь мы уже порядочно времени этой идеей владеем. Так почему же мы до сих пор не осознали нашего назначения в мире?” [11, с. 244].

Свою мысль об аномальности русской истории Чаадаев толкует в “Апологии сумасшедшего” таким образом, что отсутствие великих подвигов в прошлом есть доказательство непочатых сил и мессианской роли России в будущем. Эту мысль, как известно, Н.А. Бердяев считал основополагающей для русского самосознания. Но как при этом реализовать указанный прорыв и осуществить великую миссию России?

В историософии Чаадаева нет тех элементов демократизма, которые мы находим у славянофилов. Не одобряя революционной борьбы и радикальных социально-политических преобразований, они связывали ход истории с народной жизнью. Но те традиции, которые славянофил увязывает с мессианством России, для Чаадаева всего лишь источник "ретроспективных утопий", когда за достоинства выдают предрассудки. «Возможно, конечно, — пишет он в "Апологии", — что наши фанатические славяне при их разнообразных поисках будут время от времени откапывать диковинки для наших музеев и библиотек; но, по моему мнению, позволительно сомневаться, чтобы им удалось когда-нибудь извлечь из нашей исторической почвы нечто такое, что могло бы заполнить пустоту наших душ и дать плотность нашему расплывчатому сознанию» [12, т. 1, с. 528].

Тем не менее, в истории России был момент, отмечает в "Апологии" Чаадаев, когда русский народ, "сразив врага свободным порывом всех скрытых сил своего существа, поднял на щит благородную фамилию, царствующую теперь над нами: момент беспримерный, которому нельзя достаточно надивиться, особенно если вспомнить пустоту предшествующих веков нашей истории и совершенно особенное положение, в каком находилась страна..." [там же, с. 533]. Речь идет о возведении на трон династии Романовых. И столь же патетично Чаадаев характеризует в "Апологии" деятельность Петра I, когда тот стал насаждать идеи Запада на русской почве. "Должно сказать, — отмечает Чаадаев, — что наши государи, которые почти всегда вели нас за руку, которые почти всегда тащили страну на буксире без всякого участия самой страны, сами заставили нас принять нравы, язык и одежду Запада" [там же, с. 525].

Как Запад католиков и протестантов помогает проявлять скрытую мощь православия, Чаадаев не проясняет. Но явным образом он формулирует мысль о том, что великие преобразования монархов стали возможны по той причине, что русский народ по существу есть tabula rasa. «Петр Великий нашел у себя дома только лист белой бумаги, — пишет он в "Апологии", — и своей сильной рукой написал на нем слова *Европа* и *Запад*; и с тех пор мы принадлежим к Европе и Западу» [там же, с. 527]. Если бы Петр, отмечает Чаадаев, нашел у своего народа богатую и плодотворную историю, живые предания и глубоко укоренившиеся учреждения, он придал бы им новую форму. "Неужели вы думаете, что, будь пред ним резко очерченная, ярко выраженная народность, инстинкт организатора не заставил бы его, напротив, обратиться к этой самой народности за средствами, необходимыми для возрождения его страны?" [там же]. Но Петр не нашел этого в русском народе, а то, что славянофилы считают основами русской жизни, у Чаадаева фигурирует как легко преодолимые пережитки.

Способности русского народа к свободному почину — один из наименее проясненных моментов в "Апологии сумасшедшего". Глубокой чертой нашего исторического облика, пишет Чаадаев, является отсутствие свободного почина в социальном развитии [там же]. Но мы способны свободным порывом внутренних сил, отмечает он на соседней странице, энергическим усилием национального сознания овладеть предназначенной нам судьбой [там же, с. 526]. Так свободен или несвободен русский народ в осуществлении своего назначения? Указанные несоответствия можно отнести к незаконченности данной работы. Теперь уже Чаадаев усматривает роль Божественного Провидения в том, что, "отрекаясь от своей мощи в пользу своих правителей, уступая природе своей страны, русский народ обнаружил высокую мудрость ..." [там же, с. 538]. "Есть великие народы... — пишет он, — которые нельзя объяснить нормальными законами нашего разума, но которые таинственно определяет верховная логика провидения: таков именно наш народ; но, повторяю, все это нисколько не касается национальной чести" [там же, с. 527].

Исторический оптимизм в "Апологии сумасшедшего" выражается в том, что "род человеческий должен следовать только за своими естественными вождями, помазанниками бога, что он может подвигаться вперед по пути своего истинного прогресса только под руководством тех, кто тем или другим образом получил от самого неба назначение и силу вести его..." [там же, с. 524]. Иначе говоря, именно великая личность есть двигатель прогресса, и она же способна реализовать Божественное Провидение. А значит серьезные трансформации в истории возможны только "сверху", но не "снизу". Выдающаяся личность, в данном случае просвещенный монарх, есть начало свободы и в интеллектуальной, и в общественной истории человечества.

Как мы видим, в историософии Чаадаева индивидуальное доминирует над общим, а личность над народом, что характерно для либерализма, причем тогда и там, где либеральная идея свободы личности уже отделена и даже противостоит демократической идее власти народа. Этим историософия Чаадаева отличается не только от позиции славянофилов, где индивидуальное погружено в единую для всех народную почву, но отлична и от того, к чему стремился западник Герцен в его учении о "русском социализме", где индивидуальное находится в гармонии с общественным.

Не будет преувеличением сказать, что в историософии Чаадаева содержатся истоки того русского либерализма, который в силу превосходства личного над общим будет все больше и больше отдаляться от народа и русской демократии, революционной в том числе. Но у Чаадаева эта позиция еще представлена в своей начальной форме, где христианский "либерализм" противостоит христианскому "демократизму" славянофилов.

Биограф М. Жихарев и современники подтверждают, что Чаадаеву было свойственно делать акцент на собственной личности. Абстрагируясь от народа, а в своем поведении от аристократического окружения, он, тем не менее, остро переживал свои взаимоотношения с сильными мира сего. В этом свете нетрудно предположить, как Чаадаев воспринял наказание императора за "Философическое письмо", которое было не столько жестоким, сколько оскорбительным. Если цензор А.В. Болдырев был отправлен в отставку, редактор Н.И. Надеждин сослан в Усть-Сысольск, но уже в 1838 году амнистирован, то Чаадаев был унижен не только диагнозом умалишенного, но и самой аргументацией по этому поводу. Из чувства сострадания по личному повелению Николая I, чтобы не подвергать вредному влиянию сырого и холодного воздуха, его, как известно, оградили от прогулок. И чтобы обеспечить всевозможные попечения и медицинские пособия, император лично вменил в обязанность искусному медику каждое утро посещать больного, ежемесячно докладывая о его здоровье. Чаадаев был потрясен этим официальным приговором. А.И. Тургенев, сообщавший Вяземскому в Петербург о состоянии Чаадаева, в частности, писал: "Доктор ежедневно навещает Чаадаева. Он никуда из дома не выходит. Боюсь, чтобы он и в самом деле не помешался".

Чаадаев и русский дендизм

Фигура Чаадаева, тем не менее, не так проста, и может стать символом особого явления русской культурной жизни. Речь в данном случае идет не просто об образе "лишнего человека", который во многом списан с Чаадаева. Культурный феномен "лишнего человека" углубляет то, что Петром Киреевским впервые в сердцах было названо "чаадаевщиной". Еще до публикации "Философического письма" в "Телескопе" П.В. Киреевский в письме Н.М. Языкову от 17 июля 1833 года пишет: "Эта проклятая Чаадаевщина, которая в своем бессмысленном самопоклонении ругается над могилами отцов и силится истребить все великое откровение воспоминаний, чтобы поставить на их месте свою одноминутную премудрость, которая только что доведена adabsurdum в сумасшедшей голове Ч. ...Впрочем, я и сам чувствую, что болезненная желчь негодования мутит во мне здоровый и спокойный взгляд без пристрастия, который только один может быть ясен" [9, с. 43].

Здесь важно не столько предположение насчет сумасшествия Чаадаева, которое, понятно, не Николаю I впервые пришло в голову, а указание Киреевского на мотивацию автора письма. Само первое письмо и его публикация в "Телескопе" были действительно "вызовом" и "поступком". По словам би-

графа М. Жихарева, после публикации письма все, вплоть до барынь, которые по интеллектуальному уровню были не выше своих кухарок, бросились проклинать человека, "дерзнувшего оскорбить Россию" [5, с. 31]. И в этом свете интересна оценка происходившего самим Чаадаевым, который пишет в письме от 18 октября 1936 году княгине С. Мещерской: "Говорят, что шум идет большой; я этому нисколько не удивляюсь. Однако же мне известно, что статья заслужила некоторую благосклонность в известном слое общества. Конечно, не с тем она была писана, чтобы направиться блаженному народонаселению наших гостиных ... Вы меня слишком хорошо знаете и, конечно, не сомневаетесь, что весь этот гвалт занимает меня весьма мало. Вам известно, что я никогда не думал о публике, что я даже никогда не мог постигнуть, как можно писать для такой публики, как наша..." [11, с. 81]. Но если не аристократической публике, то кому предназначалось первое "Философическое письмо", в котором, как мы видим, было мало научного анализа, но достаточно радикальной дерзости, что и повлекло такую бурную реакцию.

Понятно, что Аксаков в лаптях и денди Чаадаев — вещи несовместные. Но роднит их именно вызов "обществу", как бы ни мотивировал свое поведение каждый из них. В связи с этим заслуживает внимания оценка образа мысли и поведения Чаадаева Ю.М. Лотманом, который акцентирует здесь проявления романтического байронизма и так называемого "русского дендизма", что у людей такого масштаба, как П.Я. Чаадаев, пишет Лотман, приобретали трагический смысл.

Личное обаяние, рыцарский стиль поведения и одежда утонченного денди, отмечает Лотман, во многом составили секрет того воодушевления, которое испытал Пушкин от общения с Чаадаевым. И здесь стоит обратить внимание на то, что, сравнивая его в своих стихах с Брутом, Пушкин косвенно намекает на то, что революционность у Чаадаева связана, прежде всего, с тираноубийством.

Характерно, однако, неприятие байроновских романтических настроений у Чаадаева М.И. Муравьевым-Апостолом, который в письме другу Чаадаева И.Д. Якушкину от 27 мая 1825 года пишет: "Расскажи мне подробнее о Петре Чаадаеве. Прогнало ли ясное итальянское небо ту скуку, которою он, по-видимому, столь сильно мучился в пребывание свое в Петербурге, перед выездом за границу? Я его проводил до судна, которое должно было его увезти в Лондон. Байрон наделал много зла, введя в моду искусственную разочарованность, которою не обманешь того, кто умеет мыслить. Воображают, будто скукою показывают свою глубину, — ну, пусть это будет так для Англии, но у нас, где так много дела, даже если живешь в деревне, где всегда возможно хоть несколько облегчить участь бедного селянина, лучше пусть изведают эти попытки на опыте, а потом уж рассуждают о скуке!" [8, с. 132].

Тем не менее, английский сплин, который у англичан, как подчеркивает Лотман, довел многих до самоубийства, в России в 20–30-х годах приобрел характер распространенной аристократической хандры. В итоге Чаадаев находил героя пушкинского “Кавказского пленника” недостаточно разочарованным. В своей же хандре Чаадаев был максималистом, испытывая полное ощущение бессмысленности жизни.

Но романтический байронизм у Чаадаева, по мнению Лотмана, уже переходит в русский дендизм. По своей сути дендизм — стиль поведения и одежды, сориентированный на внешнего наблюдателя. Что касается идеологии дендизма, то она также замкнута на демонстративное поведение. Характеризуя суть этого явления, Лотман пишет, что “не отделимый от индивидуализма и одновременно находящийся в неизменной зависимости от наблюдателей, дендизм постоянно колеблется между претензией на бунт и разнообразными компромиссами с обществом” [там же, с. 133]. Именно в таком контексте проясняется смысл того, почему эпатаж и позерство становятся для многих русских интеллигентов естественной формой протеста в ситуации, которую они оценивают как полную невозможность практического действия.

Байронизм — это безусловная ставка на неповторимость и борьба с шаблоном. Но борьба с шаблоном, как отмечает Лотман, сама может стать шаблоном и позой. И в таком случае бунтарство и мятеж индивидуалиста приобретают искусственный характер, становятся стилем поведения, как это было в русском дендизме, а далее могут парадоксально сливаться с миром “светских приличий”. Скорее всего, именно этот элемент искусственности и эпатажа в истории с первым “Философическим письмом” был назван Киреевским “чаадаевщиной” как некоторой тенденцией в русской культурной жизни.

Оставим в стороне указания биографа Жихарева на патологическое тщеславие Чаадаева. Тем не менее, в этом ключе можно трактовать наделавшую шума историю, когда в 1821 году рвавшийся в адъютанты императора Чаадаев, после доклада и беседы с Александром I, суливших большое будущее, вдруг подает в отставку. При этом в письме, перехваченном охранкой и доставленном императору, Чаадаев косвенно указывает на свой вызов этим поступком Александру Павловичу.

Известно, что после снятия надзора в 1837 году Чаадаев продолжил светскую жизнь, участвовал в спорах западников и славянофилов. Герцен в воспоминаниях “Былое и думы” описывает, как он обычно с безнадежным взглядом стоял на бульваре, в залах и театрах, в клубе. Чаадаев часто бывал капризным, недовольным, раздраженным, пишет Герцен, как будто мстил русской жизни, замыкая печальное существование целого периода русской истории. Старики и молодые стыди-

лись его неподвижного лица, прямо смотрящего взгляда, печальной усмешки, язвительного снисхождения. Что заставляло их принимать Чаадаева, звать и ездить к нему? Ведь он "горько" и "уныло-зло" оскорблял все дорогое им, начиная с Москвы [2, с. 226].

Как мы видим, момент нигилистического самоутверждения явным образом просматривается в том комплексе мотивов и действий, которые сопровождали написание, распространение и публикацию "Философического письма" П. Чаадаева. И он будет обнаруживать себя позже — на разных этапах культурной жизни России, в том числе и в русском либерализме. А перекличка с личной и творческой судьбой С. Кьеркегора, бросившего в далекой Дании аналогичный странный, если не болезненный, вызов не только обществу, но и самому себе, еще одно свидетельство того, что уже во времена Чаадаева и "телескопической истории" культурная жизнь России была вписана в общее развитие европейской цивилизации.

Литература

1. *Асмус В.Ф.* О новых "Философических письмах" П.Я. Чаадаева // Литературное наследство. М., 1935, № 22–24.

2. *Герцен А.И.* Сочинения: в 2 томах. Т. 2. М.: Мысль, 1986.

3. *Гершензон М.* Избранное. Т. 1. Мудрость Пушкина. Москва — Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000.

4. *Ермичев А.А.* Имена и сюжеты русской философии. СПб.: Наука, 2014.

5. *Жихарев М.* П.Я. Чаадаев. Из воспоминаний современника // Вестник Европы, 1871. № 7–8.

6. *Лазарев В.В.* Чаадаев. М.: Юридическая литература, 1986.

7. *Лебедев А.А.* Чаадаев. М.: Молодая гвардия, 1965.

8. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: Искусство, 1994.

9. Письма П.В. Киреевского к Н.М. Языкову. М.-Л., 1935.

10. П.Я. Чаадаев. Pro et contra. Личность и творчество П.Я. Чаадаева в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: Издательство РХГИ, 1998.

11. *Чаадаев П.Я.* Письма 1829–1854. М.: Директ-Медиа, 2016.

12. *Чаадаев П.Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 томах. М.: Мысль, 1989.

13. *Шпет Г.Г.* Очерк развития русской философии. II. Материалы. Реконструкция Т.Г. Щедриной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.

БЫТЬ ИЛИ МОЖЕТ БЫТЬ?

ИГРАЮЩИЙ С БОЛЕЗНЬЮ

© 2017

Д.А. Изуткин, Н.Е. Смирнова

Совсем не плох и спуск с горы:
Кто бури знал, тот мудрость ценит.
Лишь одного мне жаль: игры...
Ее и мудрость не заменит.
Игра загадочней всего
И бескорыстнее на свете.
Она всегда — ни для чего,
Как ни над чем смеются дети.
.....
Пускай! Когда придет пора
И все окончатся дороги,
Я об игре спрошу Петра,
Остановившись на пороге.
И если нет игры в раю,
Скажу, что рая не приемлю.
Возьму опять суму мою
И снова попрошусь на землю.

З. Гиппиус [5, с. 39]

Введение

Трансформация нашего мироощущения, да и самой духовной сущности во многом происходит за линией горизонта, очерченной болезнью. На протяжении всей жизни болезнь бросает нам вызов. Мы и людьми-то являемся постольку, поскольку способны не только болеть, но и по своей воле осмыслять себя в этом состоянии, выступать субъектами, выбирая альтернативы действий или бездействия. При этом человек вынужден вступать в своеобразную "игру" с собственной природой по правилам и сценарию, навязанным болезнью. Ее нельзя обосновать рационально и невозможно прервать — длительность ее заложена a priori, определяется человеческой природой и не зависит от нашей воли: болезнь имманентно присуща биологической природе человека.

Характеризуя взаимодействие человека с болезнью, обычно используют такие термины, как "борьба", "схватка". Они подразумевают своеобразную войну с деформацией своей телесной субстанции или же, наоборот, отказ от борьбы, принятие деформации как чего-то неизбежного, неминуемого, фатального. Однако понятия "борьба с болезнью", "смирение перед болезнью" или "примирение с болезнью" не раскрывают всю многогранность и сложность отношений с болезнью. Целесообразнее представить такую связь в виде своеобразной игры.

Изуткин Дмитрий Анатольевич — доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Нижегородской государственной медицинской академии.E-mail: dan55@mail.ru.

Смирнова Наталия Евгеньевна — аспирант кафедры социально-гуманитарных наук Нижегородской государственной медицинской академии. E-mail: galonatasha @yandex.ru.

В журнале "Человек" авторы публикуются впервые.

Феномену болезни посвящено достаточно много исследований философского характера. В зарубежной науке попытки отыскать ее сущность выразились в появлении объективной (К Бурсе [16; 17], Дж. Ленокс [22], Х. Вайнер [26]), субъективной (К. Кинг [21], Дж. Марголис [23]) , гибридной (Л. Резнек [24], Дж. Вакефильд [25], А. Каплан [19]) и альтернативной (В. М. Бровн [18], Г. Хесслов [20]) концепций болезни. В отечественных философских исследованиях болезнь рассматривалась в рамках диалектического материализма как форма движения и изменения живой материи [7; 9]. Философские работы А. Андрющенко, Д. Бескова [1, с. 185] направлены на анализ динамических адаптивных изменений психосоматического функционирования в континууме " здоровье — болезнь". Авторы отмечают, что "особенности адаптационного барьера, определяющие профиль уязвимости и направленность болезненных процессов, зависят от особенностей психосоматической адаптации" [там же, с. 189]. Однако авторы этих исследований не обращались к специфике взаимоотношений человека с болезнью.

Для раскрытия взаимоотношений человека и болезни в форме игры, о которой мы говорили, необходимо опереться на исследования общего характера, посвященные феномену игры [11; 12; 13; 14]. Немецкий философ Э. Финк видит в игре возможность преодолеть предельность социальной действительности, найти "себя возможного" [13]. Особого внимания заслуживает известная работа Й. Хёйзинги. Автор вводит понятие *Homo ludens* и описывает в терминах игры индивидуальную и общественную жизнь, все историческое и культурное развитие человечества. С точки зрения Й. Хейзинги, игра есть "иное бытие", отличное от "обыденной жизни" [14, с. 41]. Р.Р. Тазетдинова [12] отмечает, что феномен игры представляет собой знак сопричастности субъекта бытию. Л.А. Белоглазова относит игру к феномену бытия, связывая ее с такими категориями, как свобода и случайность [2]. Исследования Л. И. Ковалевой направлены на гендерную игру, которая воплощает "реальность, происходящую в сопряжении с изменением игровых и гендерных стратегий индивидов, … фундаментальный процесс, протекающий на всех уровнях общественной системы" [8, с. 5]. Психологические модели игрового поведения раскрываются на базе *трансакционного* анализа Э. Берна, где исследователь, в частности, выделяет три типа игры в приемной врача. Однако эти исследования проводятся в рамках психологии и носят конкретный характер, Модель ролевой игры "Ребенок — Родитель — Взрослый", предлагаемая Берном, относится, скорее, к сфере социальной психологии и не укладывается в рамки *философских абстракций* и рефлексий.

Целью статьи является попытка представить *абстрактную* схему отношений человека и болезни в форме своеобразной игры. В рамках философии игры появляется возможность по новому осмыслить отношения человека и болезни.

В ожидании "игры" с болезнью и ее этапы

С биологической точки зрения, человек на протяжении своей жизни пребывает в "третьем со-

стоянии" (по Галену) — на границе между здоровьем и болезнью. Иными словами, всю жизнь, от рождения и до смерти, мы находимся в неосознанном ожидании "игры" с болезнью. Такая неосознанность сродни забвению: болезнь отрицается, так как на ее предотвращение расходуется много жизненной энергии. Однако она, словно, тень, сопровождает человека на протяжении всей жизни, вовлекая его в своеобразную игру. Не слишком понятно только, в какой момент эта игра начинается.

Л. Витгенштейн утверждал, что феномен игры сам по себе остается "понятием с расплывчатыми границами" [3, с.113]. В контексте болезни это явление еще более размыто. Начальная точка игры обнаруживается еще до проявления первых признаков болезни. Болезнь начинает "диктовать свои условия" на стадиях предпатологического и имплицитного патологического процесса. "Игрок" — носитель болезни — зачастую не предполагает, что оказывается a priori включен в специфическое действие по неизвестным ему правилам, в то время, как болезнь уже начала игру.

Таким образом, первый, имплицитный этап игры с болезнью оказывается человеком проигран, так как он сыгран в состоянии забвения. Второй тур игры — эксплицитный — начинается, когда обнаруживается патологический процесс и происходит осознание ситуации. Здесь человек выходит из состояния забвения и осознает всю серьезность своего положения, но не имеет возможности покинуть "навязанную" ему игру по своему желанию и вынужден играть до конца. Сценарий, ход и итог (положительный или отрицательный) игры, заложенный в "матрице" человека, уже предрешены. Найдя в себе силы справится с одной болезнью в ходе игры, человек вновь оказывается в состоянии "ожидания игры". Смысл в том, чтобы играть.

Итак, на протяжении всей своей жизни человек пребывает в имплицитном, неосознанном ожидании "игры с болезнью".

Правила "игры с болезнью"

"Игра с болезнью" качественно отлична от игры с партнерами-оппонентами. Это игра с неким состоянием, "фантомом" и, во многом, со своей собственной природой. Внутри игрового пространства болезни господствует неведомый человеку собственный алгпоритм. Человек в одностороннем порядке получает определенного рода информацию, руководствуясь которой он должен предпринять ответный ход. Малейшее нарушение правил игры может его погубить. Главным признаком здесь выступает неопределенность и возникающее психосоматическое напряжение. Данное состояние обусловливает ряд вопросов.

Во-первых, *как играть?* " Правила" игры с болезнью нигде не прописаны, поэтому для человека игра строится по принципу "угадывания". Он пытается определить правила игры по определенным экспликациям болезни, делая лишь ответные, не всегда верные шаги.

Во-вторых, *повезет или нет?* Это элемент напряжения, неопределенности достигает кульминаии, когда человек пытается найти "запасной ход", "козырную карту", в роли которых выступают те или иные средства лечения. "В игре человек предстает лицом к лицу

перед напряженной неопределенностью случая, где сам случай ветвится различными возможностями, вечно колеблясь, пребывает в промежутке “или-или”” [2, с. 12]. Это колебание определяется возможностью или невозможностью выздороветь.

В-третьих, *в чем смысл этой игры, для чего играть?* На уровне субъекта “игра” обладает определенной объективной целесообразностью — это игра на жизнь. Следовательно, смысл состоит в сохранении жизни.

В-четвертых, *какой принцип лежит в основе распределения форм и уровней “игры с болезнью”?* Распределение носит случайный, но необходимый характер. Один вовлекается в сопряженную с жизнью, относительно доступную и понятную для него “игру” с болезнью, переживая незначительные изменения на биологическом, социальном и ментальном уровнях. Для другого “игра” с болезнью перетекает в “игру” со смертью, в ходе которой он переживает серьезные трансформации своего существа. В обоих случаях человек получает своеобразный опыт. В основе такого рода распределения лежит принцип *рулетки*, о чем будет сказано ниже.

В-пятых, *возможно ли достижение равновесия (компромисса) в “игре с болезнью” и при каких условиях?* Другими словами, какие последствия для человека возникнут по окончании данной игры: позитивные или негативные.

Характер “ игры с болезнью”, уровень ее сложности распределяется рандомно, как случайная необходимость. Такого рода распределение можно отождествить с “рулеткой”. Возможно, на каком-то этапе человеку удастся выиграть у болезни, на некоторое время справиться с ней. Но он опять окажется в состоянии “ожидания” игры. Человек постоянно ходит по лезвию ножа, живет под дамокловым мечом. То, какие правила игры мы применим к болезни и насколько они будут эффективны, также находится во власти “его величества случая”, определяемого необходимостью. Человек вынужден принимать навязанные ему правила игры, он не может воздействовать на характер игры, так как не обладает детальным сценарием развития событий . В любой момент болезнь может нарушить его стратегию игры. Вся суть состоит в том, чтобы играть, зная о возможности выиграть или проиграть. Игра будет длиться до тех пор, пока не закончатся ресурсы, то есть *жизненный потенциал* противостояния болезни. Разумеется, человек может избавиться от более легких форм заболеваний, и, на первый взгляд, одержать победу в игре. Однако выигрыш иллюзорен, так как в любой момент есть вероятность вступить в новую игру с болезнью по ее правилам.

Проблема свободы выбора в “игре с болезнью”

Свобода выбора человека в контексте “игры с болезнью” весьма специфична. Он не вступает в эту игру по собственной воле. Вызов к игре бросает человеку болезнь, и его свобода ограничивается условиями болезни. Ему предоставляется узкий спектр возможностей в рамках данной игры. В ограниченном полагании собственных возможностей, через испытание в “игре с болезнью” происходит специфическое становление личности на фоне ограниченности ее биосоциальных возможностей. Используя те возможности, которые предоставляет

в этой игре человеку болезнь, он получает в равной степени возможность как проиграть, так и переиграть свою болезнь.

Человек мог бы обладать полноценной свободой только в том случае, если бы по собственному желанию мог избежать участия в этой игре. Но он лишен такой возможности, так как болезнь наступает *внезапно*. Начинается "проверка" психосоматического потенциала человека против его воли. Испытание своих возможностей, осуществляемое в "игре с болезнью", приобретает необратимый, иногда трагический характер. Подобное положение вещей совсем не означает, что игра полностью лишает человека выбора, парализуя его волю. Она предлагает ему специфический, в чем-то ограниченный веер возможностей, в пределах которого играющий с болезнью может выбирать образ действий и поведение. Чтобы выжить в этой игре, он должен проявить все свои способности и возможности. По ходу игры он осваивает новые альтернативы действий — от простых до более сложных. Человек не только выбирает методы игры, но и пытается выстроить определенного рода взаимодействия с социумом в этом состоянии, сформировать специфический ценностный аппарат. Однако свобода его выбора предельно минимизируется, что вызывает *внутриличностное противоречие*, в основе которого лежит осознание различия между привычным психосоматическим состоянием и состоянием в условиях болезни. Между тем, лишившись одних возможностей, человек получает качественно другие стимулы, необходимые для того, чтобы продолжать игру до положительного или отрицательного исхода. Именно благодаря этому формируется самобытная реальность, своеобразное биосоциальное поле больного человека, определяющие характер развития и трансформации его личности в состоянии болезни.

Сущность "игры с болезнью"

Игра в классическом понимании представляет собой непродуктивную деятельность, которая "осуществляется не ради практических целей, а служит для развлечения и забавы, доставляя радость сама по себе" [6, с.152]. Однако для характеристики "игры с болезнью" такое определение не вполне уместно. Эта игра порождает переживание полноты бытия как вариативности его возможных проявлений, формируя при этом "другую реальность". По своей сути это система отношений между человеком и его болезненным состоянием, над которым он пытается одержать победу. Она существует не как институт, а как принцип взаимодействия с болезнью, обладая своеобразной *сакральностью*. В то же время это специфический реальный "проект бытия", в котором невольно участвует играющий субъект. Человек как бы телепортируется в новый мир — мир болезни и в новых условиях должен принимать определенные решения и совершать действия как на индивидуальном, так и на общественном уровнях. Возможность такого проектирования задает смысл существованию человека, побуждает к поиску соответствующих поведенческих гештальтов, стимулов и альтернативных решений. Человек приобретает новые качества. Трансформируется его индивидуальное пространство, наполняясь своеобразным содержанием. Следовательно, меняется *событийная* сетка человеческой жизни.

Сущностные черты игры с болезнью трансформировались по ходу истории, определяясь этапами развития общества. В первобытную эпоху, когда биологическое и социальное начала существовали в нераздельном единстве, “игра с болезнью” протекала в упрощенной, редуцированной форме, человек практически не предпринимал серьезных действий для ее предотвращения. Постепенно этот феномен воплощается все в более конкретные и организованные формы. “Игра” выходит на качественно новый уровень, определяя своеобразный путь самореализации человека как личности, формируя его биологическое, социальное и ментальное бытие. По мере усиления противоречия между социальной сущностью и биологической природой человека игра с болезнью также приобретает многоаспектный характер.

В игре воплощен внутренний конфликт биосоциальной сущности человека, которая заставляет его играть и рисковать. “Есть очарование игры — писал Г. Гадамер, — когда человек идет на риск, который заключается в том, что сама игра может его переиграть” [4, с. 152]. Во время игры с болезнью риск для человека носит вынужденный характер и достигает наивысшей точки. В качестве ставки выступает сама человеческая жизнь или жизненный, биосоциальный потенциал. Это означает, что расплатой за эту самую игру станет редуцирование жизненного пространства, как в прямом, так и переносном смысле. В игре испытываются пределы возможностей человеческого существа как *действующего* субъекта, которые активизируются в пространстве его бытийности, но при этом человек не осознает себя играющим. Оказавшись в пространстве “игры с болезнью”, он пытается приобрести власть над случаем и утвердится в реальности, созданной болезнью. Происходит редукция первоначального человеческого бытия. “Игра обособляется от “обыденной” жизни местом действия и продолжительностью” [11, с. 220]. “Игра с болезнью” отрывает человека от повседневной бытийной основы, создавая “другую” жизненную реальность. В итоге происходит подмена бытия *игробытием*, смысловой сдвиг в сторону восприятия реальности через призму болезни, где формируется определенная картина внешнего мира и места человека в этом мире. Играя с болезнью, человек обретает *индивидуальную бытийность*, как оправдание собственной эссенциальной природы. Этот феномен становится важнейшим способом реализации человеческой деятельности в условиях болезни. В то же время болезнь есть напоминание человеку о том, что он является неотъемлемой частью природы, и все его попытки вторжения в собственное естество, изменения собственной природы, стремление властвовать над ней фрустрируются наступлением болезни.

“Игра с болезнью” начинается внезапно, носит импульсивный, спонтанный характер. Она знаменует выход из состояния психосоматического *самозабвения*, так как до проявления болезни в ее манифестной форме она развивается бессимптомно, незаметно для человека. Игра начинается “за кулисами” сознания. Однако игровой принцип отношений человека с собственной болезнью целиком соответствует реальности пространства жизненного мира, поскольку и таит в себе многосложную, вариативную комбинацию развития сюжетов жизни челове-

ка. Человек оказывается обращен к самопознанию, мобилизуется его внутренний волевой потенциал, способный либо побудить его как субъекта продолжать активную игру, либо не совершать выраженных активных действий. Воля выступает как субъективный элемент в объективном процессе игры.

Сценарии игры

Сущность “игры с болезнью” определяется, как минимум, тремя разнокачественными, но взаимосвязанными “сценариями”, то есть существует в разных проекциях человеческого бытия.

Первый “сценарий” тождественен азартной игре, *рулетке*, где на эксплицитном этапе человек планирует ход действий. Данное положение носит общий характер и применимо к любому человеку в состоянии болезни. Вариабельность “игры-рулетки” предельно широка. У каждого человека она своя, специфическая, сугубо индивидуальная характер. Как следствие, в контексте наших рассуждений ее многочисленные конкретные проявления у конкретных больных будут в итоге возвращаться к начальным понятиям и требовать *абстрактного* анализа.

“Игра с болезнью” двулика, *инверсивна*. С одной стороны, человек пытается продумать варианты действий, построить свою игру на разумных началах (здоровый образ жизни, профилактика, диагностика и лечение в случае обнаружения заболеваний), но с другой, — у этой игры свой “уклад” и свои законы. Она способна в один момент обернуть любой ход человека против него или же, напротив, предоставить человеку шанс выиграть. В игре болезнь манипулирует телесной субстанцией человека, предопределяя каждый его последующий ход, так как в зависимости от характера болезни, человек использует определенные методы лечения и выбирает модель рационального поведения. Вся игра проходит в невидимом смысловом поле, проявляясь как специфический вариант бытия.

Это игра, в которой все решает случайное, но необходимое стечение обстоятельств как оправдание человеческого существования, как индивидуальная проекция его бытия. Человек может выиграть у болезни ровно в той мере, в которой может проиграть. Но в этой азартной игре существует весьма зыбкая грань, не позволяющая до конца осознать, когда закачивается игра с болезнью и начинается игра со смертью, не дающая шансов выиграть жизнь. “Болезнь — это всегда опыт, пограничное состояние между жизнью и смертью” [10, с. 175]. Необходимо отметить, что индивидуальный уровень “игры” с болезнью не предполагает участие других лиц (хотя напрашивается еще один участник — врач). В контексте данной статьи рассматривается, главным образом, взаимодействие человека и его болезни в *единичном модусе*.

Второй “сценарий” связан с игрой-*спектаклем* или игрой-*маскарадом*. Параллельно с азартной игрой мы вступаем в игру-маскарад. “Игра — это не манера жить, но структурная основа человеческих действий” [14, с.9]. В игре с болезнью создается действенная реальность. Она возникает как жизненная необходимость, потребность найти точку опоры в состоянии болезни, когда жизненные ценности, казавшиеся незыблемыми, неизбежно требуют переоценки. Болезнь здесь выступает в ка-

честве “ манипулятора”, “кукловода”. Она направляет действия человека, заставляя независимо от его желания проигрывать специфический сценарий жизни. Другими словами, он “примеряет” на себя маску больного и вынужден продолжать “спектакль” до a priori предопределенного момента. В зависимости от вариаций форм и сценариев развития болезни реализуется опыт множества конкретно-эмпирических проявлений в пространстве социального бытия. Роли и ролевые отношения больного человека обусловлены сценарием развития игры. С одной стороны, игра по сценарию болезни разворачивается как жизненный процесс, в ходе которого больной овладевает специфическими знаниями, умениями и навыками, и в результате переживает серьезные трансформации своей самости и своего «Я». С другой, — она носит управленческий характер, что означает редактирование болезнью объективно, априорно “сюжета” жизни человека. Однако субъекту предоставляется возможность вносить существенные изменения в «сюжет» собственного болезненного бытия. Для этого в игре появляется фигура *врача*. Данный персонаж, играя свою социальную роль, стремится помочь больному справиться с состоянием болезни. Именно он дает пациенту указания и, тем самым, пытается контролировать игру с болезнью. Но роль врача в “игре-маскараде” не всегда положительна для больного. Это может быть связано с ограниченными возможностями самой медицины в лечении болезней, недостаточным опытом и низкой квалификацией врача, осложнениями *ятрогенного* характера, вследствие тех или иных врачебных *ошибок*.

Так или иначе, объективное сущее сценария болезни воплощается в субъективном “спектакле” бытия больного, проявляясь демонстративно в процессе накопления его индивидуального опыта. Это выражается в специфике поведения, смыслоустановках, самооценке, отношении к болезни, коммуникативной сфере, социуму и окружающему миру в целом. Проявляет ли человек активность или пассивность, он не может “самовольно” покинуть “сцену” и вынужден играть до логического завершения. “Игра с болезнью” превращается в универсальный принцип, определяющий облик играющего. Этот облик отличатся от стандартов “усредненной личности”, что порождает противоречие индивидуального и коллективного. В результате “игра с болезнью” увлекает человека в свой неизвестный (а посему пугающий) мир, как правило, *дистанцируя* его от общества. В такой “игре” человек расходует свой биосоциальный потенциал, что отрицательно отражается на его активности в социальном пространстве. Вступая в “игру с болезнью”, человек вынужденно нарушает динамическое равновесие системы общественных отношений, так как временно или пожизненно выбывает из сферы производства социальных благ. Однако субъекты социума также неизбежно оказываются участниками данной игры, так как ставятся перед выбором определенной стратегии и тактики поведения по отношению к больному. “ Игра с болезнью” предполагает своего рода общественное *соучастие*. Общество здесь выступает в качестве своеобразного зрителя, которого иногда приглашают на сцену, чтобы либо обратиться лицом к больному и как-то помочь ему, либо же поставить последнего в положение изгоя и состояние отчуждения.

Заключение

Итак, “игра с болезнью” включает два этапа: имплицитный и эксплицитный. Первый сопряжен с неосознанным ожиданием игры. Именно в этот момент человек оказывается невольно вовлечен в “игру с болезнью”. Второй этап предполагает осознанную “игру” человека с болезнью, в ходе которой он предпринимает определенные действия, продумывает тактику, используя средства противостояния болезни. Однако он не может покинуть эту игру.

Эссенциальные аспекты “игры с болезнью” обусловлены природой данного феномена. Во-первых, это объективность, включающая в себя субъективные элементы и отсутствие институциональности: “игра” существует как система отношений между человеком и его деформированной, нарушенной природой. Во-вторых, эволюция “игры” неизбежно предполагает усложнение ее форм и ужесточение правил по мере развития общественной материи. В-третьих, данный феномен носит вынужденный характер, так как человек вступает в “игру” и принимает риски не по своей воле, а сообразно своей деструктивно меняющейся природе. В-четвертых, в ходе “игры” происходит разрыв с обыденной реальностью и формируется специфическое бытие, сводимое к игробытию в пространстве болезни. Реальность воспринимается через призму болезни, что приводит к смысловому сдвигу и формированию специфической картины внутреннего и внешнего мира больного.

Таким образом, “ игра” с болезнью заставляет человека наиболее остро пережить состояние собственной *экзистенции*, особенно если болезнь реально опасна для жизни. Вместе с тем, она раскрывает больному определенную вариабельность развития сюжетов его жизни.

В целом данный феномен оттеняет проблему ограниченности свободы выбора. В силу того, что вступление человека в игру с болезнью носит вынужденный характер, он лишается права действовать как субъект. Вместе с тем болезнь предлагает ему определенные альтернативы действий или бездействий, где человек все же обладает свободой выбора, хотя и ограниченной.

Литература

1. *Андрющенко А., Бескова Д.* Телесность, с точки зрения психосоматического континуума, “здоровье — болезнь” // Телесность как эпистемологический феномен. М.: ИФРАН, 2009.

2. *Белоглазова Л. А.* Игра как феномен бытия: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Воронеж, 2007.

3. *Витгенштейн Л*. Философские работы. Ч. I. М.: Гнозис, 1994.

4. *Гадамер Г.-Г.* Истина и метод. М.: Прогресс, 1988.

5. *Гиппиус З.* Игра // Сияние. Париж, 1939.

6. *Гуревич П.С*. Эстетика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006.

7. *Калайков И.* Нормалогические и патологические — разные качества материальных форм отражения // Философские и социально-гигиенические аспекты учения о здоровье и болезни. М.: Медицина, 1975. С. 137–161.

8. *Ковалева Л. И.* Гендерная игра: социально-философский анализ: автореферат дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2011. 24 с.

9. *Корольков А. А., Петлленко В. П.* Философские проблемы теории нормы и патологии в биологии и медицине. М.: Медицина, 1977.

10. *Неделяева Н. Н.* Ценностное отношение к болезни как феномен массового сознания // Молодой ученый. 2012. № 2. С. 172–177.

11. *Рутковская М. В.* Философия игры: от исторических модусов к математике // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2011. № 2. С. 219–223.

12. *Тазетдинова Р. Р.* Игра как знак сопричастности субъекта бытию // Вестник Казанского государственного университета. 2011. № 2. С. 8–12.

13. *Финк Э.* Основные феномены человеческого бытия. Бытийный смысл и строй человеческой игры // Проблемы человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 357–404.

14. *Хейзинга Й.* Homo Ludens; Статьи по истории культуры. М.: Прогресс—Традиция, 1997. 416 с.

15. *Berne E.* Dessa spel som manniskor spelar psykologi mdnskliga relationer. Nyk?ping: Philosophical Arkiv, 2016.

16. *Boorse C.* Concepts of health and disease // Philosophy of medicine Amsterdam. 2011. Vol. 16. P. 13–64

17. *Boorse C.* Health as a theoretical concept // Philosophy of Science. 1977. № 44. P. 542–573.

18. *Brown W. M.* On defining “disease” // Journal of Medicine and Philosophy. 1985. № 10(4). P. 311–328.

19. *Caplan A.* If gene theory is the cure, what is the disease? // Gene Mapping: Using Law and Ethics as Guides. Ed by G. Annas & S. Elia. New York: Oxford University Press, 1992. P. 128–141

20. *Hesslow G.* Do we need a concept of disease // Theoretical Medicine. 1993. № 14. P. 1–14.

21. *King L.* What is a Disease? // Philosophy of Science.1954. № 21. P. 193–203.

22. Lennox J. Health as an objective value // The Journal of Medicine and Philosophy. 1995. № 20. P. 499–511.

23. *Margolis J.* The concept of disease // Journal of Medicine and Philosophy. 1976. № 1. P. 238–255.

24. *Reznek L.* The Nature of Disease. London: Routledge & Kegan Paul. 1987. 150 p.

25. *Wakefield J.* The concept of mental disorder: on the boundary between biological facts and social values // American Psychologist. 1992. № 47. P. 373–388.

26. *Weiner H.* Der Organismus als leib-seelische Funktionseinheit — Folgerungen fьr eine psychosomatische Medizin // Psychotherapie, Psychosomatik, Medizinische Psychologie. 1991. № 41. S. 465–481.

Аннотации и ключевые слова публикуемых статей

Тетушкин Е.Я. Гены забытых предков

Анализируется роль генеалогии и генетики в формировании личностных идентичностей. Рассматриваются концепции генеалогической идентичности и генетической идентичности. Обсуждается проблема соответствия между генетикой и генеалогией индивидов. Большое внимание уделяется философским аспектам генетической генеалогии – прикладной дисциплины, изменившей представления о личностной идентичности. Затронута тема трансформации идентичностей под воздействием социальных преобразований. Описаны способы конструирования генеалогических нарративов.

Ключевые слова: личностная идентичность, генетическая генеалогия, генеалогическая идентичность, генетическая идентичность, генетический эссенциализм, геномная идентичность, ризома, генеалогические нарративы.

Tetushkin E.Ya. Genes of Forgotten Ancestors

The article presents an analysis of the role of genealogy and genetics in personal identity formation. The concepts of a genealogical identity and genetic identity are considered. The problem of correspondence between individuals' genetics and genealogy is discussed. Much attention is paid to the philosophical aspects of genetic genealogy that is an applied discipline that has changed all the understanding of personal identity. The transformation of identities under the influence of social change is touched upon. The methods of constructing genealogical narratives are described.

Key words: personal identity, genetic genealogy, genetic essentialism, genomic identity, rhizome, genealogical narratives.

Пелипенко А.А. Эволюция: вектор и траектории. Статья 2. Женское и неженское лицо мифоритуальной системы

Изложенные в предыдущей статье утверждения о движущих силах и направленности эволюции рассматриваются на конкретном примере одного из важнейших событий исторической эволюции человечества — распада верхнепалеолитического культурного синкрезиса. Утверждается, что движущей силой этого распада послужила гендерная проблема, вызванная "расколом" первобытного коллектива по половому признаку. Показано, как специфическая для человека морфофизиологическая проблема полов превратилась в гендерную проблему культуры: "женский" неолит строится вокруг идеи *фертильности*, а "мужской" — вокруг идеи *экспансии*.

Ключевые слова: неолит, синкрезис, мифоритуальная система, гендерная проблема

Pelipenko A.A. Evolution: vector and trajectories. 2. Unwomanly and womanly face of mythological-ritual system

The ideas on drivers of the evolution and its direction are illustrated by a specific example of the upper Paleolithic cultural syncresis breakdown. It is alleged that the breakdown was powered by a gender issue provoked by a gender-based split of the primeval collective. It is shown how a human-specific morphological-physiological problem of sexes' relation transformed into gender issue of Culture: the "famine" neolith was organized around the idea of fertility while the musculine one – around the idea of expansion.

Key words: neolith, syncresis mythological-ritual system, gender issue

Кантор В.К. Нарождающаяся идеология массового общества, или Степун против Горького в защиту Достоевского

Рассматривается одна из интереснейших полемик в предреволюционную эпоху в России, а именно полемика Степуна с Горьким по поводу Достоевского. Степун писал, что Горький не увидел в творчестве Достоевского метафизики трагедии. Автор показывает, что Горький выразил миропонимание нарождавшегося массового общества, не желавшего видеть трагедийность жизни, а потому разделявшего позицию тех, кто выразил властное начало — большевиков, нацистов. Интересно, что Горького поддержал Ленин и большевистские публицисты.

Ключевые слова: Достоевский, Степун, Горький, Ленин, трагедия, массовое общество, большевизм.

Kantor V.K. The nascent mass society ideology: Stepun vs Gorky in defense of Dostoyevsky

One of the most interesting debates in pre-revolution Russia is considered, that is the debate between F. Stepun and M. Gorky about F. Dostoyevsky. According to Stepun, it's the metaphysics of tragedy that Gorky failed to discern in the works by Dostoevsky. It is shown that Gorky did reflect the affitude of the nascent mass society that did not want to see the tragic aspect of life and so aligned themselves with those who represented authoritarian principle, such as Bolsheviks and Nazi. It's indicative that Gorky was backed by Lenin and other bolshevist publicists.

Key words: Dostoyevsky, Stepun, Gorky, Lenin tragedy mass society Bolshavism.

Булатова Е.И. Исследования девичества

В статье оценивается современное состояние отечественных исследований субкультуры девичества, а также рассматриваются этапы формирования в англоязычной литературе междисциплинарного поля девичьих исследований сквозь призму трансформации основных концепций и теоретических подходов к изучению девичьей культуры ("культура спальни", "девичий бунт", "девичья власть" и постфеминистское прочтение женственности).

Ключевые слова: девичество, исследования девичества, "культура спальни", постфеминизм, "девичий бунт", "девичья власть", девичья культура, девичья субкультура.

Bulatova E.I. Girlhood Studies

The paper deals with the stages of Girlhood Studies development, that are seen through the prism of the transformation of the main concepts and approaches to girls' culture research ("bedroom culture", "girl riot", "girl power" and postfeminist vision of femininity).

Key words: girlhood, girlhood studies, "bedroom culture", post-feminism, "girl riot", girl culture, girl subculture, "girl power".

Савельева О.О. Удовлетворение потребностей в стиле "минимализм"

В статье представлена ретроспектива появления и развития минимализма как ответа на усложнение социальной жизни и вещной среды в начале 1960-х годов на Западе и в СССР. Минимализм оказался востребованным в СССР в условиях недостаточного потребительского обеспечения, оставил свой след в архитектуре и живописи.

Ключевые слова: минимализм, Запад, потребление, фестиваль молодежи и студентов, градостроительство.

Savelyeva O.O. Minimalism approach to meeting the needs

A retrospective of emergence and development of minimalism is presented. It is considered to be a response to sophistication of social life and material environment in early 60-ies in the West and in the USSR. In the latter minimalism became demanded against the background of insufficient meeting of demand and it has made its mark on the architecture and painting.

Key words: Minimalism, the West, consuming, Festival of Youth and Students, city planning.

Шашкова О.Н. Русский путь. "Железнодорожный вопрос" в общественной жизни (1820–1850-е годы)

Статья посвящена раннему этапу становления железнодорожного транспорта в России (1820–1850-е годы). Изложены основные этапы профессиональной и общественной дискуссии о внедрении железных дорог. Рассмотрен ход согласования и утверждения строительства первых в России железнодорожных линий и нереализованные железнодорожные проекты указанного периода. Проанализирована позиция ключевых деятелей эпохи в области государственного управления, экономики и культуры. Оценены некоторые важные социальные аспекты "железнодорожного" проекта.

Ключевые слова: общественный прогресс, история железнодорожного транспорта, железнодорожная политика, пути сообщения.

Shashkova O.N. The Russian road: "Railways question" in the public life (1820–1850-ies)

The article is devoted to the early stage of formation of the railway transport in Russia (1820–1850-ies). The basic stages of professional and public debate about the introduction of the railroads are stated. The progress and approval of both construction of the Russia's first rail lines and railway projects unrealized duzing the specified period are considered. The position of the key figures of the era in public administration, economy and culture are analysed. Some important social aspects of the "railway" project are estimated.

Key words: social progress, the history of railway transport, railway policy, means of communication.

Степанова Г.Б. Эргономика в СССР: опыт междисциплинарных исследований

В работе анализируются с историко-методологических позиций концептуальные основания отечественной эргономики 1970–1980-х годов. В центре внимания — представления и подходы, разработанные в те годы В.П. Зинченко, В.М. Муниповым, Э.Г. Юдиным для методологического и теоретического обоснования эргономики как научной и проектировочной дисциплины.

Ключевые слова: эргономика, системный подход, междисциплинарные исследования, человеческий фактор, трудовая деятельность.

Stepanova G.B. Ergonomics in the USSR: an attempt in the interdisciplinary research

Conceptual base of the Home ergonomics of the 1970–1980-ies are analyzed in the historical and methodological perspective. The deliberation is focused on the ideas and approaches that were developed by V.P. Zinchenko, V.M. Munipov, E.G. Yudin in order to provide theoretical and methodological substantiation of the ergonomics in its capacity of the scientific and design discipline.

Key words: ergonomics, system approach, labour.

Беркович Е. Альберт Эйнштейн, невозвращенец

Излагается история скитаний Эйнштейна после прихода к власти в Германии нацистов, поисков постоянного места жительства и работы, отношений с коллегами и нацистскими властями, идейных поисков ученого.

Ключевые слова: Эйнштейн, нацизм, Германия, Бельгия, СССР, США.

Berkovich E. Albert Einstein, the defector

The story of Einstein's wandering after Nazi coming to the power, his seek for a permanent place to live and work, his relathionship with his colleagues and the Nazi authorities and his ideological swings are described.

Key words: Einstein, Nazism, Germany, Belgium, the USSR, the United States.

Островская З.В. Всех знаемых и незнаемых

Статья посвящена истории и настоящему Бутовского полигона, печально известному месту массовых расстрелов. Рассказывается о работе, проводимой настоятелем и общиной храма Новомучеников и Исповедников российских по созданию Мемориала памяти пострадавших в годы репрессий.

Ключевые слова: Бутовский полигон, история, репрессии, символы памяти.

Ostrovskaya Z.V. "All those known and unknown…"

The past and the present of Butovo ground, an infamous place of mass shootingis descrober as well as the work of the senior priest and the laity of New Martyrs and Confessors church on the creation of The Memorial of the victims of repression.

Key words: Butovo ground, history, repression, memory symbols

Климова С.М. Николай Бердяев и Василий Розанов: два опыта философской автобиографии

В статье рассмотрен опыт философской автобиографии на примере трилогии В. Розанова и "Самопознания" Н. Бердяева. Представлен особый способ самоописания философа через хронотоп неуместного и несвоевременного, резко отличающийся от событийного времени их бытовой биографии.

Ключевые слова: хронотоп несвоевременного и неуместного, философская автобиография, русская философия

Klimova S.M. Nikolay Berdyaev and Vasiliy Rozanov: two attempts in the philosophical autobiography

An experience of philosophical autobiography is considered through the example of V. Rozanov's trilogia and "Self-knowledge" by N. Berdyaev. A Chronotope of Inappropriate and Untimely is presented as a specific mode of analyze, radically different from the eventive time of their mundane biography.

Key words: Chronotop of Inappropriate and Untimely and Untimely, a philosophical autobiography, Russian philosophy

Попова О.В. Интимные технологии и кризис социальности
Исследуется феномен интимных технологий. Под интимностью подразумевается преодоление дистанции между технологиями и человеческим телом, в трансгрессивных формах обретающее эротически-сексуальную артикуляцию. Продемонстрированы различные формы сближения технологий и человеческого тела и формы их влияния на формат и нормы социальных взаимодействий. В статье также осуществлена попытка тематизации техновзгляда как особой реальности, порождающей множество социально-этических проблемных зон.
Ключевые слова: интимные технологии, техновзгляд, этика робототехники, конструирование человека.
Popova O.V. «Intimate» technologies and the crisis of socialness
This article examines the phenomenon of «intimate» technologies. Intimacy here means the overcoming of the distance between technologies and the human body; their convergence in transgressive forms finds its erotic-sexual articulation. Various forms of technologies and the human body convergence are discussed. It was shown how these technologies affect the scope and normative rules of social interactions. The article also presents an attempt of thematizing technological look as a special reality, generating a lot of ethical problem areas.
Keywords: intimate technologies, sensitive technologies, technological look, ethics of robotics, human design.

Новикова Т.О. До рождения: на границе человеческого
В статье рассматривается вопрос социокультурной рецепции и качественного осмысления внутриутробного существования. Возможно ли определение данного этапа как части собственно человеческой жизни или человек “начинается” с момента рождения, а это состояние до — есть лишь «невоплощенное “кто-то”, которое может пока существовать только в форме вопроса, а не ответа»? На основе рассмотрения различных моделей определения статуса эмбриона делается заключение о двух возможных векторах его восприятия: в контексте субъект-субъектных или субъект-объектных отношений.
Ключевые слова: эмбрион, внутриутробное существование, статус эмбриона, нерожденный ребенок, виртуальное рождение.
Novikova T.O. Unborn children: on the verge of the Human
The problem of socio-cultural reception and meaning of the unborn is discussed. Is it possible to determinate the unborn stage as a real life or does the human being start being at the point of birth and this preborn state is just the “disembodied “Who”, existing only in the form of question?”. The conclusion based on the analyses of different models of the embryo’s status is made concerning the vectors of reception of unborn, when it is viewed in the context of subject-to-subject or subject-to-object relations.
Keywords: embryo, being in utero, status of embryo, unborn, virtual birth.

Мареева Е.В. П. Чаадаев: социальный критик, философ, резонер?
Подвергнута критике “легенда” о Чаадаеве как основоположнике русской революционно-освободительной мысли. На основе анализа “Философических писем” и “Апологии сумасшедшего” показан переход в историософской концепции Чаадаева от умозрительного оксидентализма

к обоснованию преимуществ русской монархии. Проанализирован культурный феномен “чаадаевщины” как проявления на русской почве байронизма и дендизма.
Ключевые слова: Чаадаев, чаадаевщина, историософия, оксидентализм, русский дендизм, байронизм, индивидуализм.

Mareeva E.V. P. Chaadaev: social critique, philosopher, arguer?
The article presents a critique of the “legend” of Chaadaev being the founder of the Russian revolutionary-liberation thought. With the basis of the analysis of the “Philosophical Letters” and the “Apology of a Mad man” the author shows the transition in the historiosophical concept Chaadaev from notional occidentalism to backing Russian monarchy. The article provides the analysis of the cultural phenomenon of “chaadaevchshina” as the manifestation of Byronism and dandyism.
Keywords: Chaadaev, chaadaevism, historiosophy, occidentalism, russian dandyism, Byronism, individualism.

Изуткин Д.А., Смирнова Н.Е. Играющий с болезнью
Предпринимается попытка представить отношения человека и болезни как специфическую игру. Вся жизнь человека протекает в состоянии неосознанного ожидания “игры с болезнью”. Особенность ее состоит в том, что человек играет не с другим субъектом, а с собственным природным состоянием. Правила игры с болезнью вступившему в игру человеку неизвестны, и само вступление в нее носит вынужденный характер. Но, с другой стороны, болезнь предоставляет человеку ограниченную возможность выстроить свой дальнейший жизненный путь. Выделяется два взаимосвязанных сценария “игры с болезнью”: “игра-рулетка” и “игра-маскарад”.
Ключевые слова: болезнь, “игра с болезнью”, проект бытия, свобода выбора, свобода воли, “ игра-рулетка”, “игра-маскарад”

Izutkin D.A., Smirnova N.E. Playing with the disease
The article attempts to present the relationship between the individual and his/her disease as a specific “game”. All the individual’s life is being lived in the unconscious anticipation of the “game” with the disease whose rules are not known to the individual. Though the game itself is of compulsory nature, a disease gives a person some limited freedom to construct his/her way of life. Two interrelated scenarios of the “ game” with the disease are identified: “a game-roulette” and “a game-masquerade”.
Key words: disease, “game with the disease”, life project, freedom of choice, freedom of will, “a game-roulette”, “a game-masquerade”

Human Being
Founded in 1990
Bi-Monthly

CON

Science of Man: Theory, History, Method

Genes of Forgotten Ancestors
E.Ya.Tetushkin 5

Evolution: vector and trajectories. 2. Unwomanly and womanly face of mythological-ritual system
A.A. Pelipenko 23

Humanitarian Perspectives

The nascent mass society ideology: Stepun vs Gorky in defense of Dostoyevsky
V.K. Kantor 37

Where from and Where to?

Girlhood Studies
E.I. Bulatova 45

Minimalism approach to meeting the needs
O.O. Savelyeva 60

The Russian road: "Railways question" in the public life (1820–1850-ies)
N.O. Shashkova 74

University of Man

Ergonomics in the USSR: an attempt in the interdisciplinary research
G.B. Stepanova 94

An Individual and the Power

Albert Einstein, the defector
E. Berkovich 104

TENTS

"All those known and unknown…"
119 *Z.V. Ostrovskaya*

Philosophical Anthropology

Nikolay Berdyaev and Vasiliy Rozanov: two attempts in the philosophical autobiography
131 *S.M. Klimova*

Humanitarian Expert Review

"Intimate" technologies and the crisis of socialness
138 *O.V. Popova*

Unborn children: on the verge of the Human
153 *T.O. Novikova*

The Fate

P. Chaadaev: social critique, philosopher, arguer?
163 *E.V. Mareeva*

To be or may be

Playing with the disease
174 *D.A. Izutkin, N.E. Smirnova*

44 **The new books**

184 **Annotations and key words of published articles**

192 **To our authors. New rules of designing the articles**

На первой странице обложки фрагмент картины "Барышня, заплетающая косу" художника В. Нагорного

На четвертой странице — Храм Новомучеников и Исповедников российских на Бутовском полигоне

К сведению авторов

Журнал “Человек” публикует статьи по комплексным междисциплинарным исследованиям человека, статьи в помощь преподавателям гуманитарных и общественных наук, обзоры и рецензии, а также информацию о научных конференциях в России и за рубежом.

Издание включено в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук (по специальностям культурология, философские науки, социологические науки).

К рассмотрению не принимаются материалы, которые полностью или частично (более 20% текста) уже были опубликованы в другом издании.

Редакция принимает материалы объемом до 40 тыс. знаков (1 авт. л.) в одном экземпляре, напечатанном через два интервала на одной стороне листа формата А4, или в электронном виде в версии Word for Windows.

Автор обязан указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации; предоставить иллюстративный материал, если он необходим по тексту.

Обращаем Ваше внимание на то, что в перечень пристатейного сопровождения внесены изменения. К статье прилагаются: аннотация (200–250 слов); ключевые слова (не более десяти); справка об авторе (авторах), в которой указываются фамилия, имя, отчество, официальное название места работы (в том числе город, страна, почтовый адрес), должность, ученая степень, ученое звание, адрес электронной почты автора или учреждения, номера контактных телефонов. Перечисленные сведения представляются на **русском** и **английском** языках. К статье также прилагается фотография автора.

Оформление литературы. Используемые в тексте источники оформляются в качестве затекстового библиографического списка под заглавием “Литература” в алфавитном порядке. Сначала приводятся источники на русском языке, затем — на иностранных. Фамилия и инициалы автора набираются курсивом. В тексте статьи для связи с затекстовым списком используются отсылки в виде номера соответствующей затекстовой ссылки в квадратных скобках, с указанием при необходимости страницы [9, с. 12] или без нее, если источник цитируется единожды или все отсылки на источник содержат одну и ту же страницу [9] — в этих случаях страница приводится в соответствующей ссылке затекстового списка (*Петров И.Д.* Проблемы познания. М.: Наука, 2014. С. 20). Вторичное упоминание источника предполагает использование указания **там же/ibid.** со ссылкой в случае необходимости на страницу. В библиографической ссылке затекстового списка обязательно указание не только места издания, но и названия издательства. Библиографические ссылки оформляются согласно ГОСТу Р.7.05.–2008.

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Издатель — Российская академия наук, издательство “Наука”
Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90.

Адрес редакции: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90.
Тел.: 8 (495) 276-11-58 (доб.) 3351.
E-mail: humanus-1@naukaran.ru; www.chelovek21.ru

Сдано в набор 30.11.2016. Подписано к печати 02.02.2017.
Формат 70 × 100 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,48 + 0,64 вкл.
Усл. кр-отт. 3,64 тыс. Уч.-изд. л. 20,2.
Бум. л. 6,0 + 0,5 вкл. Тираж 227 экз. Заказ № 1052

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”» с готового оригинал-макета.
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6